

РУФОЛЬФ ГЕСС - УЗНИК СВОБОДЫ

Перевод англоязычной версии оригинальной книги

FRAU ILSE HESS
ENGLAND-NURNBERG-SPANDAU

Перевод: sieg-heil.info

“Размышляя над всей этой историей, я рад, что не несу ответственности за то, как с Гессом обращались и обращаются. Он пришел к нам по собственной воле и, не имея полномочий, был своего рода кем-то вроде посланника.”

Уинстон Черчилль

ПРЕДИСЛОВИЕ

от

Командующего ВВС Г.С.Одди, награждённого двумя крестами королевских ВВС Великобритании.

Миссия Гесса, которая была сразу же окружена завесой секретности и продолжила сохраняться, обязана была быть и до сих пор остается источником тревожных размышлений для тех, кто имеет мужество смотреть в лицо реалиям этого века. Века, в котором силы зла, опираясь на извращенное использование христианской фразеологии, похоже, подталкивают мир к окончательной катастрофе. Эта тайна сохранялась на протяжении всех военных лет и охраняется даже после заключения Рудольфа Гесса.

Для обычного гражданина практически невозможно эффективно ознакомиться с фактами, чтобы судить об этом деле. Однако он знает, что секретность никогда не была и не будет оружием Добра, в то время как чаще всего она является отличительным знаком Зла.

Впервые за двенадцать лет читателям будет дан свет на эту миссию, хотя, к сожалению, это только тот свет, который может быть пропущен через тюремные решетки или с разрешения цензора.

Если читатель будет помнить о том, что нужно выйти за рамки своего представления о мире, и поставить себя на место историка будущего, то он обнаружит историю человеческого поступка того, кто руководствуясь внутренним стремлением и собственным кодексом чести, предпринял тайную и личную миссию мира. Миссию, более того которая, как он предполагал, получила необъявленное одобрение его Шефа.

Сам акт требовал большого морального и физического мужества, тщательного планирования и, для того, кто не был вовлечён активно в полёты, значительного мастерства в исполнении. Если некоторые читатели считают, что планирование такой одиночной миссии указывает на наивность, несовместимую с позицией Гесса, то им следует вспомнить, что немецкая национал-социалистическая партия в большинстве своем состояла из людей действия, а не из подготовленных дипломатов. Его Миссия была достаточно эффективной, чтобы оправдать ограничение немедленного сохранения тайны и полного последующего подавления ее реальной природы. Это подавление включало отказ в праве на самозащиту во время судебного процесса.

Личные письма, переданные между Рудольфом Гессом и его женой, приложенные к этому краткому рассказу о Миссии, очень важны, так как дают представление о его характере и мыслях. Было бы очень трудно представить себе из них человека, либо надутого от самомнения, либо работающего или того, кто разрабатывал хитроумный план, который провалился. Гораздо легче представить из этих писем смелого и искреннего идеалиста, заблуждающегося или нет, в зависимости от взглядов, но окрыленного надеждой, что, конечно, было бы что было бы совершенно невозможно для умудренного житейским опытом дипломата.

Возможности, которые скрываются за этой последней минутой попытки примирения между Великобританией и Германией, были настолько колоссальны, что приходится взвешивать вероятности подлинности Миссии, с одной стороны и реакции нашей стороны - с другой. История Гесса кажется правдоподобной, в то время как история его обвинителей нет.

Вдумчивые читатели, несомненно, задумаются о значении довольно печального комментария Гесса в одном из его писем из тюрьмы - "Я не понимал, что Черчилль стал бессилён предотвратить катастрофу, охватившую нас".

Это бессилие национальных правителей, похоже, охватывает не только трагедию Гесса и его миротворческой миссии, но и неизбежное и запланированное сползание нашего мира в хаос.

Такие публикации, как эта книга, если они будут широко прочитаны, помогут открыть глаза общественности, пока еще есть время.

Г.С.Одди

Рудольф Гесс, заместитель фюрера национал-социалистической Германии, высадился в Шотландии 11 мая 1941 года. Он был приговорен Международным военным трибуналом в Нюрнберге 1 октября 1946 года к пожизненному тюремному заключению.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	2
Заметка Ильзы Гесс	7
Вступление от Ильзы Гесс	10
Полёт	24

Годы Заключение

<i>1. Англия (Май 1941 – Июнь 1945)</i>	<i>31</i>
<i>2. Нюрнберг (Январь 1941 – Июль 1947)</i>	<i>38</i>
<i>3. Шпандау (Август 1947 – 1951)</i>	<i>68</i>

Судьба может быть очень непредсказуемой: Когда Рудольф Гесс, в мае 1941 года предпринял свой знаменитый полет в Шотландию, в этой мировой политической аванюре было заложено множество различных возможностей. Машина моего мужа могла упасть над Северным морем; прыжок с парашютом мог закончиться фатально; было также возможно, что он благополучно достигнет своей цели, и это не было вне рамок вопроса его самопровозглашённой успешной миссии. Более того, он мог иметь успех с Британским Правительством, только если бы он был послан назад с флагом перемирия в Германию, затем он был бы застрелян в своей собственной стране за неординарный поступок.

Ничего из этого не произошло. Но то, что произошло, в 1941 году было невообразимым. Человек, который был так полностью одержим идеей установления мира и прекращения Второй мировой войны, отказался от должности государственного министра Германии и заместителя Фюрера, и был готов пожертвовать самой жизнью, закончил свою жизнь в качестве политического заключенного - эти двенадцать лет, сначала в Англии а теперь в Германии.

Таким образом, я предлагаю эти страницы в качестве документа, который должен быть представлен тем, кто все еще держит моего мужа в тюрьме. в тюрьме. Я также предлагаю их в качестве приветствия всем тем, кто проявляет человеческий интерес к судьбе Рудольфа Гесса.

ИЛЬЗА ГЕСС

Гайленберг, сентябрь, 1952 г.

ВСТУПЛЕНИЕ

В одиночестве и молчании Рудольф Гесс вступил на путь, который должен был привести его к четырем годам заключения под британцами, к его появлению на скамье подсудимых в Нюрнберге и, наконец, к длительному заключению в стенах крепости Шпандау.

Он готовился к величайшему приключению в своей жизни с напряженной концентрацией и спокойным упорством, что было характеристиками целостного человека.

Никто никогда не верил мне, когда я говорила, что даже в мае 1941 года я не имела ни малейшего представления о его настоящей цели. Немецкая тайная полиция допросила всех его друзей и родственников, его адъютантов, членов его штаба, и, конечно, его жену - они мне не поверили! Позднее офицеры, чиновники и журналисты оккупационных армий оказались такими же недоверчивыми.

Признаюсь, однако, что для меня и окружающих его людей не было секретом, что он занимается планированием чего-то необычного. Он был чрезвычайно занят всевозможными делами, и его напряженное состояние было заметно. Коробки упаковывались, а затем распаковывались. На заводе "Мессершмитт в Аугсбурге он неоднократно летал на Me 110, в качестве в качестве (так он говорил) "отдыха". Его молчание само по себе, однако, не произвело бы на меня впечатления, поскольку со времени нашей свадьбы в 1927 году существовал неписанный закон, что личное и общественное должно быть строго разделено. Мой муж презирал людей, занимающих государственные должности, которые не могли "держать рот на замке дома", и мне не полагалось задавать вопросы, если он ничего не говорил.

Но со временем мне стало ясно, что его все более частые поездки в Аугсбург вряд ли можно объяснить как отдых, как простое отвлечение от служебных забот. Однажды я ожидала в офисе мужа, и голос, исполненный фактической убежденности и, очевидно, передавая какое-то ожидаемое сообщение, сообщил мне прогноз погоды в каких-то загадочных местах, называемых X и Y. Весьма удивленная, я записала это, на мой взгляд, совершенно непонятное сообщение. Но я заметила по растерянной манере секретаря, которая только что вошла, это было что-то, о чем я не должна была ничего знать! Тем не менее, она, должно быть, рассказала моему мужу; потому что с того дня я часто записывала такие отчеты - иногда по непосредственной просьбе. теперь предполагалось, и так я думала, что они приобрели безобидное явление для моего ума.

Я ничего не сказала, но я была далеко не уверена в безобидной природе того, что бы ни "затеял" мой муж в это время: Основываясь на моих знаниях о

политических событиях того периода, я разработала своё собственное объяснение. После победы Германии во Франции, с обеих сторон были попытки заменить неопределенное состояние "перемирия", существовавшее между Францией и Германией, настоящим миром. После победы Германии во Франции, с обеих сторон были попытки заменить неопределенное состояние "перемирия", существовавшее между Францией и Германией, настоящим миром. В начале зимы 1940 года, так называемая "политика Монтуара", которая, начиная со времени встречи Гитлера и Петена в этом маленьком городке, став источником надежды для многих французов и немцев (включая моего мужа) потерпела кораблекрушение, от различных внешних причин. Мой муж, который прекрасно разговаривал на французском языке с детства, имел глубокое уважение к старому маршалу Франции, его некогда противнику под Верденом. Это было чувство, основанное на сильном ощущении Рудольфа Гесса о том, что было рыцарским и солдатским отношением. Что может быть естественнее, чем прийти к мысли, что он был призван предпринять еще одну попытку, каким-то новым и впечатляющим способом, чтобы достичь прочного мира с Францией?

Постепенно идея о "полете к Петену" укрепилась до почти убежденности; казалось, она объясняла все странные вещи, происходящие вокруг меня. В мае 1945 года, когда я рассказала об этом французским офицерам оккупационной армии, которые допрашивали меня, они сначала приняли тон изумленного недоверия, смешанного с гневом. Но после дальнейшего рассмотрения они не полностью отвергли мое объяснение.

Правда - самолет Мессершмитта не стартовал в направлении Виши в мае 1941 года, но, согласно первым заявлениям, сделанным моим мужем министру внутренних дел (лорду Саймону) после его прибытия в Англию, было много такого, что "вязалось" с моими идеями: ибо он сам рассказал, что его план полета в Англию в качестве "самопровозглашённого носителя флага перемирия" был рождён в последние дни немецкой кампании во Франции в 1940 году.¹

---

1 Ниже приводится сокращенное изложение заявления, сделанное Гессом лорду Саймону первого июня 1941 года, как это было дано официально:

"Мой приезд в Англию таким образом, как я понимаю, настолько необычен, что никто не сможет его понять. Впервые я задумал этот план во Франции в июне прошлого года. Признаюсь, что, увидев тогда Фюрера, я, как и все мы, был убежден, что рано или поздно мы должны одержать победу над Англией. Обсуждая положение с Фюрером, я высказал мнение, что мы должны, как само собой разумеющееся, потребовать от Англии возвращения того, что было отнято у нас по Версальскому договору (например, стоимость нашего торгового флота). Но Гитлер тут же возразил мне. Он считал, что война может дать возможность прийти, наконец, к реальному взаимопониманию с Англией, к чему он сам стремился с самого начала своей политической карьеры. Я могу засвидетельствовать, что с тех пор, как я знал Гитлера (с 1921 года), он всегда говорил о необходимости достижения взаимопонимания с Англией и заявлял, что, как только он придет к власти, он будет стремиться к этому. Тогда, во Франции, он сказал мне, что по его мнению, не должно быть поставлено никаких тяжелых условий в случае победы над страной, с которой желательно достичь взаимопонимания. Я подумал, что если бы это было реализовано только в Англии, то возможно, что это желание к взаимопониманию возникнет и в Англии. После окончания войны во Франции, Гитлер сделал предложение по достижению взаимопонимания с Англией; но это было отклонено. Это заставило меня еще больше, чем когда-либо, быть уверенным в том, что мой план должен быть реализован на практике.

Затем произошли военные действия между Англией и Германией, в ходе которых первая понесла больший ущерб, чем Германия, так что я почувствовал, что Англия не может уступить без серьезной потери

Широкой общественности неизвестно, что это был мой муж, который до подписания условий перемирия в историческом железнодорожном вагоне в Компьене, в долгой и серьезной беседе убеждал Гитлера в неразумности навязывания каких-либо условий, которые могли бы оскорбить честь побежденного врага и тем самым преградить путь к прочному взаимопониманию между двумя народами. Только после заверений в этом, он отказался от своего первоначального отказа присутствовать в Компьене.

Он ясно видел, что новая война станет катастрофой для Европы и для всего мира. Когда был брошен жребий и военная машина начала своё движение по этому курсу, он полностью посвятил себя тому, чтобы сделать все, что входило в его компетенцию, чтобы добиться победы Германии как можно быстрее и с минимальным кровопролитием. Ибо он видел в этой победе лучший способ завершить раз и навсегда, вековую бесплодную вражду и уничтожение, и начать новую эру продолжительного мира между нациями на основе равенства.

С первого дня войны его сокровенные мысли были неуклонно направлены на скорейшее заключение такого мира. После краха Франции, когда Англия осталась единственным врагом, он попытался сначала через Альбрехта Хаусхофера (сына своего лучшего друга, геополитика, доктора Карла Хаусхофера) и с ведома Адольфа Гитлера, войти в контакт с английскими кругами, это затем выявило, что установление такой связи через Испанию или Швейцарию - дело затяжное и хлопотное, в то время как перспективы ощутимых результатов, казалось уменьшались.² Так получилось, что у моего мужа постепенно сформировалась идея смягчить непримиримо враждебное отношение англичан каким-нибудь необычным и драматическим поступком. В письме к Альбрехту Хаусхоферу, которое он оставил после себя в мае 1941 года, он писал, что с этой точки зрения остается только одна возможность: "разрубить гордиев узел этой несчастной путаницы!".

Этот план не мог принять реальную форму до начала осени 1940 года, потому что до сентября того года руки моего мужа были связаны обещанием, которое он дал - очень неохотно - Гитлеру в начале войны, а именно: больше не летать! Будучи летным офицером Первой мировой войны, он умолял отправить его на фронт в составе Люфтваффе. Ему было отказано, и Гитлер, который лучше многих знал настойчивость и упрямство своего заместителя, когда перед ним

престижа. Тогда я сказал себе: "Вот момент, когда твой план действительно должен быть осуществлен, ибо, если ты будешь в Англии, это может послужить поводом для Англии вступить в дискуссию без потери престижа". Я считал, что, помимо условий, необходимых для взаимопонимания, существовало некое общее недоверие, которое необходимо преодолеть. Мне предстояло принять очень трудное решение. Не думаю, что я смог бы прийти к окончательному выбору, если бы перед моими глазами постоянно не стоял образ бесконечной вереницы детских гробов с плачущими матерями за ними, как английскими, так и немецкими; и другой вереницы гробов матерей с плачущими детьми."

2 Альберт Хаусхофер был арестован в мае 1941 года, но вскоре освобожден, поскольку было доказано, что вне всякого сомнения, его попытки установить связь с Женевою и Мадридом происходили с ведома Гитлера. Ульрих фон Хассель в своей книге `Vom anderen Deutschland` утверждал, что Хаусхофер вел двуличную игру - "внешне для Гесса, но на самом деле для движения сопротивления". В других источниках это утверждение не находит поддержки (Ульрих фон Хассель был арестован 29 июля 1944, 8 сентября казнён через повешение – прим.ред.). Однако в 1944 году Хаусхофер был снова арестован по подозрению в причастности к событию 20 июля, но его дело так и не дошло до суда, поскольку в конце апреля 1945 года он был расстрелян без суда и следствия в берлинской тюрьме, как раз перед тем, как русские вошли в город.

стояла цель, настоял на том, чтобы он дал честное слово, что больше не будет летать. Он знал, что Гесс никогда не нарушит своего слова; но он упустил из виду, что мой муж, формулируя свое обещание, умудрился вставить пункт, ограничивающий период воздержания от полетов одним годом! Это он сделал в 1939 году, в надежде, что по истечении срока сможет отправиться на фронт. Год спустя он ждал момента, когда освободится от своего обязательства, с растущим, хотя все еще смутным, представлением о каком-то личном действии, которое уведет его далеко за линию фронта.

Освободившись от своего обещания, мой муж начал знакомиться с самым современным на тот момент типом самолета преследования - Me 110. Его первая попытка была предпринята на аэродроме Темплхоф в Берлине через Эрнста Удета, тогдашнего генерал-полковника Люфтваффе. Но позднее ничего нельзя было сделать без прямого разрешения Адольфа Гитлера. Затем мой муж обратился к профессору Мессершмитту в Аугсбурге, и там он смог начать практические полеты без каких-либо трудностей и условий. И Мессершмитт, и его технический директор Кронейс - сам летчик и друг моего мужа с конца Первой мировой войны - давно привыкли к его страсти к воздуху и особому интересу к машинам Мессершмитта и их развитию; они не нашли ничего подозрительного в его частых визитах и интересе к Me 110 и его просьбе разрешить ему использовать машину в качестве "формы отдыха".

Me 110

Профессор Мессершмитт и Кронисс, умерший несколько лет назад, неодобрительно качали головами, когда рассказывали мне после полета моего мужа, каким хитрым он был, когда совмещал свои "рекреационные полеты" с предложениями критического характера, призванными побудить ответственного инженера выполнить определенные изменения, чтобы сделать машину пригодной для дальнего путешествия, которое он имел в виду! Me 110 был предназначен для двух человек, но ему удалось получить детали, которые сделали его машиной для одного человека, подходящей для его целей. Он хмуро критиковал слишком ограниченный радиус действия машины, к большому неудовольствию Мессершмитта, который, однако, позволил обмануть себя и установить два вспомогательных бака по 700 литров в крыльях! Опасаясь, однако, что даже доверчивые и терпеливые руководители заводов Мессершмитт могут счесть слишком частые "рекреационные" полеты несколько удивительными, он время от времени делал намеки на полет на государственную службу над Норвегией. После 1945 года профессор Мессершмитт (его слова подробно цитируются в газете Frankfurter Neue Presse

от мая 1947 года)³, с юмором предположил, что никто в Аугсбурге не сомневался в заявлениях государственного министра.

Так пролетели осенние и зимние месяцы 1940-41 гг. С регулярностью, почти успокаивающей, в Берлин или Мюнхен поступали ежедневные сводки погоды из загадочных мест, известных как X и Y. Раз или два в неделю мой муж ездил в Аугсбург, чтобы попрактиковаться в полетах. Вопреки строгим правилам военного времени был приобретен новый кожаный летный костюм, которым восхищался наш маленький мальчик. и вызвал некоторое изумление у меня! В то же время, вопреки всем остальным строго соблюдаемым военным правилам, большой, совершенно новый радиоприемник появился в рабочей комнате нашего дома в Харлахинге и использовался за закрытыми двойными дверями, речь не могла идти о прослушивании иностранных радиостанций, потому что мой муж получал эти новости в письменном виде из официальных источников прослушивания. Однажды, движимая понятным женским любопытством, я посмотрела регулятор настройки, чтобы узнать, на какую станцию он настроен, и обнаружила, что это был Калундборг. Это далеко не подтверждало мой тезис Петена - но, в конце концов, какое значение имели показания, которые могли быть случайными?

Наш друг Кронисс рассказал мне после полета, что, поскольку мой муж не мог пользоваться никакими официальными направляющими сигналами, он воспользовался интервальными сигналами из Калундборга и в течение нескольких недель, когда он совершал свои подготовительные полеты, он уговорил начальника станции Калундборга, по какой-то невинной причине,

---

3 В мае 1947 года газета Frankfurter Neue Presse опубликовала интервью с Вилли Мессершмиттом, известным немецким авиаконструктором, в котором он подробно остановился на некоторых моментах, связанных с полетом Гесса.

Осенью 1940 года Гесс обратился к нему с просьбой испытать несколько типов современных самолетов для преследования. Сначала Мессершмитт не хотел этого делать, но, когда Гесс воспользовался своим авторитетом заместителя Фюрера, он дал добро и разрешил ему испытать машины Me 110. Мессершмитт отзывался о Гессе как о выдающемся пилоте. Он совершил около двадцати полетов. После каждого полета он указывал на предполагаемые дефекты, утверждая, что машины не подходят для длительных полетов, и просил попробовать внести изменения, например, установить дополнительные баки и радиооборудование, пока, наконец, он не получил машину, которую считал подходящей.

10 мая 1941 года Гесс отправился из Аугсбурга в Ставангер, чтобы, как сказал Мессершмитт, присоединиться к эскадрилье немецких бомбардировщиков, направлявшихся на Британские острова. В десять часов вечера Геринг в возбужденном состоянии позвонил по телефону и потребовал встречи с Мессершмиттом в Мюнхене. Это произошло на следующее утро. "Геринг направил на меня свою дубинку, - рассказывал Мессершмитт, - и крикнул: "Что касается вас, то я полагаю, что любой может прийти и улететь на одной из ваших машин!". Я подчеркнул, что Гесс был не любой", а заместитель Фюрера. "Вы должны были знать, что этот человек был сумасшедшим". Я резко ответил: "Как я мог предположить, что человек, занимающий столь высокое положение в иерархии Третьего рейха, может быть сумасшедшим? Если бы это было так, герр рейхсмаршал, вы должны были бы добиться его отставки!". После этого Геринг разразился хохотом и сказал: "Мессершмитт, вы совершенно неизлечимы! Возвращайтесь на свой завод и занимайтесь конструированием. Я помогу вам выбраться из этой передраги, если Фюрер попытается создать вам проблемы".

(Это интервью было отправлено моему мужу в Нюрнберг, и он написал мне, сказав, что доклад Мессершмитта его очень позабавил - хотя в некоторых отношениях он не соответствует действительности. " Я, конечно, не летел в Норвегию с мыслью присоединиться к какой-нибудь эскадре; я летел напрямую - за исключением некоторых отвлекающих манёвров, предпринятых с целью обмануть англичан, в чем я преуспел".

Рассказ об этой беседе содержит и другие ошибки, поскольку Мессершмитт не мог получить известие от Геринга не ранее воскресенья, 11 мая. (Примечание Ильзы Гесс))

которую он предоставил, передавать любимую мелодию через определенные промежутки времени. Тот факт, что станция Калундборга была таким образом включена в план, после 1945 года, породил предположение, что мой муж действительно полетел сначала в Норвегию, а затем под охраной эскадрильи немецких бомбардировщиков в Шотландию. В действительности он летел совершенно один, и в это же время Кронисс снова и снова говорил мне, каким значительным достижением должна была быть чисто навигационная сторона этого полета.

Больше всего в те последние недели меня удивило то, сколько времени - и это в разгар войны - мой муж проводил с нашим сыном. Это были долгие часы на берегу Изара, длительные посещения близлежащего зоопарка в Хеллабрунне и загадочные игры за закрытыми дверями рабочего кабинета. Все это казалось мне необъяснимым в те серьезные времена. Как все изменилось, когда я оглядываюсь назад, зная обстоятельства и видя, как все встало на свои места! Эти часы с невинным ребенком были последними краткими мгновениями внутреннего покоя в долгих молчаливых напряженных неделях подготовки и накопления нервной энергии для поступка, который - каковы бы ни были его последствия - должен изменить весь ход его жизни. Должно быть, он также ясно сознавал - с молчанием и некоторой горечью - тот факт, что его авантюра может лишить его возможности когда-либо снова наслаждаться беззаботным детским смехом.

*

*

*

10 мая 1941 года, поскольку я плохо себя чувствовала, я не спустилась к обеду, хотя Альфред Розенберг был у нас в гостях в необычно ранний час - в двенадцать. Мой муж дал четкие указания, чтобы это короткое время приема пищи не нарушалось даже домашним персоналом.

Насколько я помню, это было вскоре после часа дня, когда Розенберг уехал, а мой муж поднялся и сказал, что хочет немного отдохнуть, и спросил, может ли он выпить со мной чаю в наше обычное время в 2.30 в спальне.

Он пришел к чаю, переодевшись, и, к моему удивлению, был в голубовато-серых бриджах и высоких сапогах летчика, что было очень необычно! Вскользь он заметил, что ему позвонили из Берлина, и он собирается сделать небольшой крюк в Аугсбург по пути в штаб. Я была еще больше поражена, когда увидела, что на нем была светло-голубая рубашка с темно-синим галстуком - сочетание цветов, за которое я так часто ратовала без малейшего эффекта! Полное значение этого дошло до меня только после полета, когда меня расспрашивали об одежде, в которой был мой муж, когда я видела его в последний раз. Когда я описала бриджи, рубашку и все остальное, мой собеседник вздохнул с облегчением, воскликнув: "Слава Богу, на нем была форма офицера люфтваффе. Что бы они там с ним ни сделали, во всяком случае, они не могут застрелить его как шпиона!" Я не смогла ничего сказать о его знаках различия, но позже, просматривая его бумаги, мы нашли счет (к сожалению, неоплаченный) от военного портного в Мюнхене за форму капитана Люфтваффе. Но имя клиента (который в то же время был должником) было аккуратно вырезано.

Читатель может подумать, что эти мелкие события, предшествующие великому и трагическому предприятию, имеют очень незначительное значение, но они демонстрируют ту тщательность, с которой мой муж относился к каждому этапу подготовки и ко всему необходимому. Такая степень внимания и аккуратности требовала почти сверхчеловеческой самодисциплины.

Когда я спросила его, что означает синяя рубашка, он улыбнулся и дал очаровательное объяснение: "Чтобы преподнести тебе приятный сюрприз!" Интересно, что он на самом деле думал и чувствовал за пару часов до того, как вылетел своим рейсом в Англию? Мы можем только строить предположения. Я вижу своего мужа, стоящего передо мной, как будто это было вчера. И я так ясно помню, с каким сомнением восприняла это удивительное проявление супружеской галантности. Чай закончился, он поцеловал мне руку и остановился в дверях детской, внезапно став очень серьезным, с видом человека, глубоко задумавшегося и почти колеблющегося.

“Когда ты собираешься вернуться?”

“Я не совсем уверен, возможно, завтра; но я определенно буду дома к вечеру понедельника”.

Я ему не поверила - и так и сказала. Позже, в письме из Англии, он рассказал мне, что ему стало то жарко, то холодно поочередно, когда он услышал, как я сказала:

“Что? Завтра? Или в понедельник? Я не могу в это поверить. Ты так скоро не вернешься!”

Очень быстро он выбежал попрощаться (так он сказал мне в этом письме) со своим маленьким сыном, который спал после еды; боялся, что, если он останется подольше, я скажу больше или раскрою, что знаю больше. Однако все, о чем я думала, - это о том, что рано или поздно я получу письмо или кольцо из Виши.

Это было наше расставание - почти на двенадцать лет. Прошло восемь месяцев, пока в январе 42-го его первое письмо из Англии не восстановило его мысленный мост, так грубо разрушенный судьбой.

* * *

Звук машины, увозившей моего мужа в Аугсбург в последний раз, затих вдали, и день прошел как ни в чем не бывало. Следующие два дня, воскресенье и понедельник, в нашем доме в Харлахинге мы абсолютно ничего не знали о том, что произошло, хотя в Оберзальсберге велись оживленные дискуссии и были даны инструкции прослушивать все британские передатчики на случай, если что-нибудь станет известно о моем муже. Сомнение, которое я испытывала в день нашего расставания по поводу его скорого возвращения, усилилось.

В понедельник вечером (12 мая) мы договорились о просмотре в нашем маленьком кинотеатре дома, и теперь, почувствовав себя лучше, я надела домашнюю одежду и спустилась вниз. О чем был фильм, я не помню, потому что он едва начался, когда меня позвали. В задней части большой комнаты, где собралась наша аудитория - наша небольшая свита адъютантов, шоферов и слуг, - я увидела, что там царит какой-то беспорядок, и там я обнаружила младшего адъютанта моего мужа в расстроенном состоянии, стоящего у двери. Вежливо, но искренне он попросил меня "надеть мои вещи", имея в виду чуть более официальную одежду - просьба, которая, судя по смущенной и взволнованной манере, в которой она была высказана, показалась мне бессмысленной. Затем внезапный ужас пронесся в моем сознании, и я заплакала:

"Что-то случилось с моим мужем!"

Прошло некоторое время, прежде чем я смогла понять, что кто-то - не из присутствующих в комнате - услышал по немецкому радио, что "Бывший заместитель Фюрера упал во время полета над Северным морем и считается погибшим".

Я до сих пор помню, как сердито ответила "Нонсенс!" побледневшему адъютанту. Ни на секунду я не поверила, что произошло что-то действительно трагическое. В моменты экстремального душевного состояния, выходящего за рамки разумного, появляется знание, которое не позволит нам быть обманутыми.

Затем я сделала то, чего никогда раньше не делала, потому что у нас государственные дела и частные интересы держались особняком. Я потребовала звонка в Оберзальсберг "по государственным делам"; и попросила сделать звонок первого приоритета.

Ожидая звонка, я узнала больше о сообщении по радио, которое вызвало тревогу и ажиотаж в каждом немецком доме. То, как в этом отчете говорилось о "психическом умопомрачении", ссылка на предполагаемое "нарушение веры" в связи с обещанием больше не летать, - легко можно представить, как все это вызвало во мне страстное возмущение. Я твердо намеревалась поговорить с Фюрером и высказать ему все, что я думаю. Но я не смогла установить этот контакт, и после долгих блужданий туда-сюда я наконец-то заговорила с тогдашним рейхсляйтером Борманом, который сказал мне, что ему абсолютно ничего не известно. Это оказалось правдой, но в то время я не поверила ему на слово. Признаюсь, я едва дала ему открыть рот, но выразила свое негодование с таким акцентом и риторикой, которых я никогда не использовала ни до, ни после этого полугодия. Борман пообещал организовать для меня ранний визит представителя министерства. Весьма измученная, если не успокоившаяся, я завершила свой первый и единственный государственный звонок первого приоритета.

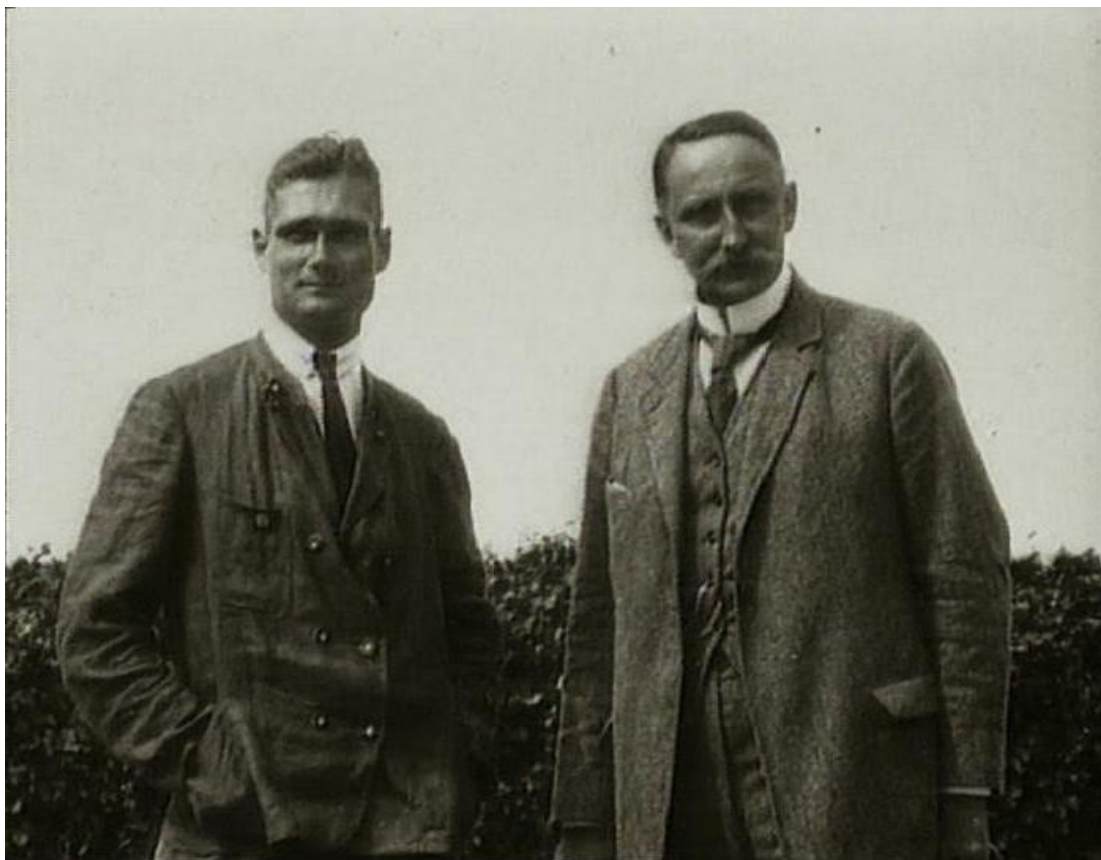
Затем я дозвонилась до брата моего мужа в Берлине. Альфред Гесс, как и я, не принял сообщение о смерти своего брата; и это помогло, потому что, несмотря на мою собственную уверенность, я не была лишена потребности в утешении. Двое близких друзей пришли навестить меня и предложить свою помощь, но они знали не больше, чем я, - только то, что слышали по радио, - а затем далеко за полночь прибыл доктор Х., обещанный представитель Министерства. Моя надежда на то, что он сможет просветить меня, стала горьким разочарованием. Казалось, в Оберзальцберге ожидали, что я их просветлю! Впервые я оказалась лицом к лицу с одним из тех недоверчивых людей, которые отказались принять мое заявление о том, что я ничего не знала о планах моего мужа. Я настаивала ошеломленному доктору Х., что все члены "штаба Гесса" должны знать своего шефа достаточно хорошо, чтобы быть уверенными, что он никогда не станет обсуждать государственные секреты со своей женой. Термин "Государственные секреты" вызвал бурную реакцию. До этого момента эмиссар был несколько смущен, но, хотя и немного побледнел, оставался вежливым и недружелюбным; но теперь он превратился в лед и сообщил мне, что если просочится хоть одно слово из того, что я (предположительно) знала, я буду арестована. Затем он повернулся на каблучках и вышел из комнаты.

Сегодня я не могу вспомнить все бесконечные вещи, которые мы обсуждали, строили догадки, обдумывали или отвергали как абсурдные в течение той долгой ночи. Трижды мы прослушивали повторы первоначального объявления - каждый раз слегка измененного, но в итоге оставшегося практически неизменным. Мы полностью в это не поверили. Мы отвергли идею смерти. Позже я обнаружила, что Адольф Гитлер противоречил всем, кто высказывал мнение, что Гесс, должно быть, разбился, - и этот факт неоднократно упоминается в письмах. Но он тоже мог делать только предположения; ибо британское правительство строго закрыло доступ ко всем новостям, имеющим отношение к этому делу. На самом деле Оберзальцберг знал не больше моего о том, что на самом деле произошло, когда немецкое радио опубликовало свое первое заявление. Единственным реальным фактом было то, что самолет Ме

110 без предупреждения покинул территорию Германии почти два дня назад, направляясь в направлении Северного моря. Далее, в воскресенье, 11 мая, Гитлер получил письмо, оставленное для него моим мужем, в котором последний объяснял свою цель. Но в течение двух дней никто в Германии не знал, что случилось с автором письма.

Тем не менее, для меня было непостижимо, что старый друг моего мужа по отцовской линии, профессор Карл Хаусхофер, когда он пришел навестить меня 13 мая, был полностью убежден в том, что мой муж мертв. Он видел истинное значение вещей дальше, чем я, потому что его сын Альбрехт рассказал ему о подготовке к переговорам через Женеву и Мадрид. И поскольку эти щупальца, без сомнения, были распространены с ведома Гитлера, Хаусхофер - вопреки моему собственному убеждению - вплоть до дня судебного процесса в Нюрнберге, когда были получены его показания, настаивал на том, что Гитлер "отправил" моего мужа, или, как он злонамеренно выразился, "принес его в жертву".

Старик был глубоко потрясен и преисполнен отчаяния из-за смерти, как он

предполагал, своего старого друга, и после того, как он ушел, я почувствовала, что впервые с того рокового вечера совершенно обессилела. Казалось, что весь мир, доселе прочно устоявшийся, рухнул вокруг меня. Единственной реальной вещью в этом безмолвном, похожем на призрак процессе распада был мой маленький мальчик. Я взяла его на руки и мгновенно погрузилась в глубокий сон. Возможно, я проспала несколько часов, прежде чем меня разбудил

возбужденный гомон и радостные крики, разносившиеся по дому. Второй выпуск, рассказывающий о благополучном приземлении моего мужа в Шотландии, взятый из английских новостей, только что передали по мюнхенскому радио.

Мы воспряли духом, по крайней мере на некоторое время, почти до запредельных высот. Распадающийся мир, казалось, снова собрался воедино! Рудольф Гесс жив - даже в таком месте, как Шотландия, это было чем-то невероятным для нас в то время, - но всё же это было фактом, защищающим нас от всех сомнений и неправды.

Однако это не могло спасти нас от последствий. Маленький мирок, который до сих пор принадлежал нам, превратился в магический круг, окружающий нас и препятствующий нашему возвращению к старым связям. Адъютанты, санитары, секретари и шоферы, мой шурин Альфред Гесс вместе с Альбрехтом Хаусхофером - все они были арестованы; некоторые из них на долгие годы исчезли в концентрационных лагерях и были освобождены только в 1943 и 44 годах. Все мы перестали быть членами группы и стали объектами произвольного контроля. Это действительно был горький напиток, который нам приходилось глотать день за днем, неделю за неделей, год за годом!

И все же мы были защищены нашей отдаленностью; никто не мог поддерживать с нами никакой связи. Мы знали Рудольфа Гесса, знали его отношение, его образ мыслей, его непоколебимые принципы чести и верности, долга и мужества.

Зимой 1940-41 годов я однажды спросила своего мужа об условиях, связанных с награждением баварским орденом Макса Йозефа и австрийским орденом Марии Терезы. К моему удивлению, он ответил очень серьезно:

"Обе эти награды вручаются только за храбрые поступки, совершенные по личной инициативе. В случае с орденом Марии Терезы требуется нечто большее: если человек действует независимо, под свою ответственность, способом, прямо противоречащим тому, что было четко приказано его начальством, и действие проходит успешно, тогда он получает орден - но если ему не повезло и был провал, тогда он получает выстрел!"

Только спустя долгое время после его полёта я вспомнила это объяснение и ту поразительную серьезность, с которой оно было дано, и с потрясением осознала, насколько ясно он представлял себе возможные результаты своего поступка в итоге.

*

*

*

*

Рот моего мужа закрыт. Он не может произнести решающих заключительных слов о своем поступке.

Однако, со своей стороны, я точно знаю, что мой муж желал принести личную жертву без прямого приказа сделать это, без какой-либо осведомлённости, поскольку Гитлер был обеспокоен этим поступком, и с ясным умом и свободной

волей. Его движущей силой и руководящей идеей был просто и исключительно мир.

Тот факт, что он действовал без осведомлённости человека, которому, как он чувствовал, был обязан, не исключает твердой убежденности с его стороны в том, что он действовал в соответствии с чувствами этого человека в данном вопросе. За несколько дней до своего полёта он убедился в ходе продолжительной и взволнованной дискуссии с Гитлером в Канцелярии, что последний - не так, как раньше, - готов, даже ценой потери престижа, заключить мир с Англией. И это несмотря на возобновившийся конфликт в ходе недавно завершившейся Балканской кампании.

Стремясь выяснить для себя реальную, а не просто официально объявленную точку зрения Гитлера на действия моего мужа, весной 1942 года я посетила вдову мюнхенского издателя Хуго Брукманна, фрау Эльзу Брукманн. Я узнала, что за последние несколько дней её посетил с соболезнованиями Адольф Гитлер. Если бы он с кем-то и говорил открыто, то только с ней.

Оказалось, что мое предположение было верным, и мне рассказали очень любопытную историю. Фрау Брукманн была в высшей степени одаренной артистической личностью, и Гитлер застал ее занятой разработкой проекта предполагаемого семейного захоронения; и можно себе представить, что размышления о внезапном прекращении долгого и необычайно счастливого брака привели ее в самое печальное душевное состояние. Фрау Брукманн рассказала мне, что Гитлер задумчиво положил руку на надгробие, сказав:

"У всех нас есть свои могилы, и мы становимся все более и более одинокими, но мы должны преодолеть это и продолжать жить, моя дорогая милостивая леди! Я тоже теперь лишен единственных двух человеческих существ среди всех окружающих меня людей, к которым я был по-настоящему и внутренне привязан: доктор Тодт мертв, а Гесс улетел от меня!"

Фрау Брукманн никогда не боялась прямо высказывать главе государства свое мнение, даже когда оно очень сильно отличалось от его собственного; она отвечала вдохновенно:

"Это то, что вы говорите сейчас и мне, но что говорит ваша официальная пресса? Год за годом мы все приезжаем в Байройт и глубоко тронуты, но кто понимает истинный смысл этого? Когда ваша несчастная эпоха наконец рождает человека, который, подобно Валькирии, исполняет глубинный смысл повеления Вотана - стремится осуществить ваше самое сокровенное желание с героизмом и самопожертвованием, - тогда его называют безумцем!"

Фрау Брукманн сделала паузу. Возмутился бы Гитлер и ушел? Не зашла ли она слишком далеко? Но он оставался тихим и задумчивым. Затем он сказал: "Разве недостаточно того, что я сказал тебе - и только тебе одной - о моём истинном чувстве? Разве тебе этого недостаточно?"

*

*

*

На самом деле у меня была копия письма, которое мой муж оставил Гитлеру, хотя сейчас у меня ее нет. Я нашел его, когда искал оставленное для меня

письмо, которое, кстати, было изъято;⁴ и я потеряла его в 1945 году, когда пропала почти вся моя переписка тех лет. Но я прекрасно помню, что центральное место в письме моего мужа к нему, занимало продвижение старой идеи Гитлера о союзе с Англией и последующем умиротворении Европы. Последняя фраза остается в моем сознании почти дословно точной: "И если, мой фюрер, этот проект - который, я признаю, что имеет очень мало шансов на успех - закончится неудачей и судьба решит против меня, это не может иметь пагубных последствий ни для тебя, ни для Германии: всегда будет возможно, чтобы ты отрицал всякую ответственность. Просто скажи, что я сошёл с ума."

Таким образом, ясно, что именно мой муж сам подсказал ключевое слово - слово, использованное в первом сообщении немецкого радио о полете, - которое постепенно привело к бесконечной цепочке реакций, к потоку домыслов и предположений о его психическом состоянии. Он играл в "перетягивание каната" с докторами в Англии по причинам, которые раскрываются в его письмах. Позже он одурачил нюрнбергских психиатров и озадачил своих охранников в Шпандау.⁵ Письма, которые он писал и продолжает писать мне, снимают последнюю завесу с этого камуфляжа. Рудольфом Гессом двигала не глупость мечтателя, а страсть человека, искренне убежденного в необходимости мира.

“Неосмотрительность, которая иногда может сослужить нам хорошую службу”, как сказал мой муж много лет спустя, вспоминая с философским юмором свой полет в 1941 году, находит интересную параллель в небольшом эпизоде, рассказанном Свеном Хедином в его книге *Ohne Auftrag in Berlin*. Ведь этот эпизод, как представляется, свидетельствует о том, что Гесс не просто заблуждался, ожидая встретить в Англии рыцарское и спортивное отношение, напротив, англосаксонский менталитет вполне мог питать подобные иллюзии. Об этом пишет Свен Хедин:

---

4 Через несколько месяцев я получила копию своего конфискованного письма: это было краткое приветствие с замечанием, что теперь, наконец, я пойму значение таинственных X и Y, которые долгое время играли большую роль в нашей жизни. К письму прилагалось его завещание и письмо для родителей и брата. Были также письма для Альбрехта Хаусхофера; для Рейхсфюрера СС с просьбой - сделано напрасно - чтобы никто из его людей, которые ничего не знали о его планах, никоим образом не пострадали из-за его действий; и для некоего сотрудника завода Мессершмитта, чье летное снаряжение он позаимствовал, пока ремонтировалось его собственное, и которое ему пришлось взять без вариантов, когда благоприятные метеосводки неожиданно заставили его в середине дня 10 мая принять решение немедленно начать свой полет. В двух предыдущих случаях старт откладывался - один раз из-за плохой погоды и второй раз из-за неисправности двигателей.

5 В 1951 г. газета *Die Gegenwart* в статье "The Cells of Nuremberg" рассказала об испытательных методах современной психиатрии и их применении во время Нюрнбергского процесса: "...К психиатрам, действовавшими самым обходным путем, можно отнести с большим сомнением... Во время Нюрнбергского процесса было проведено множество подобных экспериментов, и хотя понятно, что ученые должны клясться своими методами, они делают это настолько наивно, что можно предположить, что они не знают о постоянно меняющихся мнениях в своих собственных рядах. Например, современный психиатр дает испытуемому десять листов бумаги, на каждом из которых написано по одной чернильной кляксе, которая в каждом случае будет разного размера или цвета, и просит пациента описать эти кляксы. Неужели мы должны полагать, что до изобретения этого теста наука не знала, на что ориентироваться? Как бы то ни было, мы не можем не думать о том, что Гесс, мягко говоря, дал этим доблестным ребятам довольно легкую работу, когда с готовностью указал на одну из таких клякс, сказав, что видит двух мужчин, которые "говорят о преступлении и думают о крови". В случае с девятым листом бумаги он утверждал, что видит "часть фонтана". Даже самому психиатру показалось, что в этом ответе есть что-то необычное..."

"30 сентября меня посетил молодой английский бизнесмен, занимающийся торговлей с Финляндией. По его мнению, война между Англией и Германией была бы чистейшим безумием, безумным поступком, который вверг бы обе страны в разорение. У него была оригинальная идея: он хотел поехать в Берлин, чтобы поговорить с Гитлером, и хотел, чтобы я открыл ему путь к этому разговору. Оказавшись в присутствии Гитлера, он намеревался сказать: "Летите в Лондон, лично предстаньте перед министрами и скажите, как глупо и безответственно налетать друг на друга. Предложите пожать друг другу руки и придите к разумному соглашению."

"Никогда не приносите свою совесть в жертву алтарю целесообразности". Эти слова Гёльдерлина я хотела бы поставить даже выше девиза моего мужа "вдохновенная неосмотрительность", который также свидетельствует о глубокой мысли.

Один немец из-за рубежа, много лет внимательно следивший за европейскими событиями, написал однажды следующие слова, которые, на мой взгляд, свидетельствуют о действительно глубоком понимании мысли моего мужа: "Героическая попытка, предпринятая в мае 1941 года, потерпела неудачу не потому, что Гесс был слишком невежественным, чтобы осознать свою политическую невинность или понять широкие взаимосвязи и многообразные сложности высокой политики, а из-за недостатка высокого интеллекта у руководителей британской политики, недостатка, проистекающего из слишком узкого и эгоцентричного мировоззрения. Рудольф Гесс надеялся, что ему удастся пробудить в этих людях более высокое и благородное видение".

Он стремился - можно сказать, смелым ударом летчика - захватить эту цитадель непонимания, невежества и ошибок. Судьба лишила его успеха. Англия была уже безвозвратно привержена политике, не допускавшей отступления. Народ устремился вниз по склону, ведущему к тотальной войне, со скоростью, даже большей, чем опасался мой муж.

Что же остается? Это память о смелом, легкомысленном поступке, который был обречен на провал. Мудрость нашего времени не приемлет идеала мира, она верит в жестокосердие и месть. Пожизненное заключение - такова судьба человека, нашедшего в себе мужество выступить против этой мудрости.

Сохранились письма. Многие из них содержат то, что будет интересно не только мне. В них отражена судьба, характерная для нашей эпохи.

ПОЛЁТ

В период с мая по июль 1947 г. были значительно ослаблены ограничения на переписку узников Нюрнберга, ожидавших перевода в Шпандау. Выдержки из писем, которые я получала от своего мужа в течение этих нескольких недель, собраны здесь воедино, чтобы составить непрерывный рассказ о событиях ночи с 10 на 11 мая 1941 года, написанный его собственными словами. Остальные главы состоят из серии его писем, в основном адресованных мне, начиная со времени его пребывания в Англии и до настоящего времени.

Северное море было озарено вечерним светом неземной красоты, какой бывает на крайнем севере. Это было совершенно. Но как великолепно! Множество мелких облаков далеко подо мной были похожи на кусочки льда, плавающие по морю, прозрачные, как хрусталь; все вокруг было окрашено в красный цвет. Затем небо очистилось - увы, слишком очистилось! От "плотного ковра облаков на высоте около пятисот метров", о котором говорилось в прогнозе погоды и где я думал укрыться в случае необходимости, не осталось и следа. На мгновение я даже подумал о том, чтобы повернуть назад. Но ночная посадка с этой

машиной, подумал я, - это ни за что не пройдет. Даже если бы я спасся, "Мессершмитт" получил бы серьезные повреждения, возможно, не подлежащие ремонту. Тогда, действительно, кота из мешка вытащили бы, и ничего нельзя было бы сохранить в тайне. Все было бы кончено – навсегда.

Поэтому я сказал себе: "Держись, что бы ни случилось!".

И тут мне улыбнулась удача. Над Англией висела пелена тумана. Ее поверхность так блестела в вечернем свете, что сверху ничего не было видно. Я, конечно, сразу же укрылся, полетел с полным газом и с высоты двух тысяч метров на поистине чудовищной скорости обрушился на побережье. Действия того момента меня тогда спасли. За мной гнался "Спитфайр", который я обогнал еще до того, как осознал его присутствие. Я не мог посмотреть назад: я был слишком замкнут в своей кабине и слишком ослеплен отражениями. Если бы у меня не возникло желания нырнуть в укрытие, а я остался бы в чистом воздухе с той скоростью, с которой я шел, он мог бы легко сбить меня.

Так и случилось, я пересек восточное побережье немного ниже Холи-Айланда около десяти часов вечера и после захода солнца пролетел низко над маленьким городком, жители которого, должно быть, были в ужасе - так низко я пронесся мимо, едва ли выше домов, на скорости около 750 км/ч мои двигатели мощностью две тысячи л.с. работали на полную мощность, и выхлопные газы эхом разносились по сонным улицам. На этой высоте видимость была на удивление хорошей. Я мог видеть на несколько километров, но, должно быть, был невидим для своего преследователя. Я старался не подниматься слишком высоко, но летел на высоте не более шестнадцати футов от земли - иногда даже меньше, - проскакивая над деревьями, людьми, зверями и домами; то, что английские летчики называют "хедж-хоппингом". По словам герцога Гамильтона, это произвело на них большое впечатление, и, судя по тому, что мне была оказана честь в критике, опубликованной в английском летном журнале!

Я наслаждался каждой минутой! Дома такие полеты были под запретом, хотя иногда я их совершал, но не так резко, как в этом полете над вражеской территорией.

"Отец" Бауэр⁶ всегда говорил, что я люблю летать через амбарные ворота, и именно в этом духе я нацелился на Чевит, вырисовывающийся сейчас из туманного вечера. Это был мой ориентир, как было определено ранее. Не отрываясь от земли на несколько ярдов, я буквально вскарабкался вверх по склону. Никогда еще я не поднимался на гору так быстро. Немного изменив курс вправо, я скатился на другую сторону. Дальше я летел по ровной местности, весело проносясь над верхушками домов и деревьев и приветственно помахивая людям, работающим в поле. Вариометр показывал, что я поднимаюсь, пока вдруг не оказался над следующим ориентиром - небольшой плотиной в узкой гряде холмов с самой высокой вершиной Брод-Дав. Здесь мой курс отклонился влево.

---

6 Ханс Бауэр — пилот Гитлера.(на фото выше Баур и Гитлер)

Мне не нужно было возиться с картой: все детали курса, компасные точки, расстояния и т.д. уже хранились в моей памяти. После вылета из Харлашинга они, возможно, нашли эскиз, который я прикрепил на стену в спальне, где мог изучать его в течение многих бессонных ночей при свете лампы для чтения - исчезновение которого моя дорогая жена совершенно справедливо отнесла на мой счет. В конце концов, я мог бы пролететь весь маршрут, даже не засыпая.

На случай, если бы эти наброски по ошибке преждевременно попали на глаза моей слишком умной жене, которая могла бы проявить излишнее любопытство по поводу таинственных X и Y, игравших тогда роль в нашей жизни, я предусмотрительно написал вместо Nordsee просто Ostsee. О том, что ее женский дар складывать два слова в течение долгих месяцев моих молчаливых приготовлений склонил ее к мысли, что я намерен лететь южным курсом - к старому маршалу Петэну, как она позже писала мне в Нюрнберг, - я тогда и предположить не мог. За столько лет она была воспитана почти до моего уровня молчаливости!

Около десяти сорока часов вечера я оказался над Дангавелом, загородной резиденцией герцога Гамильтона, моего совершенно бессознательного будущего хозяина, или я так надеялся. Однако, чтобы исключить всякую возможность ошибки, я полетел дальше, к побережью, что было делом нескольких минут. Гладкое море лежало подо мной, спокойное, как зеркало, освещенное восходящей луной. Неподалеку от материка из воды возвышалась

скала высотой метров пятьсот, великолепно освещенная бледным красноватым цветом. Все выглядело так мирно и красиво. Какой контраст с опасными и волнующими переживаниями, которые тогда только предстояли - непосредственно перед моим первым прыжком с парашютом! Никогда не забуду эту картину.

Я пролетел несколько километров вдоль побережья, пока не достиг небольшого места на косе земли с тем, что могло быть волноломом, как на моей карте. Убедившись, что я нахожусь на месте, я снова повернул на восток и смог различить железную дорогу и небольшое озеро, которое было показано на карте с дорогой вдоль него и к югу от резиденции в Дунгавеле. Поднявшись на безопасную высоту около 2000 метров, я сделал поворот, готовый к приземлению на парашюте. Затем я выключил двигатели, перевел индикатор пропеллера в нулевое положение, чтобы проверить вращение независимо от попутного ветра, чтобы упасть, не превратившись в фарш - такая лишняя предосторожность! Ведь потом я убедился, что легче протиснуться сквозь сплошную стену, чем протискиваться вперед под таким огромным давлением воздуха. Первый двигатель и не думал останавливаться, а, воспламенившись от раскаленных цилиндров, продолжал весело крутиться и гудеть, не обращая внимания на то, что зажигание выключено и что его поведение противоречит правилам!

Однако мотор все-таки пришел в себя, что, впрочем, вскоре решило его судьбу.

Теперь я все закрепил и открыл крышу кабины, намереваясь вылезти наружу - не без некоторого скептицизма и с большим любопытством, но все же в прекрасном расположении духа. Об этом не могло быть и речи! Давление воздуха было немыслимым, даже когда машина шла так медленно, и оно прижимало меня к задней перегородке, как будто я был привинчен к ней. Несмотря на то, что я старался узнать обо всем у своих добрых друзей из "Мессершмитта", я упустил из виду только одну вещь. Я никогда не спрашивал, как прыгать, мне казалось, что это слишком просто!

Вспоминая то время, я поражаюсь тому, что мне ни разу не пришло в голову использовать шасси для замедления машины. Не имея работающих двигателей, я опускался все ниже и ниже. И тут я вдруг вспомнил, что Грейм⁷ как-то упоминал, что надо перевернуть машину на спину и дать себе возможность вывалиться! Я начал переворачивать машину, но, несмотря на то, что в воздухе я проделывал всевозможные акробатические трюки, это было единственное, чего я никогда не делал с этим самолетом. Но и это оказалось удачей, потому что я инстинктивно потянул джойстик как бы на полупетлю, вместо того чтобы перевести его в горизонтальный полет. Приближаясь к горизонтали, центробежная сила удержала меня внутри. Но если бы я, висая вниз головой, хоть чуть-чуть высунулся, давление воздуха сломало бы мне шею и позвоночник. Но центробежная сила у такой машины огромная, она заставила кровь отхлынуть от головы, и я начал "видеть звезды". Я только успевал думать: "Я только над землей и лечу прямо вниз. Скоро должно произойти крушение! Неужели это конец??"

---

⁷ Генерал Риттер Фон Грайм (Коммандир Люфтваффе)

Потом все потемнело, и я потерял сознание. Я летел вниз, вверх ногами, не имея возможности управлять собой. Безвыходное, поистине безнадежное положение! В следующее мгновение я пришел в себя и с полной ясностью уставился на указатель скорости: стрелка стояла на нуле. Я выбросился, и в тот же миг машина упала как камень.

Я потянул за парашют; нити удержали меня, и я завис в воздухе - неопиcуемый восторг и победа, если принять во внимание все остальное. Находясь в бессознательном состоянии, я сделал то, что должен был сделать, если бы был в сознании. Я вывел самолет из полувисячей кривой, чтобы закончить ее почти перпендикулярно хвосту. Сила взмаха была израсходована, машина стояла неподвижно, непосредственно перед падением. Мгновение - и меня отбросило в положение, когда кровь снова прилила к голове.

Секунда позже означала бы смерть – Кисмет!

И вот я уже качаюсь в воздухе, туман едва освещается полной луной, которая проливает на ночь не более чем тонкий красноватый свет. Резкое снижение скорости, когда я достиг земли, было достаточным, после моего предыдущего опыта, чтобы кровь снова отхлынула от моего мозга к ногам, так что я споткнулся и снова все стало черным, как ночь; короче говоря, у меня была вторая "потеря сознания". На этот раз я восстанавливал сознание очень медленно. Если бы это произошло, когда я находился в аппарате, это было бы смертельно опасно. Все вокруг меня плыло; наконец я очнулся, и выражение моего лица, смею сказать, напоминало выражение лица Адама, когда он, будучи создан из земли, впервые увидел мир. Ибо вначале я не имел ни малейшего представления о том, что со мной произошло и где я нахожусь. Лишь постепенно до меня дошло, что я достиг своей цели, вернее, начал новую жизнь. Но, увы, не такое начало, о котором я мечтал!

Я спустился недалеко от дверей одиноко стоящего фермерского дома, из дверей которого вышел человек, спросил, англичанин я или немец, и, поскольку я не мог легко идти, очень вежливо помог мне войти в дом и усадил у огня с чашкой чая. При прыжке я повредил лодыжку, видимо, как-то ударился ею о парашютное снаряжение.

То, что произошло дальше, порадовало гораздо меньше: во главе отряда солдат появился гражданский чиновник - человек, который, судя по запаху, явно праздновал субботу с хорошими шотландскими духами, возможно, приняв лишнюю рюмку, когда узнал, что спустился немецкий парашютист. Во всяком случае, он шатался в облаке алкогольных паров, провожал меня взглядом и все время тыкал в спину большим револьвером, не снимая пальца со спускового крючка. Слушая его непрекращающуюся отрывку и спотыкание, я чувствовал, что между его дрожащей рукой и приближающимся выстрелом должен был быть перст Божий. Чуть позже командир военных попросил меня войти в дом, но чиновник-алкоголик энергично запротестовал против этого и не пустил меня, ткнув револьвером, на этот раз в живот. Я, конечно, не пошевелился в этой восхитительной игре с судьбой, но призвал их объединиться в решении вопроса о том, что делать. Наконец, мы вошли в дом, где очень милый маленький Томми снова сделал все хорошо, предложив мне бутылку молока, которую он,

несомненно, принес для себя. После пяти часов полета и двух "отключек" я выглядел так, как будто нуждался в этом - так оно и было, ведь в дополнение к несколько захватывающим приключениям последних часов я теперь знал, что нахожусь под арестом. Но я не знал, на какой срок!

Ночью прибыли несколько офицеров R.A.F.⁸, чтобы взглянуть на феномен, приземлившийся в их стране, - это было частью их "долга", как они пояснили или, по крайней мере, утверждали. Прибывший с ними армейский майор долго смотрел на меня, а затем, говоря на первоклассном немецком языке, сказал, что я похож на Рудольфа Гесса. По его словам, он часто видел Гесса в Мюнхене. Я очень холодно ответил, что для меня не новость, что я похож на Гесса, и, более того, мне это очень неприятно. Майор меня прекрасно понял.

Затем, опять же неожиданно, он достал маленькую фотографию Me 110, которая была у него с собой, и попросил меня расписаться на ней. Он, конечно, думал, что поступает умно и что я должен выдать себя. Я легко написал на фотографии "Альфред Хорн": позже я узнал, что эта подпись появилась в прессе в виде факсимиле!

Я попросил встречи с герцогом Гамильтоном. Ему рассказали о необычайном сходстве с Гессом, и он поначалу не хотел допускать мысли, что я могу быть Рудольфом Гессом. Однако, когда мы поговорили вместе, он был вынужден признать, что так и должно быть, и, полный изумления, воскликнул: "Неужели вы действительно Гесс?".

В то время я часто задавал себе один и тот же вопрос - действительно ли я Рудольф Гесс? Или, может быть, я был во сне и вскоре мирно проснусь в Берлине на Вильгельмштрассе или в своей комнате в Харлахинге, глядя на большую карту, приколотую к стене? В противоположном смысле мне снова и снова снилось, что я еще дома и не успел подготовить вещи к отлету, или что я вернулся из Англии, а моя миссия провалилась. Каждый раз это было похоже на какой-то жуткий кошмар. Во сне я делал все возможное для достижения своей цели и приходил в отчаяние от мысли, что возвращаюсь, так ничего и не добившись.

Когда я проснулся в Англии после такого кошмара и обнаружил, что действительно нахожусь там, моей первой реакцией было чувство облегчения, но без ясного осознания действительного положения вещей - настолько сильно моя мирная цель завладела подсознанием. То, что я планировал и на что надеялся, оказалось, пожалуй, слишком гигантским; насколько гигантским и насколько правильным, мы поняли, наверное, только сейчас.

Ну что ж! Мир. Наш капеллан, который недавно приходил ко мне, высказал мнение, что "наконец-то Бог пришел к нам!". К сожалению, к огорчению капеллана, это мнение не совсем совпадает с моим. У меня сложилось стойкое впечатление, что пока именно дьявол чтит нас своим присутствием и сейчас мощно демонстрирует его во многих уголках мира.

Тем не менее, я убежден, что Бог когда-нибудь действительно придет к нам, победит Люцифера и принесет мир измученному человечеству.

Когда я находился в Англии и играл роль человека, потерявшего память, я выучил наизусть множество вещей, чтобы спасти себя от участи, которую я старательно выдавал за свою; я рассматривал это как своего рода "тренировку". Наряду со многими другими фрагментами я часто повторял про себя - тоже не просто в порядке тренировки - отрывок из "Эгмонта" Гете, которым я сейчас завершаю свой фактический рассказ о полете:

"Словно подгоняемые невидимыми духами, огненные кони Века мчатся за стройной колесницей, несущей нашу судьбу. Мы ничего не можем сделать, но мужественно держимся за поводья, виляя то вправо, то влево, обходя то скалу, то пропасть. Куда мы едем? Никто не знает. Вряд ли мы помним, откуда пришли..."

Годы Заключения

1-Англия

Май 1941 – Июнь 1945

2-Нюрнберг

Январь 1941 – Июль 1947

3-Шпандау

Август 1947 – 1951

Годы Заключение

Поскольку большинство писем Рудольфа Гесса, находившегося в тюрьме в Англии, Нюрнберге и Шпандау, написаны его жене, только в тех случаях, когда это не так, указываются имена адресатов.

I-АНГЛИЯ

(МАЙ 1941 - ИЮНЬ 1945)

Профессору д-ру Карлу Хаусхоферу Англия, 20 мая 1942 г.

Мой уважаемый и дорогой друг,

Поскольку, как выяснилось, мои письма доходят до адресата за несколько месяцев, я посылаю Вам это поздравление как раз к Вашему дню рождения.

В нем мои наилучшие пожелания Вам и Вашим близким.

Не беспокойтесь обо мне! Вы, как никто другой, нуждаетесь в этом. То, что мое нынешнее положение не совсем устраивает, само собой разумеется. Но во

время войны приходится мириться со многим, что не устраивает. Это не важно. Вы лучше знаете, что имеет значение в конечном счете.

Как часто я вспоминаю нашу дискуссионную группу у Биттерауфа, светлой памяти, и мой доклад о "Гнейзенау", который был там прочитан. Вы сыграли в этом, как и во многом другом, что меня волновало.

*"Пусть волны, как гром, бьются,
Пусть на карту поставлена жизнь твоя;
Пусть ты разобьешься или приземлишься
Будь всегда своим пилотом!"*

То, что я разбился, никто не отрицает, и столь же несомненно, что я был своим собственным пилотом! В этом вопросе мне не в чем себя упрекнуть. Это я взял на себя управление. Вы, как и я, знаете, что компас, направляющий наши дела, находится под влиянием сил, которые непогрешимы, даже если мы их не знаем. Пусть эти силы будут благоприятны для Вас в ближайшие годы!

...Я снова и снова вспоминаю свои медицинские беседы с профессором Г., и особенно его идеи по борьбе с раком - вопрос, который меня давно волнует. Незадолго до моего отлета он хотел продолжить эти исследования с помощью своего коллеги. Увы! В то время я был слишком занят своим собственным проектом, чтобы отдалиться этой задаче, столь богатой возможными благами для человечества. Теперь, когда у меня есть время поразмыслить, я очень огорчен тем, что не смог протянуть руку помощи в этой работе...

...Раз уж я заговорил о полетах, то должен добавить, что это послужило причиной некоторого охлаждения в моих отношениях с Удетом. Он не хотел, чтобы я летал на Мессершмидте, когда я жил под Берлином и хотел попрактиковаться в полетах на этой машине, якобы "просто так". Этот невинный человек поставил условие, что я должен получить специальное разрешение от Фюрера, нежелание которого разрешить мне полеты означало запрет на срок, который только что истек. С таким же успехом я мог бы поместить себя на место, которое только что истекло. С таким же успехом я мог бы добровольно взять себя под охрану! И все же мне очень повезло, что из моего желания полетать тогда ничего не вышло, так как сделать это вблизи Берлина вряд ли можно было в тайне. Рано или поздно Фюрер наложил бы новый запрет на мои полеты, на этот раз, возможно, на срок более года. И, взяв с меня слово, ни о каком уклонении от этого не могло быть и речи, мой план резко оборвался бы, и я не переставал бы винить себя за удачную осторожность. Эти мелкие стычки с Удетом никогда не заходили так далеко, чтобы стать по-настоящему недружелюбными. Вскоре после этого я случайно услышал о том, что он летал на Storch и посадил свой аппарат - почти, если не совсем, - в одном из ангаров Берлинского аэропорта - просто ради удовольствия! Я сразу же написал ему, что, конечно же, понимаю, что подобное жонглирование является необходимостью для генерал-квартирмейстера Люфтваффе, и что он, разумеется, получил разрешение от Фюрера! Он позвонил мне, будучи в

приподнятом настроении, но в то же время умолял ни в коем случае не упоминать об этом в "высших кругах". Мне пришлось рассмеяться.

Fieseler Fi 156 Storch

Как тесно связана моя жизнь с горами! Разве это не удивительно? По моим подсчетам, примерно половина моей жизни прошла вблизи высоких горных хребтов. И я очень рад, что теперь, отправившись в Остракталь, малыш⁹ станет обычным горным мальчиком. Язык ему точно не мешает. Я вижу, как он быстро усваивает настоящий диалект. Правда, уже почти невозможно представить его школьником, впервые столкнувшимся с серьезной стороной жизни, но это будет в следующем году! В моих глазах он все еще остается тем маленьким, широко раскрывшим глаза ребенком, который сидел на своей кровати в детской Харлашинга, когда я видел его в последний раз! Но надо помнить, что, даже если бы он никогда не пошел в школу, мы все равно не смогли бы заставить его оставаться на месте в том возрасте, когда дети наиболее увлекательны.

Мне доставляет огромное удовольствие узнавать обо всех мелочах, которые происходят с Вами и вокруг Вас - продолжайте писать такие письма! Это значит для меня больше, чем все остальное, что ты можешь написать. Что ты думаешь, я уже знаю! И Вы знаете, что я думаю точно так же, без необходимости писать об этом...

Англия, 24 ноября 1942 года

После того, как я отправил свое письмо Базу на день рождения, я вдруг вспомнил, что оно пройдет через руки не знаю скольких цензоров - я склонен забывать об этом - и, учитывая обстоятельства, в нем слишком много личных вопросов. Мне это было очень неприятно. Иногда после выступления я

---

9 Вольф Рюдигер Гецс (Wolf Rüdiger Hess); родился 18 ноября 1937 г., в этих письмах обычно именуется Баз.

испытывал похожие чувства: хотелось бы вернуть назад фразу, которая так или иначе проскочила. Но вечность не может вернуть ни того, что можно было сделать в данную секунду, ни того, что можно было не сделать.....

Всем вам, наверное, кажется странным, что в моих письмах затрагиваются вопросы, поднятые в ваших, написанных, наверное, восемь месяцев назад. Мир разладился во всех отношениях. Но в один прекрасный день шарниры будут подогнаны друг к другу - и мы тоже воссоединимся.

Англия, 14 февраля 1943 года.

О! Как я радовался, когда узнал, что малыш еще помнит своего папу, что он знает, куда убраны все великолепные игрушки - пыхтящие поезда, стучащие колесами по рельсам, с которыми мы тайком развлекались в моем кабинете в те дни перед моим отъездом. Я часто думаю о том, что я собирался рассказать и показать ему, следуя за "техническим, географическим и научным" Базем.

Конечно, я и представить себе не мог, насколько жизненно важными окажутся в моей жизни мои технические и математические способности. Без этих знаний я не смог бы осуществить "полет своей жизни". Не смог бы я и освоить сложный механизм машины Me, не смог бы управлять ею. Все в нашей жизни имеет свое предназначение, видимое в перспективе - даже если пройдет полвека, прежде чем мы поймем, что это такое. Многие так и не узнают!...

...Я только что прочитал книгу "Правда и вымысел", и она дала мне совершенно новое представление об отце Гёте. По мере чтения, с каждой главой становится все яснее, что это был несколько эксцентричный старик, упрямый, но полный характера. Он действительно становится все более симпатичным, хотя, надо признать, это отнюдь не входило в намерения писателя, который не смог увидеть в жестком отношении отца к национальным делам ничего, кроме неловких ситуаций, которые оно вызывало. Эта сторона его натуры, конечно, не была унаследована от отца. В этом можно усмотреть слабость - особенно, может быть, с нашей сегодняшней точки зрения, - слабость, которая поразила меня больше, чем я ожидал. Но где тот человек, у которого нет слабостей - даже в этой великой одинокой фигуре?

Англия, 25 марта 1943 г.

Ну что ж! Это была наша давняя заветная мечта - когда-нибудь подарить миру великого поэта или музыканта, который принесет счастье человечеству! Но как бы мы, люди, ни строили планы, решения принимает другая сила. По всему, что я слышал о наклонностях и занятиях малыша, мне кажется, что его дарования лежат в области технических наук. Теперь, не сдерживаемый отцовским авторитетом, он сможет развить этот талант - возможность, которой я был лишен, если не считать небольших полетов над морем - vvvvvvvvvv.¹⁰ Несколько лет назад я мечтал первым перелететь Атлантику в обратном

---

¹⁰ В частной переписке семьи Гесс на протяжении нескольких десятилетий было принято использовать так называемую "линию смеха" - в письменном виде она изображалась волнистой линией, а в машинописном - строкой vvvvvvvvvv.

направлении, после перелета Линдберга с запада на восток. Я и не подозревал, что подготовка, которую я тогда вел целый год, в конце концов так пригодится.¹¹

Англия, 16 июля 1943 г.

Вот уже несколько месяцев я перевожу книгу с английского на немецкий, работая с завтрака до середины дня. Кроме того, я время от времени записываю анекдоты из жизни моего мальчика, эпизоды из моей собственной жизни и другие вопросы, представляющие интерес для Вас и будущих (я надеюсь, многочисленных) внуков. А может быть, я напишу письмо домой, но это не ежедневное занятие vvvvvvvv.

Я отказался от привычки отдыхать после основного приема пищи. Иногда у меня есть возможность прогуляться по окрестностям, где очень красиво. В хорошую погоду я люблю отдыхать по дороге, выбирая места, откуда открывается как можно более приятный вид. Краски этого пейзажа необычны и привлекательны. Непременной составляющей является красная земля, лежащая между лугами и полями, зелень которых приобретает желтоватый оттенок, когда созревает, и сочетается с осенними деревьями. Каждая облачная тень сразу же меняет эффект цвета, а вместе с ним и все впечатление. Бывает, что далекая гора, доминирующая на заднем плане, под воздействием света в течение нескольких минут меняется от темно-фиолетового через темно-синий до оливкового и изумрудно-зеленого, а красновато-коричневый и желтый переходят в голубовато-серый. Кроме того, я обнаружил, что осенью и зимой цвета более красивы, чем в другие времена года. С одной стороны, это связано с более мягким освещением, а с другой - со вспаханymi полями, которые выглядят еще краснее на фоне зелени не вспаханых зимой. Я вполне готов поверить, как мне говорят, что этот район особенно привлекает художников.

Но чем красивее он становится, тем больше понимаешь истинность слов Гете:

"Когда влюбленные слышат соловья,
Он заводит их радостные сердца,
Но когда пленник слышит его рассказ,
Он в пении находит лишь грусть".

Англия, 4 сентября 1943 г.

Мне очень приятно снова и снова видеть из Ваших писем, что ничего не изменилось в Вашем внутреннем отношении к Человеку, с судьбой которого мы так тесно связаны в радости и в страданиях вот уже более двадцати лет. Вы изменились не больше, чем изменился я сам. Нельзя забывать, что в это время он находился в состоянии нервного напряжения, которое трудно себе представить, - напряжения, вызывающего состояния возбуждения, в которых принимались решения, которые не были бы приняты в более нормальные

---

¹¹ Встречный полет Линдберга: Рудольф Гесс, который в войну 1914-18 гг. был флайт-лейтенантом первой линии, после первого пересечения Атлантики Линдбергом с запада на восток задумал совершить первый перелет с востока на запад. Тщательная подготовка велась в течение года или более, и несколько крупных немецких промышленных фирм были готовы оказать финансовую помощь. Но в конце концов план сорвался, и Кель-Фицморис-Хюнефольд совершил сенсационный перелет.

времена. Пишу об этом, думая не о себе - ни в коем случае, - а о своих ребятах. Что касается меня, то я был готов ко всему.

Если принять во внимание все эти волнения, то это не изменит того факта, что, думая о своих ребятах и их судьбе, я с самого начала был охвачен гневом, хотя Ваши последние новости представляют ситуацию в ином свете, чем я видел ее в своем неведении. В результате несколько дней подряд я в ярости метался по комнате, высказывая и объясняя свои взгляды - к сожалению, односторонние. Мои объяснения, разумеется, не были адресованы человеку, отвечающему за те или иные детали, который, конечно же, не мог сослаться на то, что ему приходится принимать быстрые решения по "исполнительным мерам" под воздействием волнения. В этих отношениях нет ничего, кроме полного вакуума, который всегда будет оставаться вакуумом.¹²

Англия, 15 января 1944 г.

Я сижу здесь уже буквально несколько часов и думаю, о чем же мне написать Вам. Но у меня ничего не выходит, и это, к сожалению, объясняется особой причиной. Поскольку рано или поздно Вы это заметите или узнаете об этом. Я могу сказать Вам об этом: Я полностью потерял память.¹³ Все прошлое проплывает перед моим мысленным взором, окутанное серым туманом. Я не могу вспомнить даже самые обычные вещи. Причину этого я не знаю. Врач дал мне длинное объяснение, но я уже забыл, в чем оно заключалось. Однако он заверил меня, что все будет хорошо. Я верю, что он прав.

Более того, именно поэтому я не могу написать толкового письма, для этого нужна память - больше, чем можно было бы подумать. Другое дело, если перед глазами есть письмо, на которое нужно ответить, оно дает тему и стимул. Ваше последнее письмо дошло до меня 13 сентября прошлого года!

Пришлите мне еще книг. В однообразных условиях моей одиночной камеры они представляют наибольшую ценность.

Англия, 26 февраля 1944 г.

Пожалуйста, напишите еще раз! С сентября прошлого года я ничего не получал от Вас.

Когда Вы не пишете, я тоже не могу писать, ибо мне нужен стимул. Без Вашего письма я действительно не знаю, что я могу Вам сказать. Ведь, как я уже говорил в последнем письме, я совершенно потерял память - даже если это только временное состояние, как уверяет меня доктор.

По крайней мере, расскажите мне, как мальчику нравится ходить в школу.

Англия, 15 января 1945 г.

Я очень рад, что Баз, как Вы говорите, не проявляет склонности к самовывдвижению, и что Вы, как я и ожидал, не поощряете ничего подобного. Те, кто поднимается на вершину класса благодаря тому, что сам себя

---

¹² Это замечание относилось к тогдашнему рейхслайтеру Борману. Примечание Ильзы Хесс.

¹³ Потеря памяти, о которой говорится в этом и следующем письме, была уловкой: см. письмо от 10 марта 1947 г.

продвигает, а не благодаря природному таланту, склонны разочаровывать в дальнейшей жизни.

Я желаю своему сыну только одного: чтобы он стал одержим чем-то! Неважно, что это будет: изобретение машины, новое открытие в медицине, драма - даже если никто никогда не сделает машины, пьеса не будет поставлена или даже прочитана, или врачи всех мастей, объединившись, хоть раз обрушатся на него, чтобы разнести его представления в пух и прах...

Англия, 9 марта 1945 г.

Некоторое время назад я с большим удовольствием прочитал короткие новеллы, содержащиеся в "Lesebuch Deutscher Erzähler". К моему собственному удивлению, Жан Поль очаровал меня как никто другой - хотя я уже писал Вам однажды, чтобы Вы не присылали мне ничего подобного или похожего на него. Как и многие другие, я начал читать его слишком рано, не успев оценить все тонкости, так что мне просто наскучила широта его трактовки. Когда я снова буду дома, я обязательно прочту Шульмейстера, Вуза и др. - также Штифтера, чья "Бригитта" порадовала меня не меньше. Какую безграничную широту форм и стилей, характеров и изложений охватывают наши поэты и романисты! Это сравнимо с тем, что охватывают наши музыканты, великие и малые, в области звука.

Англия, 18 июня 1945 г.

В качестве приложения к моему письму ко всем вам я пошлю вам несколько строк, даже если я не могу написать - ввиду цензуры не хотел бы писать - то, что мне действительно хотелось бы. Вы легко можете себе представить, как часто в течение последних нескольких недель мои мысли обращались к прошедшим годам, к этой четверти века истории, сосредоточенной для нас в одном имени и полной самых замечательных человеческих переживаний. История не закончилась. Рано или поздно она возьмет в руки нити, казалось бы, навсегда оборванные, и свяжет их в новый узор. Человеческий фактор уже не существует и живет только в памяти.

Лишь немногим выпала честь, как нам, с самого начала участвовать в становлении неповторимой личности через радость и горе, надежду и беду, любовь и ненависть, все проявления величия - и, далее, все маленькие проявления человеческой слабости, без которых человек не может быть по-настоящему достоин любви.

Поэтому, когда я думаю о нем, мои мысли часто обращаются и к Вам:

"Я люблю всех тех, чьи неудачи подобны проливным дождям. капли дождя из темной тучи, нависшей над головой; ибо они предвещают молнию на пути - и, таким образом предвещают. Падайте один за другим".

Ницше

Англия, 21 июня 1945 г.

По моей просьбе швейцарский посол¹⁴ приобрел для меня труд Ранке о римских папах, "Историю Фридриха Великого" Куглера с рисунками Менцеля, выполненными с оригинальных деревянных блоков, которые, как предполагается, уже не существуют; сочинения Карлайля о Фридрихе Великом; сочинения Клейста; "Maler Nolten" Мёрике; "Simplizissmus" Гриммельсгаузена; "Wälder und Menchen" Эрнста Вихерта; "Письма к невесте" Гумбольдта, о которых я не просил; "Grüner Heinrich" Келлера, "Züricher Novellen, Legenden" и "Das Sinngedicht".

Как часто я видел у себя дома на полках работу Ранке о папстве и не решался взяться за нее, не понимая, насколько увлекательно Ранке излагает тему, насколько энергичен его стиль и какие великолепные замечания общего характера разбросаны то тут, то там по работе. К сожалению, я почти закончил второй том. Но я обязательно прочту его еще раз. В конце концов, не Шопенгауэр ли сказал, что стоящие книги надо читать по крайней мере дважды?

Очень ценной и радостной для меня является книга Конрада Гюнтера "Натурлебем", тем более что в ней приводится такой хороший исходный материал. Как только появится возможность, я собираюсь прочитать многое из того, что было указано, например, "Das Leben und der Zellenstaat" Ашоффа. В том же русле находится и английская книга, к которой я сейчас приступаю, - "Наука жизни" Уэллса и Хаксли.

В начале мая я наткнулся на следующую заметку в журнале Günther: "Работа великого человека достигает своего полного эффекта только после смерти его создателя, ибо настоящее не в состоянии ее постичь. Разве может быть что-либо более героическое, чем развитие, которое следует неизменным курсом в преследовании великой задачи, навязанной с самого начала, даже когда выбранный путь вновь и вновь оказывается запутанным и потерянным и превращается в паломничество, полное страданий? Какая сила, какая радостная победа в том, чтобы, несмотря на все трудности, увлечь за собой все, что встречается на этом пути, повернуть его к цели!"

В той же книге я нашел такую цитату из Шопенгауэра: "Самое высокое, чего можно достичь, - это героическое прохождение жизни. Такую жизнь ведет человек, который, преследуя цель, направленную на благо всех, борясь со слишком большими трудностями, получает все же скудную награду или не получает ее вовсе!"

2-НЮРНБЕРГ

(ЯНВАРЬ 1946 - ИЮЛЬ 1947 ГГ.)

Примечание Ильзы Гесс: Поздней осенью 1945 г. мой муж был доставлен самолетом из Англии в Нюрнберг. Хотя я получала от него известия через его адвоката, доктора фон

¹⁴ Д-р Ганс Фрелихер, Письмо от 23 июня 1949 г.

Роршайдта из Берлина, первые прямые письменные известия после его прибытия в Нюрнберг дошли до меня в январе 1946 года.

Нюрнберг, 15 января 1946 г.

Не поддавайтесь на плохие фотографии, сделанные при помощи фонарика, или на тенденциозные сообщения, откуда бы они ни исходили. Последние настолько же неправдивы, насколько, с другой стороны, правдиво то, что я могу писать Вам. Я остаюсь все тем же человеком, внутренне и внешне, что с радостью признали мои товарищи. Правда, я похудел, естественно; на самом деле я намеренно мало ем, чувствуя себя гораздо лучше, когда не могу заниматься своими обычными упражнениями.

Я лучше, чем когда-либо, знаю, что Гете был неправ в своем суждении о силе низменного и мерзкого. Когда-нибудь и вы поймете эту глупость, несмотря ни на что! Пусть Всемогущий Бог и впредь дает Вам силы, как Он дает их мне.

Нюрнберг, 25 января 1946 г.

Судебный процесс отчасти ужасен, отчасти однообразен; но время от времени он может быть интересным. Во всяком случае, это опыт, который даст воспоминания, несколько выходящие за рамки обычного бега vvvvv! Чтобы отвлечься, я изучаю историю Первой мировой войны, которая меня очень интересует, хотя она и произошла незадолго до появления современного "Икара". Но, к сожалению, у меня не так много времени для чтения, как в Англии.

Нюрнберг, 5 февраля 1946 г.

Меморандум для д-ра Зайдэла¹⁵

Герр Гесс получил письмо от 2-го числа месяца. Он никогда не имел никаких конфиденциальных отношений с герром фон Р. Причины, по которым он окончательно отказался от его услуг в качестве своего адвоката, явствуют из прилагаемого документа¹⁶. Он, как всегда, предпочитает защищать себя сам. Более того, он убежден - и рад, что это мнение разделяют другие, - что он является лучшим защитником своего дела. Он владеет всем материалом лучше

15 Чтобы избежать цензуры, это и некоторые другие письма были написаны косвенно, в виде памяток для адвоката Зайдэла.

16 Письмо в Международный военный суд:

В газете "Нью-Йорк Геральд Трибьюн" (европейское издание) от 27 января 1946 года опубликован отчет об интервью, которое дал мой бывший защитник, рейхсканвалт д-р фон Роршейдт. В нем содержится фрагмент, в котором приводятся строго конфиденциальные инструкции, данные мною д-ру фон Роршайдту в отношении моего бывшего защитника. Роршайдту по поводу моей защиты, и в то же время подчеркивается, что это были мои указания.

Это является нарушением доверия и тайны, которую должен хранить адвокат; это серьезный профессиональный проступок, который в обычное время привел бы к доносу в адвокатскую палату.

Поэтому я официально заявляю, что больше не испытываю никакого доверия к своему бывшему адвокату. В то же время я обращаю внимание суда на то, что уже целую неделю я нахожусь без защитника, и мне не было предоставлено право воспользоваться правом, которое дает мне Устав, - вести собственное дело. Вследствие такого положения вещей я не смог допросить ни одного свидетеля из всех, кто явился за это время, хотя, опять же, по уставу я имел на это право.

*Нюрнберг, 30 января 1946 г.
Рудольф Гесс*

других и имеет в своем распоряжении все необходимое для защиты, в то время как адвокат должен был бы постоянно консультироваться с ним. Поскольку в соответствии с законом у подсудимого может быть несколько защитников, он в любом случае хотел бы иметь несколько защитников, и в любом случае он хотел бы иметь юриста в качестве второго защитника. После того как его заявление о самостоятельной защите было отклонено, сначала ему был назначен защитник Геринга, но он был уже перегружен, и тогда за дело взялся доктор Альфред Зайдэл, который уже выступал от имени Франка. Доктор Зайдэл - самый острый и агрессивный из всех защитников, к тому же он старый лыжник, поднимавшийся с герром Гессом на Кройцек.

Наконец, он говорит на чистом мюнхенском диалекте. Два последних пункта не являются обязательными условиями для хорошего адвоката, но они помогают создать хорошие личные отношения, которые, в свою очередь, являются важным фактором для создания прочной основы доверия. Герр Гесс очень рад, что в его защите участвует доктор Зайдэл.

Нюрнберг, 21 марта 1946 г.

Я несколько не беспокоюсь об обучении мальчика. То, что он не усвоил сейчас, он усвоит потом. Потеря года на чисто книжное обучение мало что изменит в жизни, а что касается его развития в других направлениях, то оно не будет стоять на месте, более того, время сейчас такое, что он может развиваться слишком быстро.

С какого возраста, вообще говоря, следует начинать изучение классических языков? Я бы хотел, чтобы он хотя бы год изучал греческий язык. Если ему это неинтересно, он всегда может бросить, и у него будет основа. Насколько я понимаю, он может. А заодно и попробовать себя в цирковой акробатике.

Мой адрес следующий: Рудольф Гесс, Нюрнберг, тюрьма для военных "преступников" vvvvvv.

Нюрнберг, 2 мая 1946 г.

До сих пор меня не "обстреливали"!¹⁷ О нас не перестают ходить всякие странные слухи! Я узнаю о них лишь время от времени, поскольку не читаю газет. А то, что я слышу, лишь подтверждает мое мнение о том, что я правильно делаю, что не имею никакого отношения ко всем этим измышлениям. Я предпочитаю их не касаться.

Вы мне иногда рассказываете, чтобы я посмеялся, и я смеюсь! Но, пожалуйста, не думайте, что я никогда не смеюсь иначе. То, что смех смешивается с несколькими каплями горечи, - это само собой разумеется. Они служат для придания аромата, соответствующего времени.

Письма моего сына и наследника действительно классические. Похоже, что я считаю его большим и более "взрослым", чем он есть на самом деле. Меня это, естественно, вполне устраивает - "взрослым" он станет очень скоро.

---

¹⁷ В швейцарской передаче из Беромунстера говорилось, что советский прокурор в суде открыл огонь по Герингу и Гессу.

Своеобразные условия сегодняшнего дня сыграют свою роль в более быстром развитии. Как все растет в наше время! Даже я сам расту - или мне так кажется vvvv.

Ильза Гесс - Р.Г. (меморандум для д-ра Зайдэла) 7 мая 1946 г.

Фрау Гесс не понимает, почему герр Гесс не читает, например, "Neue Zeitung" (газета, издаваемая американскими силами для Германии, которая, по крайней мере, как газета, хороша). Она не раз замечала по его письмам и по рассказам других женщин, которым разрешали навещать мужей в лагерях, что многим нашим мужчинам не хватает конкретных знаний о тех условиях (а они есть), которые существуют в современном мире, и поэтому они живут в мире, который уже не существует и никогда больше не будет существовать в таком виде. Когда-то говорили, что колесо всемирной истории не поворачивается вспять - и сегодня оно не повернется! Мы должны, так или иначе, относиться к тому, что есть, но это не значит, что изменится наше основное отношение. То, что происходит сегодня в мире, отчасти очень интересно, и из этого можно почерпнуть много нового. Много напоминает нам о 1918 годе, но поскольку мир в целом более сильно вовлечен, картина все же совершенно иная.

Фрау Гесс должна смеяться, ведь она почти читает герру Гессу политическую лекцию - а он терпеть не может такого от женщины! Но она должна решать все эти проблемы.

Нюрнберг, 8 мая 1946 г.

Из комнаты на втором этаже, где мы обедаем во время перерыва между спектаклями, мне открывается обширный, прекрасный вид на северо-восток, вплоть до далеких высот. Душа моя тянется в этом направлении - не только к этому видимому пейзажу, но и к другим голубым горам, не видимым на этом расстоянии физическому глазу, которые означают дом и любовь.... Более того, я считаю, что даже без Neue Zeitung я вижу вещи более точно, чем большинство других людей, которые "регулярно информируют себя о мировых событиях" vvvvv.

"Тот, кто не может смело парить над веком
Не видит, когда смотрит
И не живет, когда дышит!"¹⁸

Что же касается колеса мировой истории? Нет, оно, конечно, не движется вперед так, как многие верят, надеются или боятся!

Более того, я не имею возможности регулярно получать газеты, а тем более подписываться на них. Я завишу от случайных экземпляров, дружески оставленных господами из моего "окружения". Я могу обойтись без таких предложений милосердия - так же, как принципиально отказываюсь, например, от маленьких подарков от шоколадки или бон-бонны, которые иногда стремится вручить мне кто-то из моего "окружения". Точно так же я никогда и никому не даю свою подпись, хотя у меня ее просят по несколько раз в день.

---

¹⁸ Посвящение, вписанное Дитрихом Экартом в книжный вариант его пьесы "Лорензаччо", который он подарил моему мужу в 1922 году.

Действительно, если говорить в целом, то недостатка в забавных вещах нет. Совсем наоборот, и я рекомендую всем отнестись к исполняемой сейчас интерлюдии, насколько это возможно, с комической стороны.....

Напоминание доктору Зайдэлу, Нюрнберг, май 1946 г.

Если мою жену не беспокоит моя "ледяная" готовность к визиту и она хочет предпринять попытку его получить, пусть сделает это и попытается получить разрешение. На самом деле, я уверен, что это окажется напрасным.

Сыну

Нюрнберг, 27 июля 1946 г.

Мой дорогой Баз,

Я благодарю тебя за письмо, в котором ты сообщаешь мне, что отказался от идеи управлять локомотивом, тянущим самосвалы на работах по расчистке мюнхенских завалов, в пользу того, чтобы стать машинистом настоящего железнодорожного состава. Я сразу же даю Вам свое полное разрешение! Я прекрасно понимаю, что Вам хочется мчаться на огромных скоростях. Конечно, в качестве пилота самолета Вы могли бы разогнаться еще быстрее. Но я думаю, что вы никогда не летали и не представляете, что это такое. Что ж, у вас есть достаточно времени, чтобы все обдумать. На вашем месте я бы ни на минуту не задумался о том, чтобы стать водителем трамвая: он медлит по сравнению с другими, и ему приходится так часто пользоваться тормозами, потому что все эти автомобили, велосипедисты, мужчины, женщины и собаки постоянно встают на пути.....

Нюрнберг, 18 августа 1946 г.

Рассказ бременского путешественника не совсем рассчитан на то, чтобы вызвать желание совершить еще одно такое "путешествие по стране", преодолевая почти непреодолимые рубежи¹⁹.

Я читал Ваш рассказ - по этой и другим причинам - одним глазом смеюсь, а другим плачу. Тем не менее, в целом он меня позабавил, и Вы очень разумно восприняли его в том же духе.

"Наша неосмотрительность иногда идет нам на пользу,
когда наши глубокие замыслы терпят крах: и это должно научить нас.
Есть божество, которое определяет наши цели,
И как мы хотим, так и поступаем".

Пусть божество и дальше формирует нас! Приветствую!

Нюрнберг, 31 августа 1946 г.

Из Вашего "Lachlinie" vvvvvv я понял, что Вы с юмором восприняли сообщение д-ра Зайдля о том, что я снова полностью потерял память. Между тем, Вы,

---

¹⁹ Примечание Ильзы Хесс: Я совершила поездку в Бремен, которая оказалась очень авантюрой в условиях нарушенного транспортного сообщения и сложностей, связанных с различными зонами.

конечно, слышали по радио, что произошло еще одно "чудо", и что я полностью восстановил ее vvvvv. Или же Вам могут сказать, что я потерял рассудок, или, по крайней мере, страдаю от навязчивых идей. Я надеюсь, что вы увидите в этом и юмористическую сторону. Karli²⁰ как-то сказал, что ради великого дела нужно уметь терпеть боль от того, что на какое-то время ты покажешься своим людям предателем. К этому я бы добавил: или показаться сумасшедшим. После всего того, что я пережил и выстрадал за последние пять с половиной лет, очередная выходка, разыгранная со мной странной судьбой, которая меня ведет, нисколько не тревожит меня; напротив, я встречаю ее со спокойным и уравновешенным умом и улыбкой, с той же невозмутимостью, с которой я приму вердикт.....

Нюрнберг, 2 сентября 1946 г.

Что касается приговора, то приходится считаться со всем: смертью, тюрьмой, лунатическим убежищем.

Карли рассказал мне, что доктор Гудден, личный врач баварского короля Людвига, как-то сказал отцу Карли, что нужно всегда следить за тем, чтобы обитатели психушки в один прекрасный день не схватили немногих живущих с ними здравомыслящих людей и не заперли их в качестве меры самозащиты vvvvv. Его тревога была вполне обоснованной: но случилось так, что безумный король на Штарнбергском озере не запер доктора, а предал его смерти. В этом принципе нельзя быть слишком уверенным.

Перейдем к главному вопросу этого письма: теперь решено, что здешним узникам милостиво разрешено ОДНО посещение их родственников, то есть их можно видеть и слышать через тесно натянутую железную сетку. Я решительно отказываюсь встречаться с Вами или с кем-либо еще на таких условиях, которые, по моему мнению, ниже нашего достоинства. Между собой мы должны были бы признать, что "в Ландсберге мы встретились в не очень приятных условиях", но есть огромная разница между тем, чтобы сидеть бок о бок в одной комнате полчаса или час, без помех, кроме присутствия в углу доброго немецкого солдата из охраны, который часть времени спал - или очень любезно делал вид, что спал - и видеть друг друга через проволочную сетку, с охранниками по обе стороны, которые точно не будут спать и, главное, не являются достойными немецкими товарищами наших охранников.

Я согласился тогда, наконец, что не буду противиться Вашему желанию получить разрешение на свидание со мной: но я уступил в этом вопросе, так как знал определенно, что Ваша просьба не будет удовлетворена. Теперь положение совсем другое, и когда-нибудь Вы согласитесь со мной, даже если сегодня Вы хотите осуществить свой план.

Я предполагаю, что мои последние слова перед судом будут замалчиваться газетами и радио, поэтому излагаю их для Вас в письменном виде!

"Доказательства, представленные в суде моим защитником, я оставляю на суд моего народа и истории, ибо только это имеет для меня значение. Я не защищаюсь перед обвинителями, которым я отказываю в праве выдвигать

---

20 Профессор д-р Хаусхофер, 1896-1946 гг.

обвинения против меня и моих соотечественников. Я не предлагаю спорить по поводу обвинений, касающихся внутренних дел Германии, в которые иностранцы не имеют права вмешиваться. Я не жалуясь на заявления, цель которых - дискредитировать и опозорить меня и весь немецкий народ. Подобные заявления, исходящие от врагов, я рассматриваю как подтверждение нашей чести.

Мне выпала честь служить многие годы под руководством величайших людей истории. Даже если бы это было возможно, я ни за что не хотел бы вычеркнуть этот период службы из своей жизни. Меня наполняет счастьем осознание того, что я выполнил свой долг перед своим народом: свой долг немца, национал-социалиста и истинного последователя Фюрера. Я ни о чем не жалею. Если бы сейчас я стоял в начале своей карьеры, я бы снова поступил так, как поступил, даже если бы знал, что меня ждет костер, на котором я буду сожжен заживо. Что бы ни делали со мной люди, настанет день, когда я предстану перед судилищем Вечного: Ему я дам отчет в своих поступках, и я знаю, что Он признает меня невиновным".

Прошу приветствовать всех, кто думает обо мне.

Ильза Гесс - Рудольфу Гессу 25 сентября 1946 г.

Последние фразы Вашей речи в суде, которые Вы выписали для нас, были полностью переданы английской станцией, но я не знаю, так ли это было с немецкими станциями, поскольку в то время мы были в пути и не могли слушать новости в середине дня. Кроме того, немецкий комментатор в Нюрнберге далеко не так популярен у нашей публики; большинство людей не утруждают себя прослушиванием этого доктора Гастона Ульмана, а предпочитают английскую вечернюю передачу, которая чище и объективнее. То, что Вы, по сообщениям газет, сказали в противном случае, нам непонятно, хотя мы полностью понимаем то, что Вы прислали нам в письменном виде! Мы также не понимаем, почему Ваш адвокат выдвинул версию о невменяемости. Но с 1941 года было так много непонятного, что еще одно не имеет значения.

Нюрнберг, 26 сентября 1946 г.

Ваше письмо доставило мне большое удовольствие, ибо теперь я знаю не только то, что Вы понимаете мою позицию в вопросе о "визите", но и то, что Вы вместе со мной ставите свою честь и честь Германии выше всех личных желаний и чувств.....

Кстати, можете успокоить Буца: даже если бы я заявил о своей готовности принять визит, он не смог бы меня увидеть, поскольку в данном случае разумно запретить несовершеннолетним детям "подглядывать через решетку".....

Кроме того, Вы правы, когда цитируете прекрасное высказывание о том, что выше судьбы - мужество, которое переносит ее, не отступая.

Нюрнберг, 2 октября 1946 г.

Тем временем Вы узнали о результатах судебного разбирательства, в том числе о моем приговоре к "пожизненному заключению" vvvvvvvv.²¹

Я очень удивлен, так как рассчитывал на смертный приговор. Если бы я придавал хоть какое-то значение решению суда, я мог бы чувствовать себя удовлетворенным до сих пор. Но в данном случае нет и речи о том, чтобы быть или не быть удовлетворенным. Я нахожусь в состоянии совершеннейшего спокойствия, нарушаемого только мыслью о том, что я не могу передать свое состояние товарищам, которые не могут так же относиться к этому вопросу. В соответствии с принципиальным отказом признавать суд, я демонстративно не

---

21 Днем 1 октября 1946 года Рудольф Гесс предстал перед Международным военным трибуналом в Нюрнберге, где ему сообщили, что он признан виновным и приговорен к пожизненному заключению. Мотивы приговора были зачитаны одним из русских и вкратце могут быть изложены следующим образом: Гесс обвиняется по всем четырем пунктам. Он вступил в национал-социалистическую партию в 1920 году, участвовал в путче в Мюнхене в ноябре 1923 года, после чего находился в тюрьме вместе с Гитлером в Ландсберге в 1924 году и находился с ним в доверительных и близких отношениях вплоть до бегства в Шотландию. В апреле 1933 г. он получил должность Штгелльвертретера, а в конце года стал Рейхсминистром без портфеля. В 1939 г. он стал членом министерства обороны, а через несколько дней был назначен преемником Гитлера после Геринга. В мае 1941 г. он улетел в Шотландию.

ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ МИРА

Как представитель фюрера Гесс занимал ведущее место в НСДАП и был наделен правом принимать важные решения. Гесс поддерживал военную подготовку, подписал указ о введении воинской повинности в марте 1933 г., убеждал население в важности вооружения. Правда, в 1933-37 годах он выступал с речами в защиту мира и международного экономического сотрудничества, но это не может изменить того факта, что он, как и любой из тех, кто предстал перед этим судом, знал, насколько твердо Гитлер намерен реализовать свои амбиции и насколько маловероятно, что человек, столь фанатичный и склонный к насилию, не применит силу, если она окажется единственным средством достижения его целей.

Гесс был хорошо информированным и добровольным участником нападения Германии на Австрию, Чехословакию и Польшу. Он был тесно связан с нелегальной НСДАП в Австрии со времени убийства Дольфуса и до аншлюса; в марте 1938 г. он находился в Вене, когда немецкие войска вошли в город, а 13 марта подписал закон о союзе Австрии и Германии. Он выступал с речами в поддержку союза двух государств.

Летом 1938 г. Гесс активно сотрудничал с Хенляйном, лидером судетских немцев в Чехословакии, а когда они вошли в состав рейха, осуществил слияние Судетской партии с НСДАП. В июне 1939 г. он был уполномочен участвовать в управлении как Австрией, так и Судетскими землями.

В августе 1939 г. Гесс публично одобрил политику Гитлера в отношении Польши и был участником захвата Данцига и некоторых земель в Польше, а также создания в Польше генерал-губернаторства. До перелета в Шотландию Гесс был ближайшим личным доверенным лицом Гитлера, он должен был с самого начала знать об агрессивных планах последнего и всегда был готов оказать ему поддержку.

Прилетев в Англию, Гесс привез с собой некоторые предложения по заключению мира, которые, как он полагал, могли бы устроить Гитлера. Примечательно, что этот полет состоялся не более чем через десять дней после того дня, когда Гитлер принял решение о нападении на Россию и назначил дату этого события - 22 июня 1941 года.

В беседах, состоявшихся после прибытия Гесса в Англию, он полностью поддерживал все акты агрессии, совершенные Германией, и высказывал мнение, что Англия и Франция виновны в войне.

ВОЕННЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЕ И ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

Имеются материалы, подтверждающие, что руководители партии под руководством Гесса участвовали в отдаче приказов, связанных с военными преступлениями; кроме того, Гесс мог знать о преступлениях, совершенных на Востоке, даже если он не принимал в них личного участия; он предлагал законы, направленные против евреев и поляков, и подписывал указы, обязывающие определенные группы поляков стать гражданами Германии. Однако Суд не считает, что этих доказательств достаточно для вынесения обвинительного приговора в данном случае. После детального изучения медицинских показаний суд решил, что состояние обвиняемого таково, что суд над ним не нуждается в отсрочке. Попытки провести дополнительное медицинское обследование были отклонены судом после заслушивания показаний тюремного врача. Возможно, верно, что Гесс ведет себя ненормально, страдает потерей памяти и что его психическое состояние ухудшилось во время этого процесса. Но не похоже, чтобы он не понимал

обратил внимания на оглашение решения по моему делу: Я не надел наушники, через которые шел перевод, и не слушал, что говорил председатель суда на английском языке.

Собственно говоря, я еще долго не мог случайно узнать, каким был приговор. Зачитывал заявление с обоснованием приговора русский, так что мне не стоило никаких усилий понять, о чем идет речь.

Нюрнберг, 5 октября 1946 г.

Я попытаюсь скопировать прекрасное приветствие Ильзы моим товарищам и передать его. Я не знаю, дойдет ли до вас мое письмо от 2 октября и когда, поэтому повторю вкратце, что, к моему изумлению, я был приговорен не к смерти, а к пожизненному заключению. Несомненно, для всех вас это звучит достаточно плохо. Что касается меня, то это вызывает у меня улыбку. Я - сущность мира и остроумия; но мне больно думать о душевных страданиях товарищей, которые будут приговорены к смертной казни, и особенно об их семьях.....

Сейчас, как и раньше, я прошу Вас отказаться от идеи визита. Условия, выдвинутые ранее, остаются прежними.

Нюрнберг, 13 октября 1946 г.

Только что я отправил д-ру Зайдэлу следующее письмо: "Комендант сообщил мне, что Вы направили от моего имени прошение о милосердии в Международный контрольный комитет. Настоящим я официально заявляю, что это произошло без моего ведома и вопреки моему желанию. Передачу такого прошения я рассматриваю как поступок, лишенный достоинства".

Хорошо, что Ваше письмо с жалобой на мое молчание и молчание д-ра Зайдэла дошло до меня раньше, чем это произошло, иначе, несмотря ни на что, я бы решил, что за этим шагом стоите Вы. На несколько мгновений меня захлестнула волна гнева: потом я улыбнулся, как улыбаюсь при многих событиях сегодняшнего дня.

Нюрнберг, 28 октября 1946 г.

Мне разрешено писать одно письмо и две открытки каждый месяц. Вы можете передать их моей матери. То, что когда-нибудь окажется значением гибели "Одиннадцати человек"²², сегодня не осознают лишь немногие. Я не могу сейчас ничего писать об этом. Мы находимся в эпицентре эпохальных событий. То, что мы сейчас переживаем, - это родовые муки новой эпохи. Сейчас все кажется негативным - но приближается время, когда родится Новое и Великое.

предъявленных ему обвинений или не мог защищаться.

Защитник, назначенный судом, представлял его интересы надлежащим образом. Нет оснований считать, что в момент совершения указанных действий Гесс был не вполне нормален психически.

ИТОГ

Суд признает подсудимого Гесса виновным по пунктам 1 и 2 и невиновным по пунктам 3 и 4.

Ильза Гесс - Рудольфу Гессу 6 ноября 1946 г.

Ваш четкий и недвусмысленный ответ доктору Зайдэлу очень встревожил нас! Действительно, мы тоже были в ужасе от опубликованной в прессе версии его прошения о милосердии от Вашего имени, которая, как оказалось, не вписывалась в модель Вашего поведения. На самом деле эти прошения в целом - как это было очевидно с самого начала - были совершенно бессмысленны, поскольку не имели никаких шансов на успех, и к ним относились неблагоприятно. Но в Мюнхене у меня состоялся разговор с Зайдэлом, в ходе которого он объяснил мне - и я понял его мысль, - что то, что он передал, было не ходатайством о пощаде, а доказательством, повторяющим юридический аргумент, выдвинутый в Нюрнберге, на этот раз в интересах Контрольного совета, о том, что наказание, назначенное по двум пунктам, по которым Гесс был признан виновным, является чрезмерно тяжелым и само представляет собой грубое и вопиющее нарушение закона.

Нюрнберг, 18 декабря 1946 г.

Не считая того, что он не поставил меня в известность заранее, я признаю, что д-р Зайдэл поступил хорошо, передав свое ходатайство в Контрольный совет - теперь, когда я его увидел. Передайте ему, что я теперь примирился!

Сегодня счастливы те, у кого много обязанностей, отвлекающих от работы. Из горнила этих лет мы все выйдем очищенными огнем. Выглядеть старше или даже очень старым, соответственно, не так уж важно. Внешнее и видимое с лихвой компенсируется совершенно новыми и несравненно более высокими духовными отношениями.

Нюрнберг, 8 февраля 1947 г.

В книге Хейкинг²³, жены дипломата старой школы, есть много интересных моментов. Например, в ее оценке "карьеры". С учетом того времени, в котором она жила, это вполне объяснимо. Мужчины так устроены, что им хочется самоутвердиться, хочется, чтобы их высоко ценили. В то время внешний успех был на первом, втором и третьем месте: все остальное было неважно. Это был стандарт, по которому измеряли все вещи.....

И в наше время в определенных кругах и среди людей старшего поколения эта точка зрения еще сохраняет свою силу. Изменение мировоззрения, происходящее с молодым поколением, происходит очень медленно. Я надеюсь, что в наш век мы сделаем большой шаг вперед, не ставя перед собой такой цели! То, что происходит сегодня во внешнем мире, - это тоже, если посмотреть с определенной точки зрения, аспект этой силы самоутверждения. Характер человека, его внутренняя ценность, его способности как нечто отдельное от успеха - придет время, когда эти вещи заменят внешнее.

То, что Хейкинг говорит о состоянии дел в Китае, меня интригует - в том числе и в отношении Японии. Китай все еще находился в средневековье..... Больше всего меня заинтересовали части, посвященные "серому преосвященству" министерства иностранных дел, падению Бисмарка,

---

23 Элизабет фон Хейкинг: Дневники из четырех частей света.

поведению кайзера в то и другое время - не забывая об ошибках нашего посла, о которых рассказывает его жена, считавшая правильным раскрывать их следующему поколению, не имевшему ни малейшего представления о том, какие грубые ошибки он совершил! Полная гордости за своего Эдмунда, "дальновидного дипломата", радовавшегося "новой политике", когда по окончании китайско-японской войны Германия попала в объятия Японии, плодом которой стало объявление Японией войны Германии в 1914 г.: в ноте содержались отчасти те же слова, что и у нас в отношении Симоносеки.

Радер познакомился с Хейкинг в Китае, когда был сублейтенантом, что тогда еще существовало. Она была красива и умна, он - менее .....

Нюрнберг, 10 марта 1947 г.

То, что мои письма из Англии какое-то время приходили так редко, было связано с предполагаемой потерей памяти. Ведь очень трудно писать письма, когда предполагается, что у человека нет памяти! Есть опасность допустить ошибку, которая раскроет правду. Я утверждал, что у меня была семья, что я мог вспомнить только это и больше ничего. Адрес семьи вылетел из головы. Он был на том или ином Вашем письме, но я "забыл", что у меня были письма vvvvv.

Ваши новые письма всегда содержали то или иное, что давало мне, по-видимому, отправную точку для моих писем; таким образом, мне не нужно было пользоваться своей памятью, чтобы вызвать подозрение. Короче говоря, я был вынужден ждать от Вас письма, прежде чем писать. Однако, по непостижимой мудрости неведомых сил, между Вашими письмами всегда был промежуток в четыре, а то и в шесть месяцев, так что теперь Вы понимаете, почему я часто подолгу молчал.

Где-то в пути моя корреспонденция накапливалась так, что я получал много писем сразу, с большими промежутками между ними. Несколько помог Красный Крест в Женеве. Письма через Цюрих обычно задерживались там до девяти недель - к удивлению швейцарского посла, которого я просил помочь мне их провести. Это доказывало, что задержки происходили не только из-за действий Германии, как некоторое время утверждалось в Англии. Поскольку в течение большей части моего пребывания в Англии я "страдал потерей памяти", моя лень в написании писем наконец-то объяснена и может быть оправдана.

В конце концов, этот фарс зашел так далеко, что я позволил сделать себе инъекции против потери памяти. Сначала я сопротивлялся, но, видя, что ничего другого не остается, хотел укрепить подозрение, что я, по крайней мере, преувеличиваю свои проблемы. К счастью, заранее было признано, что нет уверенности в том, что лечение поможет вспомнить утраченные мысли. Хуже всего было то, что в рамках лечения мне дали наркотик, и под его воздействием я должен был отвечать на вопросы, которые должны были "воссоединить сознание и подсознание". Таким образом, я оказался перед лицом двойной опасности: я мог раскрыть то, что, будучи немцем, должен держать в секрете (что, скорее всего, было намерением инициатора инъекций!); или я мог выпустить кота из мешка, касающегося моей потери памяти!

В конце концов, как я уже говорил, мне пришлось уступить. Но, собрав все силы воли, я сумел не потерять сознание, притворившись бессознательным, - и мне дали больше обычной дозы. На все вопросы я просто отвечал: "Не знаю", делая паузу между каждым словом и негромко произнося ровным, рассеянным голосом vvvvvv. Через некоторое время мне удалось вспомнить свое имя, которое я произносил так же ровно. Наконец, я решил, что пора возвращаться в сознание, и очнулся, с глазами, полными удивления, чтобы медленно вернуться к жизни. Это была настоящая драма. Добавим: полный успех! Теперь они были абсолютно уверены, что я полностью потерял память.

Я стал надеяться, что меня наконец-то обменяют и отправят домой, но все было безрезультатно. Правда, время от времени мне намекали, что, возможно, мне разрешат вернуться в следующий рейс "Дроттнингхольма", как, кажется, называлось шведское госпитальное судно. Можете себе представить, что это значило для меня! Но судно ушло без меня, и в следующий раз, и в следующий раз... и каждый следующий раз.

Насколько эксперимент с наркотиком убедил моих врачей в том, что моя потеря памяти была настоящей, можно судить по тому, что когда впоследствии, по особым причинам, я счел нужным раскрыть свой обман, господа медики сначала отказывались верить, что их обманули. Только когда я повторил им все вопросы, заданные мне, когда я был "без сознания", и когда я заново разыграл комедию "пробуждения", используя ту же манеру речи и ровный голос, они были вынуждены признать, что я произвел потрясающий "заранее подготовленный розыгрыш"s. vvvvvvv. Таким образом, не может быть сомнений, что я действительно сделал все, что было в моих силах, чтобы вызвать вмешательство богов - но боги думали иначе, и они должны были знать!

Нюрнберг, 15 апреля 1947 г.

Я согласен с Вами в отношении оценки Вагнера Хьюстоном Стюартом Чемберленом. Я читал его "Lebenswege meines Denkens". Я не могу полностью согласиться с ним, когда он оценивает Вагнера как музыканта, равного Бетховену, и как драматурга - Шекспиру. Но Чемберлен - человек столь грозного интеллекта, что я отнюдь не уверен, что это не я ошибаюсь и не понимаю сравнения. Кроме того, многочисленные спектакли оставили такое восхитительное впечатление, что мне (как, впрочем, и Вам) теперь трудно понять, почему мы не ездили в Байройт чаще и почему я не подарил маме удовольствие увидеть "Парсифаль", ведь Байройт для нее так близок.

Я также согласен с тем, что в Байройте нужно присутствовать, чтобы получить максимальное удовольствие от музыки. Наибольший эффект, превосходящий все остальные, произвел, на мой взгляд, не "Мейстерзингер", а "Тангейзер". С тех пор как я увидел его в Байройте в 1930 или 31 году под управлением Тосканини, он стал одним из самых замечательных впечатлений в моей жизни. Но тогда я был не в самом лучшем настроении, не настолько расслаблен, чтобы насладиться предвкушением или поддаться полному воздействию торжественного момента начала музыки. Ибо все это может быть наиболее

впечатляющим в Bayreuth, где вы получаете сообщество родственных душ, и атмосфера излучается туда-сюда между публикой и исполнителями. Час открытия в Бейройте проходит по законам, прямо противоположным тем, что существуют в других театрах и оперных театрах, где артистам приходится напрягаться, чтобы добиться от слушателей нужной реакции.

Во всяком случае, это мое мнение! И еще: ты знаешь, что находишься там, где работал сам Мастер и создавал нужный ему фон для своих выступлений. В перерывах между выступлениями открывается широкий вид на одинокие суровые высоты Фихтельгебирге, уходящие далеко за горизонт, что поддерживает в зрителях восприимчивое настроение.

Но, как я уже говорил, многое из этого я пропустил. Я приехал в спешке, не просто в последний момент, а в конце первого акта. Конечно, мне пришлось лететь туда, пилотируя свой маленький "Me Sports" (машина удачная, но далеко не надежная) из Франкфурта, что - вероятно, по какой-то малозначительной причине - я посчитал необходимым. И, конечно, я рассчитывал время полета в минутах. В конце концов, какой смысл иметь самолет и допускать "запас риска", при котором время будет таким же, как при поездке по железной дороге? Как можно было бы оправдать трехкратное покрытие - и себе, и "другим"? Не стоит и говорить, что погода была ужасной, и я был рад, что мне удалось, хоть и с трудом, пробираться по долине Майна в направлении Bayreuth, разгоняя туман и облака над головой, едва не сталкиваясь с лесистыми возвышенностями по обе стороны, и не переставая тревожно прислушиваться к мотору. Если он откажет, машина рухнет, как камень! О, как легкомысленны и беспечны были люди в те времена! К счастью, никто не ждал меня на другом конце, все более и более раздражаясь и нетерпеливо относясь к моему увлечению полетами, но, несмотря на раздражение, тревогу и нервные страхи, проявляя трогательное ангельское терпение! Но даже без ощущения, что меня с нетерпением ждут, впечатления были очень неприятными, но даже это не могло перечеркнуть того незабываемого впечатления, которое произвел на меня Bayreuth.

Ильза Гесс - Рудольфу Гессу 4 мая 1947 г.

Мать Гели²⁴ рассказала мне много трогательного, прекрасного, мужественного и трагического о последних неделях и месяцах жизни фрау Геббельс. Через некоторое время после моего заключения под стражу французами на Боденском озере в мае 1945 года меня посетил пожилой французский офицер. Я отправила просьбу разрешить мне общаться с Вами через французские оккупационные войска, и он принес с собой разрешение - хотя я не думаю, что Вы когда-либо получали письма в Англии? Этот офицер очень хорошо говорил по-немецки, и мы вели долгую беседу, в ходе которой он сказал мне, что относится к фрау Геббельс с безграничным уважением. Он не только присутствовал при расследовании ее судьбы в Берлине, но и сам помогал в обнаружении погибших детей.

Когда я слушала его, слезы текли по моим щекам, я не могла сдержаться. И тут

---

24 Фрау Хамптиш - сводная сестра Гитлера.

пожилой господин произнес самые человечные и прекрасные слова, которые я слышала за эти два года от любого представителя оккупационных войск: "Фрау Гесс, вы можете быть совершенно уверены, что никогда не услышите ни от кого из нас ничего плохого об этих людях: даже враги вашей страны склоняют голову перед трагедией этих событий!"

Должна сказать, что в целом мои впечатления от господ, с которыми мне довелось общаться во время французской оккупации, были весьма хорошими с человеческой точки зрения. Это были офицеры-фронтовики, с истинно военным мировоззрением, представители европейской нации, и мы оказались в состоянии говорить на одном языке. Я говорила с ними совершенно искренне и с тем, что один из них назвал "смертельной честностью". При этом каждый оставался на своей патриотической почве, но с должным уважением относился к своему собеседнику.

В течение четырнадцати дней, пока я была гостьей французских войск на озере, командиром нашей женской части был молодой французский лейтенант: поначалу он вел себя по отношению ко мне очень величественно и с достоинством, но я, похоже, обладаю настоящим талантом размораживать подобные проявления со стороны моих "партнеров" в этой области. За короткое время между нами установились отношения, хотя и строго отстраненные, но вполне терпимые и вежливые. После одного из многочисленных "собеседований", на которые он обязан был меня сопровождать, я довольно долго оставалась в комнате одна. Французские военные кварталы находились прямо на берегу большого озера. Был май, и мой взгляд блуждал по цветущим деревьям, по сверкающей воде, по далеким заснеженным горам на фоне нежно-голубого неба. Я не могла сдержать себя: это был один из редких моментов, когда я потеряла свой обычный твердый самоконтроль. Слезы текли ручьем. Вдруг я услышала, что лейтенант возвращается, и мне удалось не показать ему слез, но он каким-то образом почувствовал, что я плачу. Он сел передо мной, предложил сигарету — чтобы успокоить меня vvvvvv, - и довольно строго спросил, почему я плачу, не обидел ли меня кто-нибудь, пока его не было, не жалею ли я на что-нибудь. Я отступила, но он стал еще настойчивее, и, чувствуя, что могу снова сорваться, я попыталась сохранить лицо перед этим молодым человеком, разозлившись. "Боже правый!" сказала я довольно резко, - при чем здесь вы? Во всяком случае, как вы можете понять?" "О, может быть, я вполне могу понять, почему вы так печальны?" Все еще злясь, я ответила: "Вы ничего не поняли - я плачу по Германии!"

Он был достаточно молод, чтобы быть моим сыном, и, в конце концов, был довольно милым парнем. Он несколько ошарашенно смотрел на меня, а потом сказал, полузадумавшись, полувопросительно: "А! Вы любите свое Отечество?". Мне захотелось сказать: "Не будьте идиотом!", но я сдержалась и довольствовалась вопросом, не удивило ли это его. После некоторого колебания он ответил: "Нет! Потому что я тоже очень люблю свою страну".

Через несколько минут вернулись сотрудники, занимавшиеся моим делом, и наш довольно необычный разговор закончился. Но с тех пор наши отношения уже никогда не были прежними - по крайней мере, только внешне. В этом

смысле я оставалась женой злобного нацистского министра, а он - начальником. Но было и взаимное уважение. Непостижимым образом ситуация изменилась, и это пошло мне на пользу.

Меня держали в обществе некоторых дам, принадлежащих к кругам вишистского правительства. Я познакомилась со старшей из этой группы, мы подружились, и эти четырнадцать дней стали для меня привилегией, которую я никогда не смогу забыть, и приобретением для меня. Она обладала редким и прекрасным характером; это была одна из самых великолепных личностей, которых я когда-либо знала, - фанатично патриотичная француженка и друг Германии. Это была достаточно веская причина, чтобы отправить ее в тюрьму! В отличие от немногих других заключенных, французские офицеры относились к ней с большим уважением.

Нюрнберг, 8 мая 1947 г.

Мы наслаждаемся теплым солнечным светом, который наконец-то пришел, и особенно солнечным светом во время наших ежедневных прогулок на свежем воздухе, когда мы действительно можем поговорить друг с другом! Наш маленький круг общения теперь расширился благодаря приезду Мильх²⁵.

Вас заинтересует прилагаемая копия записей из дневника Гальдера, которая, как сообщил мне Шпеер, строго соответствует действительности²⁶.

---

25 Фельдмаршал Эрхард Мильх, приговоренный к пожизненному заключению на отдельном процессе в Нюрнберге, а затем заключенный в Ландсберг.

26 К письму от 8 мая 1947 г. была приложена следующая выдержка из дневника генерала Хальдера:

15 мая 1941 г. - Представление фюрером фактов главнокомандующим армиями:

1. Фюрер был полностью захвачен врасплох.

2. Ранее было известно, что:

a. Гесс страдал от внутренних конфликтов, вызванных его внутренним отношением к Англии и болью от мысли, что два германских народа уничтожат друг друга.

b. Гесс внутренне переживал из-за того, что его не допустили к службе на фронте. Его просьбы о направлении на действительную службу были отклонены.

c. Он был склонен к мистицизму, видениям и пророчествам.

d. Он настолько пристрастился к совершенно безрассудным полетам, что фюрер запретил ему подниматься в воздух.

3. Впоследствии выяснилось, что:

a. С августа 1940 г. он издал приказ, согласно которому ему должны были регулярно предоставляться сводки о погоде над Англией.

b. Он предпринимал попытки в Норвегии получить радио "Пейлунген" через станцию "Тербовен".

c. После того как Удет отклонил его просьбу, он добился систематического обучения и тренировок на заводе Мессершмитта.

d. Он провел систематическую подготовку технического характера к полету (установка дополнительных бензобаков).

4. Хронология:

a. Суббота. Фюрер получил посылку, которую сначала отложил в сторону, решив, что в ней какой-то меморандум (Примечание Гесса: Как хорошо я себе это представляю! vvvv). Позже он вскрыл посылку и обнаружил, что в ней находится письмо Гесса с объяснением полета и его причин: В качестве первой цели был указан Глазго, где он предлагал связаться с лордом Гамильтоном. Главой Британского легиона.

(Примечание Гесса: это ошибка, связанная с тем, что он перепутал герцога Гамильтона с сэром Яном Гамильтоном).

b. Изучение документов вместе с рейхсмаршалом и Удетом. Обсуждалось: может ли цель быть достигнута? После того как было достигнуто соглашение о том, что Англия, несомненно, воспользуется инцидентом, был издан первый коммюнике, и Риббентроп был отправлен в Рим, чтобы сообщить Дуче (о предложении сепаратного мира). Рейхслайтер и Гауляйтер были вызваны на конференцию, где были зачитаны соответствующие документы. (Примечание Гесса: на самом деле я оставил после себя меморандум о том, что я скажу англичанам, что Италия должна быть включена в мир, как существенное

Более того, Удет от имени Люфтваффе настаивал Гитлеру, что о моем благополучном прибытии не может быть и речи. Фюрер, однако, ответил, что знает меня, и когда я ввязывался в подобные дела, то проявлял такую преданность и сосредоточенность, что в данном случае - при всех моих технических и математических знаниях - он был уверен, что я доберусь благополучно! Чуть позже, когда политические последствия улеглись, он был доволен моим достижением, главным образом потому, что доказал свою правоту! vvvvvvvv.

Кстати, в Англии мне сказали, что здесь было объявление, возможно, полуофициальное, в котором достижения в области аэронавигации и навигации получили признание. Поэтому я был весьма удивлен, когда Вы в своем письме сообщили мне, что в партийных кругах не верят, что я действительно летал один. Во всяком случае, ведущий английский летный журнал был полон похвал, что, естественно, доставило мне некоторое удовлетворение, несмотря на все негативные факторы. Вот вам и спортивный дух Интернационала авиаторов!

В двух номерах "Баумайстера" я увидел планы реставрации некоторых участков старой части Мюнхена - у Кройцкирхе, у старого Брудерхайма и части дворца Лерхенфельд. Я с облегчением обнаружил, что они превосходны. То же самое можно сказать о планах Франкфурта и Рейхсштрассе в Донауверте; ущерб, нанесенный делу письма, был для меня очень болезненным. Я действительно мог бы заплакать от горя, узнав из того же журнала, что старой ратуши в Аугсбурге с ее Золотым залом больше нет. За несколько дней до отлета я совершил одну из своих бесполезных поездок в Аугсбург: запланированный на этот день рейс опять отложили из-за плохих метеорологических прогнозов. Возвращаясь из Берлина, я прервал поездку в Аугсбурге, где вместе с одним из своих людей посетил этот зал, еще больше наслаждаясь старым городом и, конечно, не подозревая, что вижу большую его часть в последний раз. Мысль о том, что все невосполнимые сокровища нашей цивилизации были уничтожены в этой войне - даже помимо человеческих жертв, - сама по себе способна разорвать сердце на части.

Ильза Гесс - Р.Х. 9 мая 1947 г.

После моего небольшого рассказа о пребывании в Лангенаргене в качестве "гостя французского государства" в мае 1945 г. я должен добавить несколько слов об обстановке. Представьте себе швабскую хаусфрау, как и следовало ожидать, чистую, опрятную и аккуратную до последней степени; вдову чиновника, которая, в силу своего укоренившегося образа жизни, "конечно же" всегда была несокрушимо против Третьего рейха; и вот теперь, совершенно неожиданно - в награду за отношение, считавшееся в 1945 году весьма благородным, - она сталкивается с тяжелым фактом реквизиции французами ее роскошной виллы - за двадцать четыре часа наводненной множеством чрезвычайно оживленных французских дам плюс военным эскортом! Ее выгнали из самого сокровенного убежища - собственной спальни и ванной

комнаты, правда, разрешили сохранить две партерные комнаты и кухню. Но все равно!

Я думаю, что моя добрая "мадам Эррле" (так к ней всегда обращался резкий военный голос лейтенанта, которого я вам описал) попала бы под арест за непримиримое сопротивление оккупационной власти, если бы не счастливый случай, когда она обнаружила, что я тоже поселилась на вилле. А так она стойко сопротивлялась и пятнам на восковой лестнице, и просьбам француженок о горячей воде. Они действительно очень страдали, так как были далеки от той концепции, которую она выстроила, сводясь, грубо говоря, к самым низким понятиям в словах: француз - парижанин - аморальный. Первые двадцать четыре часа я наблюдала за происходящим, потеряв дар речи. Потом, с помощью одной из ее милых дочерей, я одолжила белый фартук и стала выступать в роли посредника между народами. Я грела воду на кухне для дам, готовила тосты для тех, у кого были проблемы с желудком, используя свою более чем достаточную норму белого хлеба, готовила чай и кофе, передавала просьбы сверху вниз и наоборот. Кроме того, я выступала за них в общении с маленьким лейтенантом, который начал страшно злиться на мадам; используя все свое чувство юмора, я сумела объяснить ему, в чем, собственно, дело.

Так она постепенно - очень постепенно - приспособилась к условиям "оккупации" и, когда меня увезли на родину, а мои французские товарищи по несчастью двинулись к Парижу, оказалась более способной выдержать различные испытания этой оккупации, а мне вынужденная активность помогла пережить самое страшное - отсутствие дел! Мое неумное желание быть чем-то занятой вызывало бесконечное удивление французских охранников, которые, видимо, совсем иначе представляли себе жену министра (даже бывшего министра); но я много раз разговаривала с ними и чувствовала, что они не думают обо мне хуже, чем я, если я не соответствую их представлениям! В самом деле, ходили сплетни, что при аресте меня вытащили из коровника; все между Бад-Обердорфом и Лангенаргеном должны были это знать. На самом деле эта история объяснялась неосведомленностью нашего элегантного французского коменданта в деревенских делах, так как он впервые увидел меня в серых льняных брюках, в которых я обычно ходила по саду, держа в каждой руке по ведру. Но я действительно сепарировала и не доила! Но в таком "наряде" я вызывала у него сомнения, он не мог поверить, что я действительно фрау Гесс. "Мадам Рудольф Гесс". Он снова и снова повторял мне, что хочет поговорить с "мадам Гесс", и был уверен, что я не поняла его просьбы. Факт остается фактом: мое появление, должно быть, вызвало сенсацию, которая распространилась по всей стране вплоть до французских гвардейцев на Боденском озере vvvvvvvv.

Нюрнберг, 14 мая 1947 г.

В одной из книг, посвященных архитектуре, написанной одним из нейтральных авторов, есть фрагмент, восхваляющий работу А. Зайферта "Im Zeitalter des Lebendigen" (1941). Если Вы не можете достать для меня эту книгу, постарайтесь, пожалуйста, достать недавно опубликованную работу Р. Ройзена:

Biologischer Wasserbau und Wasserschutz. Я хотел бы передать ее Шпееру.

Говоря о биологической гидравлике, я вспоминаю, что однажды слышал, что перед войной мы собирались приступить к реализации старого плана строительства канала Рейм-Майн-Дунай для больших судов. Или лучше сказать: Я знал об этом, но не знал, что сам выступал против предложенного маршрута - протестовал от имени друзей природной красоты. Должен сказать, что теперь я себя понимаю!

Когда я вспоминаю предлагаемую трассу и представляю себе широкое, удобное, извилистое русло Вальднааба, беззаботно проходящее через мягкие зеленые луга и тихие леса, а затем представляю себе его безжалостную замену цементными берегами прямого как линейка канала, перевозящего огромные 1500-тонные баржи с углем и загроможденного по краям (берегами это назвать нельзя) тягловой техникой, электрическими кабелями и высокими столбами для передачи тока, у меня сердце сжимается! Как все просто для человека, чьи экономические возможности не ограничены сентиментальным отношением к природной красоте! Он может отмахнуться от всех возражений друзей природы или защитников сельской местности замечанием: "Прогресс не должен задерживаться романтическими аргументами!".

При этом я прекрасно понимаю, что этот канал будет иметь огромное экономическое значение - в будущем даже большее, чем то, которое многие представляют себе сейчас, - и я также знаю, каким мощным связующим звеном станет эта артерия с севера на юг. Подобная проблема ставит ответственного человека перед необходимостью принятия сложнейшего решения, ставит его в критическое положение. Я тоже должен признать, что другой путь для канала нецелесообразен. Он должен идти по Вальднаabu, чтобы по пути утолить свою огромную жажду: Необходимо преодолеть Юру²⁷, что невозможно сделать без многочисленных шлюзов; каждый из них расходует много воды, и трата воды увеличивается с ростом интенсивности движения и размеров судов. Кроме того, масштабный проект такого рода предполагает потерю огромного количества воды в результате просачивания.

Я все это тщательно обдумал и задался вопросом: нельзя ли пробить тоннель под Юрой? Тогда отпадет необходимость в большинстве шлюзов, а потери воды за счет просачивания можно будет восполнить за счет Дуная и источников в юре, расположенных выше. Потребуется дополнительные работы, но представляется вероятным, что со временем они будут с лихвой компенсированы упрощением транспортировки и экономией электроэнергии за счет отсутствия шлюзов. Кроме того, строительство будет менее затратным по труду, материалам и деньгам, так как канал, скорее всего, будет короче. Вряд ли можно считать, что Вальднааб представляет собой кратчайшее расстояние между двумя точками. Не следует забывать и о том, что при прокладке канала через Юру его придется прокладывать так, чтобы он следовал рельефу местности, избегая подъемов и спусков по крутым склонам и прижимаясь к

---

²⁷ Швабская Юра, иногда называемая по-английски Швабскими Альпами, - горный массив в земле Баден-Вюртемберг (Германия), протянувшийся с юго-запада на северо-восток на 220 км (140 миль) и имеющий ширину от 40 до 70 км (25-43 миль). Он назван в честь региона Швабия.

положим, тогда как при подземной прокладке он мог бы пройти по прямой линии между указанными пунктами.

Французский канал между Роной и гаванью Марселя проходит через длинный тоннель. В отношении канала Майн-Дунай есть только один момент, который заставляет меня задуматься и даже может помешать прокладке тоннеля под Юрой, а именно: для судов в 1500 тонн может потребоваться ширина тоннеля, представляющая непреодолимые трудности с инженерной точки зрения.

Буду признателен специалистам, занимающимся подобным строительством, за ответы на следующие вопросы. 1. Что требует наибольших затрат энергии: перевозка 1000 тонн по железной дороге на заданное расстояние, на постоянном уровне, с той же скоростью, что и баржа, или перевозка по каналу - при условии, что канал полностью оборудован лучшими способами буксировки с берега? С точными цифрами, относящимися к затратам на уголь, нефть или электроэнергию, расположенными рядом! 2. Каковы реальные причины относительной дешевизны перевозок больших партий товаров по каналам по сравнению с железными дорогами?

Это меня очень интересует, потому что мы обсуждали этот вопрос между собой, и я хочу, чтобы он был решен. Мне было приятно обнаружить, что я один оспариваю полдюжины противоположных точек зрения. Приятно, потому что я знаю, что, несмотря на то, что я в меньшинстве, я прав! Vvvvvv. Действительно, как мало людей - даже среди умных - обладают способностью свести проблему к простейшим измерениям, так что единственный возможный ответ становится очевидным, не более чем здравый смысл. Большинство людей склонны усложнять то, что на самом деле просто, и приходиться к самым необычайно ошибочным выводам, да еще и придерживаться их!

Вспомните, было ли время - двадцать три года назад - когда я сидел в тюрьме и обращался с подобной просьбой о решении какого-то технического вопроса? Боюсь, что мнение, высказанное в 1941 году одним из ныне не живущих с нами людей, о том, что "он меня знал и при моем упрямстве был уверен, что я добьюсь своего!", проистекало из его тогдашнего опыта моего упрямства в подобных вопросах - и из разочарования, что я все-таки оказался прав vvvvvvvv.

Нюрнберг, 22 мая 1947 г.

К. будет интересно узнать, что в споре о канальном бизнесе выяснилось, что в вопросе о том, кому из них требуется больше энергии, я был "естественно" прав, чего и следовало ожидать vvvvvv. Другой вопрос, почему канальный транспорт дешевле, не сыграл никакой роли в разгоревшемся между нами конфликте. Он был добавлен по сугубо личным причинам, и я ожидал того ответа, который был дан. Я предполагал, что будет очень трудно найти общие факторы для такого сравнения или определить, что можно считать расходами.

Автор прилагаемой статьи в Glaser's Appalen¹ довольно упрощает дело, почти не касаясь этих деталей или даже игнорируя их - например, износ железа на железнодорожном транспорте и необходимость замены колес, рельсов, локомотивов и грузовиков пропорционально интенсивности эксплуатации, а

также уход и замена всевозможных точек и арматуры. Разумеется, расход дорогостоящего железа на железнодорожном транспорте гораздо больше, чем на канальном. В 1937 году 38%. В 1937 году по каналам было перевезено 38% всех грузов, входящих в этот расчет. Надо только подумать, какое количество железа было бы израсходовано, если бы этот процент приходился на железнодорожный транспорт, и какое значение он имел бы для экономики страны в целом! Обо всем этом в "Glaser`s Annalen"²⁸ нет ни слова.

В качестве примера относительных затрат автор приводит статистику за 1833 год! Более ранние цифры привести было невозможно, так как до этого времени железных дорог не было! Примерно в это время в нескольких метрах от моего дома прогрохотали первые поезда со скоростью около двадцати километров в час, и даже это мало кто считал "безрассудством и опасностью для здоровья". Словом, вполне идеальный год для сравнения с 1947-м - после более чем столетнего перерыва в немыслимом техническом прогрессе! Молчание по поводу всей статистики более поздних лет само по себе является ответом.

Та же история повторяется и при рассмотрении вопроса о труде. Ни слова от автора, только презрительное молчание, когда речь заходит о множестве людей, занятых помимо тех, кто непосредственно работает с транспортными средствами; о людях на постоянном пути, на станциях, во дворах, на сигнализации, на перекладке грузов, в локомотивных мастерских, не говоря уже о рабочей силе, занятой на локомотивных заводах и во всех различных отраслях, необходимых для железных дорог - вплоть до рабочих угольной и железной промышленности. Фактически все это - бесстыдная и тенденциозная атака на автобаны и строительство каналов в 1933-1945 годах. На самом деле это настолько бесстыдно, что я вынужден думать, что за этим стоит нечто большее, а именно пропаганда железных дорог против всех других видов

---

28 Журнал ZEVrail - Glasers Annalen посвящен техническому развитию железных дорог и транспорта. Он является органом Немецкого машиностроительного общества (DMG).

Журнал был основан 1 июля 1877 г. под названием "Annalen für Gewerbe und Bauwesen". Основателем и редактором журнала был Фридрих Карл Глазер. Первоначальная цель журнала заключалась в том, чтобы содействовать развитию "тогда еще очень депрессивной промышленности". С 1 марта 1878 г. по апрель 1912 г. журнал являлся органом Общества инженеров-конструкторов (Verein für Eisenbahnkunde).

В 1922 г., через двенадцать лет после смерти Глазера, "Glasers Annalen" продолжали издаваться Ф.К. Глазером под названием "Glasers Annalen, ZEV, Zeitschrift für Eisenbahnwesen und Verkehrstechnik". В последующие годы журнал издавали несколько потомков и родственников Глазера. Он все больше становился авторитетным изданием в области железнодорожной техники. Например, дебаты о стандартизации 1920-х годов нашли здесь отклик в приложении "Deutscher Normenausschuss/Fachnormenausschuss Lokomotive", "Lona - Nachrichten".

В апреле 1943 г. "Glasers Annalen" был объединен с "Organ für die Fortschritte des Eisenbahnwesens" и прекратил издание в конце 1944 г. в связи с войной. С 1947 г. "Glasers Annalen" стали выходить вновь. Он по-прежнему называл себя "журналом по транспортной технике и машиностроению". С 1951 г. журнал должен был также более интенсивно заниматься проблемами гражданского строительства в железнодорожной отрасли. Также был создан "научно-консультативный совет". Уже в начале 1950-х годов в журнале много места уделялось ремонту повреждений железнодорожного оборудования, полученных в результате военных действий.

С 1972 по 2001 год журнал выходил под названием "Glaser's Annals - Journal of Railway Engineering and Transport Technology"; в настоящее время он называется "ZEVrail - Journal for the Entire Railway System".

транспорта. Ранее государственные железные дороги оказывали "влияние" на подобные издания. Я знаю, что долгое время не удавалось исключить такого рода "влияние". Сейчас, очевидно, делается попытка наверстать упущенное.

В любом случае, полезно знать, что под видом выразителей беспристрастного научного знания, содержащегося в справочнике, за кулисами скрываются волки, одетые в чистейшую овечью шерсть и преследующие совсем не научные и беспристрастные цели.

Если это не потребует от Вас больших усилий - а только так - будьте добры, сообщите мне об этом: Во-первых, каково потребление железа железнодорожной системой в нормальные мирные годы; под этим я подразумеваю, сколько материала необходимо для поддержания всего без износа? Второе - можно ли с уверенностью предположить, что количество железа, расходуемого на восполнение износа, увеличивается пропорционально увеличению количества грузов, перевозимых по системе (при условии, что не требуется новый подвижной состав, чтобы справиться с этим увеличением)?

Попробуйте достать мне статистический ежегодник, пусть даже устаревший.

Нюрнберг, 26 мая 1947 г.

Моя дорогая китаянка vvvvvv

Может быть, Вы сообщите мне, в чем Ваше отношение отличается от отношения китайской жены. Вы являетесь главой "кооперативного государства" vvvvvv (см. приложение)²⁹. Правда, государство, которым Вы управляете, очень сильно сократилось, но это не меняет сути дела. Даже если не принимать во внимание Вас, роль женщины в нашей Германии в целом соответствовала роли китайской женщины - я говорю соответствовала, потому что предполагаю, что в рамках программы "перевоспитания" немецкая женщина будет освобождена от мужской тирании, а ее жизненное положение приведено в соответствие с положением американских женщин? Vvvvvvvv

---

29 К этому письму была приложена сокращенная статья Перл С. Бак "Достоинство китайской женщины":

"Секрет китайской женщины, вероятно, заключается в том, что она всегда была уверена в своей абсолютной необходимости. Она никогда не проходила через стадию подражания мужчинам. Она знает, что слишком важна, чтобы думать о подражании мужчинам. Она знает, что она слишком важна, чтобы думать о подражании кому-то еще. Она просто спокойно продолжала оставаться женщиной. Ее не пугали современные перемены, потому что она никогда не мечтала о том, что может в чем-то потерпеть неудачу. Но, разумеется, она никогда не смогла бы достичь этой идеально сбалансированной личности, если бы ее не поддерживало и не окружало то общество, которое ценило ее такой, какая она есть. Здесь мы видим контраст между Востоком и Западом. В Китае женщины всегда ценились как половинки целого. Мужчина не может быть мужчиной, если женщина не является женщиной. Обычная китайская семья состоит из представителей разных поколений одной семьи, которые живут вместе в своеобразном "кооперативном государстве". ...На практике женщина является главой этого государства и признается таковой. У каждого есть свое место, и каждому она приписывает соответствующие обязанности....В Китае люди относятся к личному мнению женщины с большим уважением, чем в любой другой известной мне стране. Китайский мужчина чувствует, что его собственное мнение не сбалансировано, если не учитывается мнение женщины. Это взаимно. Это случай действия и реакции, одно уравновешивает другое, и все наполняется гармонией и миром, мудростью и довольством....".

Рудольф Гесс, Ильза Гесс, Адольф Гитлер

Ильза Гесс - Рудольфу Гессу 31 мая 1947 г.

Боюсь, что Вы очень мало, а может быть, и совсем не представляете себе, что значит в настоящее время быть женщиной-главой "кооперативного семейного государства", измеряемого в терминах ежедневной работы! Полагаю также, что Вы обманываете себя, думая, что такой взгляд на положение женщины преобладал среди "нас" в целом; мы двигались в этом направлении - или двигались бы, если бы сочувствующие ему, такие как доктор Тодт, Тео и другие, преобладали, и только тогда. Главную роль сыграл тон совсем другой! Но я думаю, что и у Вас были времена сомнений и искушений.

Однако именно то, что Вы ушли в одиночку, "позорно дезертировали" (как говорят) из нашего "кооперативного государства" vvvvvv, оставив мои слабые руки держать вожжи, когда-нибудь - я надеюсь - убедит Вас в том, что принятая Вами в моем случае политика оставлять вожжи очень свободными была правильной. В тот момент, когда Вас не стало, я столкнулся с необходимостью принимать личные решения и действовать самостоятельно, значение Вашего характера с его требованиями верности, порядочности, чести и правдивости стало для меня вдвойне очевидным. Действие и реакция, о которых говорит Перл Бак в своей прекрасной статье о китайских женщинах, стали как никогда актуальными и мощными; не присутствуя больше физически, Вы оказывали влияние издалека.

Оглядываясь назад, можно сказать, что духовные требования, предъявляемые ко мне, в сочетании с физическим напряжением были слишком велики. Я был нетерпелив и жесток по отношению к тем, кто пытался дать мне совет ради моего блага, когда он мог отклонить меня от моего собственного курса. Я не

терплю их с радостью". "Мудрость и уравновешенность ума, мир и довольство" не всегда присутствовали во мне - как хорошо я это знаю! Но я лелею надежду, что в конце моих дней мне будет дано время, пусть даже очень малое, когда я смогу спокойно оглянуться назад и понять, что, по крайней мере, я приложил усилия для достижения цели - мудрости, равновесия, мира и довольства. Поскольку я почти не знаю значения слова "раскаяние" (в детстве мне говорили, что раскаяние - это глупость, а совершенствование - это все), у меня нет никаких перспектив "сожаления" vvvvv. Хватит с меня китайцев.³⁰

Знаете ли Вы, кстати, что фотографии в "Zeitalter des Lebendigen" были частично предоставлены доктором Тодтом? Тот самый доктор Тодт, чей слишком ранний уход из жизни, на мой взгляд, является одним из трагических событий, способствовавших падению компании. Когда-то о нем говорили, что он был редким сочетанием гениального специалиста, порядочного человека и старого товарища по партии - Бог знает, насколько это верно! Автор вышеупомянутой книги, сопровождавший Тодта во всех его полетах и поездках до самого конца, сказал мне тогда, что в последние недели своей жизни Тодт был человеком такой удивительной мудрости и такого человеческого совершенства, что, оглядываясь назад, он чувствовал, что, когда смерть пришла к нему, она была исполнением его желаний.....

Несколько месяцев назад в одном из своих писем Вы писали, что, помимо всех внешних событий последних лет, прошедших через огненные испытания этого Пургаториума, духовные элементы оставались и будут оставаться единственной великой объединяющей силой! Мне это напоминает о том, что наш собственный союз в самом начале своего существования, можно сказать, проходил под звездой Гёльдерлина. Двадцать пять лет назад я написал для Вас надпись в "Гиперионе":

"Как часто садовник царапает руки розами, которые он собирается посадить: такова опасность для тех, кто любим небесными силами; их любовь полна силы и в то же время нежна, как их дух, а их сердца бьются сильнее волн, чем трезубец Морского Бога, владыки волн... Поэтому моя дорогая - о моя дорогая! - будем остерегаться гордости и тщеславия".

Ниже я добавил дату: 26 апреля 1922 года.

Нюрнберг, 4 июня 1947 г.

Моя самая дорогая любовь.

---

30 В качестве комментария здесь можно привести следующую цитату из полемической литературы периода после 1945 года:

"Отношения между Гессом и его женой - простой девушкой, принадлежавшей к социальному слою несколько ниже его собственного, - были типичными. Она, по-видимому, была принципиально отстранена от всех государственных и даже партийных должностей и отвечала за свою германскую сферу домашней деятельности, не имея возможности участвовать в общественной жизни Гесса. Она была несущественной частью его личной жизни, в пределах которой он мог быть приветлив и внимателен. Это был брак абсолютно эгоцентричного человека - типично немецкий". Из книги I.R.Rees The Case of Rudolf Hess (примечание Ильзы Гесс).

Я только что узнал о Вашем аресте. Я сразу же попросил доктора Зайдэла заняться твоим делом и самому приехать к тебе.

Твой арест - это только то, чего я давно ожидал, и я был полностью готов к нему. Я вообще готов ко всему, и ничто не может меня удивить. Тем не менее, мои чувства, когда я узнал об этом, были таковы, что я не должен и не буду излагать их письменно. Но я хотел бы рассказать вам о своей концепции личной чести, которой я придерживался в течение многих лет: честь человека не может быть задета или даже затронута какими-либо действиями или высказываниями со стороны другого. Тот, кто пытается это сделать, наносит ущерб своей собственной чести. Честь может пострадать исключительно в результате бесчестного поведения самого человека. Соответственно, многие вещи, которые вполне могли бы действовать на нервы другим, проходят мимо меня.

Поскольку вы сейчас находитесь в ситуации, когда ваши собственные действия и все попытки направить свой собственный курс должны быть ограничены очень узкими рамками, я еще раз напомним вам идею, о которой я часто говорил: есть события, которые протекают на уровне, на который мы не можем оказать никакого влияния, или времена, когда мы должны оставаться в стороне, потому что, не будучи в состоянии предвидеть их, мы всегда опаздываем.....

Ильзе Гесс - Рудольфу Гессу

Адрес проживания: Лагерь труда и интернирования в Гоггинген, около Аугсбурга, барак 5, комната 5. 7 июня 1947 г.

Когда я находилась в тюрьме в Зонтхофене, одиночество было тяжелым; но теперь, учитывая мою нелюбовь к одиночеству, которая была присуща мне с рождения и усилилась в последние годы, моя самая большая проблема заключается в том, что я никогда не могу быть одна, а вынужденно нахожусь в компании шестнадцати товарищей по несчастью. Впрочем, ко всему, как известно, привыкаешь. Сегодня работало радио. Вся комната гудела от разговоров, двери стучали и т.д. и т.п. Но я спала!

Далее, товарищество во сто крат перевешивает все неблагоприятные стороны нынешней ситуации; и в этом отношении, насколько можно судить по прошествии нескольких дней, мне повезло, так как я, кажется, попала в самую дружную комнату, которую здесь давно знают, - но тут объявляется новый набор vvvvvv. Смесь замечательная. Командует нами старейшая обитательница, вполне демократично, так как она же и старейшая по годам. Она небольшого роста, деликатно сложена, с глубоким мужским голосом, родом из мира мюнхенской богемы и курит как паровоз. Есть несколько женщин примерно моего возраста, а затем восемь буйных девчонок, все они "внутри" уже два с четвертью года - безумие, но правда! - и, несмотря на это, не потеряли ни юмора, ни хорошего поведения. Любимица Берлина, чьи проделки не дают нам покоя; маленькая девочка из Дессау, красивая как картинка, - все они так выделяются на моем фоне, но я искренне верю, что здесь представлены все представители того, что когда-то было нашим немецким отечеством.

Моя особая любимица - шестидесятитрехлетняя мюнхенская женщина, полная остроумия и житейской мудрости; она даже знает Харлахинг и когда-то

полировала вашу палубу в доме Брауна! Я стараюсь, чтобы она не делала для меня ничего лишнего. Я никогда не позволяла ей этого, потому что люди говорили: "Посмотрите на эту чванливую фрау Гесс, которая позволяет себя обслуживать"! - А мне этого меньше всего хотелось бы! Правда, в моей комнате так бы не говорили, но все же нет того товарищества, которое было раньше. О! Женщина! Может быть, мне придется предотвратить обвинения в "чванливости", заняв "должность" уборщицы шкафов, если никто другой не возьмется, чего пока не произошло.....

Я еще не могу смириться с мыслью о нашем сыне. Ведь с тех пор, как мое дело впервые попало в трибунал Зонтхофена, я была твердо уверена, что даже если бы я была ангелом свыше, белым как снег, а не одним из первых членов партии, я все равно была бы вынуждена провести здесь немало времени; если не по одной, то по другой причине, как до, так и после вынесения приговора. Поэтому мысль о маленьком мальчике не дает мне покоя. Славный мальчик - он был таким храбрым, когда меня арестовали! Надеюсь, на следующей неделе он сможет приехать ко мне вместе с тетей Ингой. Должна признаться, что теперь я начинаю лучше понимать, почему Вы всегда отвергали мысль о нашем визите. В сущности, это так. Не что иное, как дьявольская форма пытки, хотя условия для приема посетителей здесь не являются неприемлемыми.

Нюрнберг, 10 июня 1947 г.

Никто лучше меня не понимает, что, даже если бы это было возможно, Вы не стали бы писать каждый день! Я не только не смог бы делать то же самое, но и не считал бы это правильным. Как и другие вещи, письма подчиняются закону убывающей ценности, когда их много. Они становятся просто обыденностью, перестают быть чем-то особенным, а их содержание в значительной степени состоит из мелких повседневных дел.

Время от времени я читаю "Франкенпост", местную газету и различные другие, попадающиеся мне на пути, - газеты всех видов из всех зон, представляющие все оттенки того, что сейчас называется "мнением". Без всякой просьбы с моей стороны капеллан приносил мне "Тайм", "Ньюсвик" и другие подобные журналы. Поскольку они были, так сказать, всунуты мне в руки, заморачиваться по поводу "основ" не было никакой необходимости. Я просто читал то, что нужно было читать, и ухмылялся про себя тому, как ловко замаскирована пропаганда в оккупационных журналах, и еще больше ухмылялся тому, как гораздо менее ловко замаскирована пропаганда в собственных газетах. Между тем, мне было высказано предположение, что я мог бы направить письменный запрос американскому офицеру, чтобы он регулярно высылал мне эти журналы. Однако я отказался от этой идеи и не считаю нужным дальше утруждать свою голову этим вопросом.

Кстати, Вы несправедливы к некоторой части нашего народа, полагаясь на сообщения прессы. Можете быть уверены, что многие из тех, кто столкнулся с тем, что они якобы говорили, откроют глаза так же широко, как и вы, когда столкнетесь с какой-то странной версией своих собственных высказываний.

Однажды, правда, когда я был "гостем" в Англии, я прочел интервью с Вами, по-видимому, вскоре после Вашего пребывания в "гостях" у французов, иллюстрированное Вашим "Zugspitz-fligth" лицом³¹, и я увидел, что это не фальсификация, ибо то, что там было сказано Вами, было совершенно искренним vvvvvvvvvv.

Нюрнберг, 21 июня 1947 г.

Сегодня новый капеллан принес мне Ваше письмо от 16-го числа. Мне очень жаль, что Вы до сих пор ничего не получили от меня, хотя я не удивлен. Во всех этих мелочах я пессимист, что подтверждается опытом. Собственно, я сразу же написал, когда в печати появилось сообщение об аресте "выдающихся женщин".

Мои товарищи полны напрасного оптимизма после "оправдания" фрау Заукель; но я не стану скрывать от вас, что придерживаюсь совершенно иного мнения. Мой опыт подсказывает, что и здесь надежды порождаются по заказу, чтобы потом суровая реальность оказалась еще более тяжелой, а разочарование еще более горьким. Кроме того, оправдательный приговор вначале производит хорошее впечатление в зарубежных странах, где ваш арест не встречает всеобщего одобрения. В Вашем случае, в частности, я вижу все в худшем свете, потому что - в этом вопросе vvvv - Вам не повезло стать моей женой. В любом случае, я думаю, что будет какое-то наказание. Сделайте хорошее лицо.

Нюрнберг, 26 июня 1947 г.

Ваше последнее письмо заставило меня еще больше переживать за Ваше положение - особенно из-за огромного разнообразия чрезмерной женственности, нахлынувшей на мою маленькую жену, которая сама так способна и предпочитает серьезные мужские разговоры! Впрочем, подобные вещи следует считать одним из средств, с помощью которых непостижимое провидение очищает нас - а вместе с нами и многих других представителей нашего несчастного народа, - и все это по каким-то благим причинам, которые мы не в силах постичь.

О ведении вашего дела: Не имеет ни малейшего значения, кем Вы представлены и представляет ли Вас кто-либо, отведут ли Вас к Зайдэлу или Вы решите с ним не встречаться. Не имеет значения и то, что и как вы скажете, впадете ли вы в ярость, погрузитесь или будете хранить молчание, как в египетской гробнице, которую еще не открыли, чтобы насладиться благами нашей цивилизации. Всевозможные способы и виды защиты имеют значение только для внешней общественности, если они не будут слишком резко "обрезаны" в прессе или искажены, как мои собственные последние слова перед судом, которые вызвали у меня улыбку, когда я увидел их в печати.

Не будет иметь ни малейшего значения, если свидетели выступят от Вашего имени и заговорят на языках, приличествующих ангелам. Вы должны

---

31 Речь идет о гонке спортивных аэропланов вокруг Zugspitze в 1934 году, которую выиграл мой муж. Я ждала его после этого достижения - что очень необычно для государственного министра - и приветствовала его на аэродроме в самом приподнятом настроении".

оставаться равнодушными, если против вас будут вызывать свидетелей, которые будут клясться в том, что они дают показания, являющиеся чистым вымыслом, как это не раз случалось (что можно доказать) на самом великом процессе. Кроме того, ложные показания ничего не значат, они могут лишь придать более или менее благопристойный вид демонстрации оправдания приговора. Даже если бы ложных доказательств не было, результат был бы точно таким же. Я говорю вам все это для того, чтобы вы были готовы и, когда придет время, смогли отнестись ко всему этому с тем же чувством юмора, с каким вы отнеслись к заявлению обвинения. Главное - это ваше внутреннее отношение.

Прежде всего, никогда не забывайте о том, что я писал Вам о личной чести. Вы должны дойти до того, чтобы принимать все, что приходит, с внутренней улыбкой, а потом стряхивать это с себя с чувством "Вот и все!". Порядочные люди во внешнем мире (а кто еще имеет значение?), несмотря ни на что, не верят в эту чепуху. Остальные нас не беспокоят: для них фальсификаций чуть больше или чуть меньше. А какая разница? Ничто не остановит победу истины, когда придет время.

Что касается ожидаемого осуждения, то на этот раз я не одинок. Доктор Зайдл придерживается точно такой же точки зрения: то, что Вы моя жена, то, что Вы были одной из первых членов партии, то, что Вы носили Золотой знак отличия не как украшение, а потому, что были членом партии с самого начала, - всего этого будет вполне достаточно, чтобы получить срок в тюрьме независимо от того, как будет проходить судебный процесс, и совершенно независимо от Вашего отношения или заявлений защиты. Мы с Зайдлом расходимся только в одном: он считает возможным, что приговор может считаться отбытым в ожидании суда. Впрочем, проживем - увидим!

А пока, возможно, нам придется пережить еще несколько трудных времен, но это тоже часть того, что уготовано нам судьбой. Если в результате этого мальчик будет на несколько месяцев выведен из-под Вашего влияния, не стоит воспринимать это слишком трагично. В нем столько хорошего, что этот опыт не окажет решающего влияния и не направит к лучшему. Та или иная склонность, которая, возможно, не совсем соответствует нашим желаниям, будет выравниваться по мере взросления. Кажется, я помню, как писал Вам из Англии об одной знакомой семье, которая принципиально предоставила своих детей самим себе, влияя на них как можно меньше - даже не обращая внимания на настоящие непослушания, и эксперимент прошел необычайно удачно.

В конце концов, Вы заложили прочный фундамент: семь лет, не считая самых ранних, с такой матерью. Это даст долговременные результаты - поверьте!
vvvvvvvv.

Подведем итоги: Защита - дело безразличное. Будут сфабрикованы всевозможные непонятные обвинения и, вполне возможно, столь же непонятные показания свидетелей. Приговором будет какое-то заключение под стражу. Но это не важно. Главное, чтобы вы с самого начала были готовы к тому, что все это будет восприниматься как театральное представление. Театр, театр, только театр! Но не с трагическим концом.

Помните меня все, кто передает приветы! Все мы здесь мысленно очень близки к нашим "бедным женщинам", и особенно это касается меня по отношению к Вам.

Нюрнберг, 6 июля 1947 г.

"В молодости мы думаем, что самое меньшее, что может сделать для нас человечество, - это дать нам справедливость. В старости мы убеждаемся, что это величайший дар из всех возможных". (Эбнер Эшенбах). В настоящее время мы не ждем этого великого дара от земных судей. Ибо, как сказал Шиллер: "Никто не может дать больше, чем имеет сам".

Вы, наверное, слышали о приговоре по делу фрау Винифрид Вагнер. Что я продолжаю говорить? Что можно предъявить по ее делу, что действительно подлежит наказанию? То, что она принадлежала к партии? Что она ее поддерживала? Ни то, ни другое не является преступлением по закону - тем более по закону, предусмотренному демократическими государствами! И все же они вынуждены придерживаться концепции законности, ибо как иначе они могут придерживаться концепции законности, ибо как иначе они могут утверждать, что в "свободном демократическом государстве" их судопроизводство имеет какую-то связь с законом. Фрау Вагнер с характерным для нее мужеством боролась против злоупотреблений; она успешно отстаивала

интересы людей в концентрационных лагерях - и не многие из них должны благодарить ее за свою жизнь. Члены социал-демократической и коммунистической партий сами стали тому свидетелями. Каков же был результат? Она была признана виновной. Более того - адвокат обвинителя обжаловал приговор, сославшись на то, что он слишком мягкий.

Какой урок можно извлечь? Вы, скорее всего, будете знать, чего ожидать, хотя ваши обстоятельства - тот факт, что у вас с 1941 года был небольшой доход, а с 1944 года его не было вообще, в то время как фрау Винифрид Вагнер унаследовала что-то значительное, - могут повлиять на смягчение приговора. С другой стороны, Вы практически никогда не могли оказывать какое-либо влияние на арестованных. Пока я был дома, Вы вряд ли могли взяться за дело и заинтересовать меня - благодаря моему неукоснительному правилу держать политические и частные вопросы строго отдельно. Если бы Вы проявили такую инициативу, то, вероятно, получили бы ответ: "О, моя китаянка, глава "кооперативного семейного государства", пожалуйста, займись этими делами и оставь мои дела в покое!". Не правда ли? Vvvvvvv

Попытки такого рода Вы могли предпринять только после моего бегства - дополнительная причина в том, что только тогда обстоятельства давали повод для злоупотреблений, которые ставили Вас лицом к лицу с несправедливостью и жестоким обращением. Но если Вы сами не в фаворе, то можете принести больше вреда, чем пользы тем, кому пытаетесь помочь. Вряд ли Вы могли сделать что-то более пагубное для арестованных, ведь из рассказов моих товарищей я узнал, что Вы сами постоянно находились на краю концлагеря из-за своей бесстрашной честности и мужества. Я не раз говорил Вам, что если бы Вы были солдатом, то за Ваше неисправимое упрямство и непокорность Вы бы находились в более или менее постоянном состоянии "прикованности к казарме". Сейчас я не могу удержаться от смеха, вспоминая те времена, потому что уверен, что с 1941 по 1945 год Вы сделали все возможное, чтобы оказаться "в казарме"!

Все это - наглядные причины, по которым Вам нет смысла опираться на показания свидетелей, для которых Вы в то или иное время сделали что-то полезное. Но какое значение имеют причины? Суд не обратит внимания ни на что, кроме того факта, что Вы не предприняли ни одного такого шага.....

Факт остается фактом: Вы будете продолжать страдать от потери свободы - неважно, подозревают ли Вас в попытке побега, или из-за пропажи документов - все равно. Я говорю вам все это заранее, и вы убедитесь в моей правоте - как если бы я был настоящим пророком. Если бы все зависело только от воли тех, кто сейчас считает себя призванным решать за нас нашу судьбу, у вас не было бы никаких шансов вернуть себе свободу. Пока все идет именно так - пока! Ибо в конечном счете не воля простеца может решить все:

"Мы все должны совершить цикл нашей жизни в рамках великих, железных вечных законов".

Куда в конце концов приведут вас вечные непреложные законы, действующие в вашей жизни, - вот что является поистине решающим.....

Винифрид Вагнер с Адольфом Гитлером

Ильза Гесс - Рудольфу Гессу Гёггинген, 13 июля 1947 г.

Ваше письмо от 26 июня - самое последнее, которое дошло до меня на сегодняшний день.... То, что Вы говорите о чисто юридическом аспекте дела, полностью соответствует моему собственному убеждению. Вам не стоит беспокоиться, Вы можете быть уверены, что ничто не застанет меня врасплох и ничто не сможет меня расстроить.

Только первые сорок восемь часов моей внезапной разлуки с нашим мальчиком наложили свой отпечаток на мое самообладание. Я не могла не видеть, что, несмотря на все его молчаливое мужество, глаза его стали такими большими и жалостливыми. Когда речь зашла о переезде из тюрьмы в лагерь, я похвалила его за это (мне удалось проследить, чтобы точное время переезда было сообщено Хинделангу) и сказала ему быть просто храбрым. Он сказал, что в тот вечер, когда полиция пришла забирать меня из дома, ему удалось на несколько минут отлучиться и спрятаться в кладовке, чтобы поплакать тайком - не среди других, - и никто ничего не заметил!

Когда я думаю о таких вещах, я должна признать, что и сейчас у меня бывают минуты слабости, но всегда и только по отношению к Базу. Я должна вам это сказать. Потом я сразу же погружаюсь в работу и справляюсь с ней достаточно хорошо; такой мой путь.....

Мы только что закончили большой переезд женского лагеря из одного конца большого лагеря в другой. Теперь там есть место для нашей молодежи, и нас, пожилых и "остепенившихся" женщин, осталось всего восемь человек, некоторые из которых уже очень пожилые. И все же мы часто ведем себя так, что никто не может поверить, что мы не подростки! Как бы я хотела вместо письма присылать вам время от времени запись наших бесед здесь: вы бы смеялись до слез. Среди нас есть разные персонажи, но большинство из них - настоящие "оригиналы". Мне до сих пор больше всего нравится мюнхенская старушка, о которой я рассказывала в первом письме, и чей поистине жуткий случай описал Вам капеллан Ахтерманн. Чем больше ее знаешь, тем больше открываешь в ней запас материнской смекалки, человеческого опыта, юмора и доброты, так что не знаешь, смеяться над ней или просто любить ее. Только что она почти час рассказывала нам о том, как она торговала бутербродами с сардинами на октябрьском празднике в Мюнхене, и нам пришлось умолять ее остановиться, иначе мы бы умерли от смеха. Она объездила всю Германию, торгуя разными вещами на велосипеде и иным способом, и рассказывает о своих приключениях, столь богатых человеческим интересом, с потрясающей живостью и юмором.

Нюрнберг, 15 июля 1947 г.

На днях капеллан сказал мне, что вы послали ему срочное тревожное письмо, потому что услышали, что нас увезли в Шпандау. Он сказал, что сразу же ответил вам по телеграфу, что, я думаю, было по-настоящему дружелюбно и мило с его стороны!

Я уверен, что авторы этих историй о зверствах верят, что даже если их рассказы не подтвердятся, они постепенно будут действовать на нервы нам и вам. Были ли мои таким образом сломаны или нет, не нуждается в моем ответе vvvvvvvv! Написав это, я не имею в виду, что в один прекрасный день мы, возможно, не поедem в Шпандау. Я принимаю это во внимание; и я хотел бы, чтобы вы рассматривали этот перенос с улыбкой, как это делаю я, всякий раз, когда он действительно может произойти. Однако я должен признать, что вам это очень трудно, поскольку ваша вера в неизбежность судьбы не столь абсолютна и непоколебима, как моя, и, следовательно, ваше отношение к вопросу о моем отстранении должно быть принципиально иным. Но, поверьте мне, ни министры с особыми полномочиями, ни произвольные судьи, ни союзные суды русских комиссаров не могут вершить нашу судьбу. Это принадлежит исключительно нам самим – принимать это таким, какое оно есть, и через принятие формировать это.

3-ШПАНДАУ (АВГУСТ 1947 – ДЕКАБРЬ 1951)

Шпандау, 3 августа 1947 года

Это мое первое письмо из нашего нового жилища. Они ни в каком

фундаментальном смысле не отличаются от старых. В некоторых менее важных аспектах, как, по-видимому, всегда бывает после смены места жительства, они менее “приятны”, но, с другой стороны, у них есть “преимущества”. К первой категории относится тот факт, что нам не разрешается отправлять письмо, подобное тому, которое я отправляю сейчас, чаще одного раза в 28 дней. В Нюрнберге я понял, что мне не позволят продолжать писать так часто, и расценил тот факт, что я смог это делать, как признак каких-то перемен в скором времени. За эти же 28 дней мы можем получить не более одного письма, но в настоящее время ограничений по длине нет. Условия: это должно быть написано четко латинскими буквами!...Теперь мой номер - счастливая семерка! Однако есть и положительная сторона: “комнаты” недавно покрашены, они более свежие и чистые. И только представьте, у меня есть подушка, одна с наволочкой, и матрас, покрытый белым бельем - впервые с тех пор, как я покинул Англию! Опять же, у меня есть стул, и мне больше не нужно притворяться, что край кровати - это диван. Недостатком является то, что белое льняное покрытие матраса создает больше проблем со стиркой – и нам приходится делать это самим! vvvvvv.

Вчера я впервые был в очереди на стирку вместе с Деницем. Я представлял себя Гудрун на берегах Северного моря, но она, я уверен, дышала воздухом, в котором было больше озона. Как мы скребли, намыливали, полоскали и отжимали! Мы сделали все, что в наших силах. Но я боюсь, что хорошая домохозяйка бросила бы отчаянный и жалостливый взгляд на небеса, увидев наши методы.

На самом деле наша нынешняя профессия сопряжена со всевозможными видами деятельности! Наше образование садоводов-огородников стремительно развивается. Это добровольно, но мы все принимаем в этом участие. Правда, этот прогресс очень неравномерен, потому что в наших знаниях так много пробелов. Под руководством французского охранника, который, предположительно, вышел на пенсию в качестве рантье в возрасте около сорока лет и теперь возится на своем маленьком участке в интересах кухни мадам, я уже довольно хорошо разбираюсь в выращивании помидоров. Я знаю, какие побеги нужно отщипывать, какие листья убирать, а какие нет, и что, когда стебли обрезанных побегов втыкают в землю, влага сохраняется лучше, так что ненужные части постепенно превращаются в хорошее удобрение....

Наше переселение сюда было довольно внезапным. Очень рано утром, с первыми петухами, нас разбудили с интересной новостью – именно так, как я и говорил своим товарищам, произойдет, хотя ни один из них мне не поверил! Поскольку мы не обременены ценностями, которые могут быть съедены молью или испорчены ржавчиной, нам не потребовалось много времени, чтобы собрать вещи....

Теперь мы будем спокойно ждать того, что может случиться с нами, – как мы делали это раньше. Или, по крайней мере, я сделаю это, не обязательно впадая в крайности факира, который видит свою миссию и счастье в том, чтобы день и ночь держать одну руку вертикально. В ментальном и духовном смысле я сам

иногда чувствую себя примерно так же, но только иногда...от этого состояния я отдалился vvvvvvvv.

Гесс в звании Бригаденфюрера СС

Ильза Гесс Рудольфу Гессу, Геггинген, 3 сентября 1947 г.

Я не только получила ваше первое письмо из Шпандау, но и чрезвычайно “остроумный” репортер уже написал кое-что о вашем приезде туда, сказав (что меня очень успокоило), что вы были самым жизнерадостным обитателем нового жилища, помимо того, что писали “нежные” письма своей жене – добавляю, что вы использовали маленькие волнистые линии vvvvvv, чтобы обозначить паузу для смеха! Vvvvvv vvvvvvvv vvvvvvvv. Вы видите, что это заставляет меня смеяться, как ничто другое, по почте! Кто бы мог подумать, что старая добрая “линия смеха” Гесса приобретет известность в газетах? Даже за те долгие годы, что вы были в Англии, когда это стало причиной двух важных

визитов ко мне...они были уверены, что я, должно быть, “что-то замышляю”, что я нагло пытаюсь связаться с вами с помощью какого-то секрета, такого как линия vvvvvvvv. Кода или чего-то еще!

О том, что вы жизнерадостны, мы узнали – слава Богу – из вашего письма! Потому что переезд в Шпандау, несмотря ни на что, заставил нас отнестись к нему довольно скептически. Но тем временем к нам пришел капеллан Ахтерманн и рассказал мне о последнем разговоре с вами вечером перед вашим отъездом. Этот разговор с Ахтерманом по разным причинам оказался запоминающимся – и не только из-за радости услышать о вас напрямую. Углубляться в это означало бы завести нас слишком далеко – “в широкое поле”, как сказал бы старый Брист из Фонтане³². Вы сказали мне, что, когда будете в Англии, вы много прочтаете Фонтане, и вы тоже сможете побродить по этому “широкому полю”, по крайней мере, мысленно....

Шпандау, 6 октября 1947 г.

..Я не удивлен, что моя подрезка помидоров вызвала у вас веселье. В промежутках я тоже немного подрезал бакко. Как некурящий, я счел довольно несправедливым, что от меня ожидают, что я буду ухаживать за этими растениями и собирать их, чтобы рабы никотина могли наполнять себя ядом. Вдобавок ко всему, говорят, что старый добрый “Уккермаркер” в своем смешанном виде может одолеть самого сильного человека. Мысленно я увидел картинку из нашего старого учебника географии “Сбор табака в Мексике”; но фигурой в книге был я сам! Не хватало только мексиканской прямой шляпы, похожей на огромный выюнок vvvvvvvv.

Теперь я впервые знаю, на каком расстоянии друг от друга следует садить морковь и что ее следует очень мелко прорядить. В то же время я доказал, что крошечные растения можно пересадить – после того, как наши специалисты по высококлассному садоводству сказали, что это невозможно! Я наблюдал за ростом лука, огурцов, тыквы, цветной капусты, сельдерея и коль-раби; и впервые собрал грецкие орехи с дерева – в общей сложности десятки тысяч с более чем дюжины плодоносящих деревьев в саду. Как пачкаются руки от того, что открываешь незрелые скорлупки!

Мы расчистили территорию площадью около девяти тысяч квадратных метров. метры настоящих джунглей сорняков, нетронутых годами и доходящих нам до бедер и выше. Корни были вырваны, перевернуты и частично превращены в грядки; мы потели, как негры. В то же время почти каждый день мы поливали новые грядки. Это было очень похвальное выступление для семи мужчин, двоим из которых было за семьдесят. Мы посеяли зимнюю капусту, эндивий и редис на новых грядках. В последнем случае, по моему предложению, порожденному моим скупым инстинктом, мы кладем каждое семя отдельно. В конце концов, у нас много места и времени и мало семян. Vvvvvvv.

Единственный из нас, кто хоть что-то знает об этой работе, - наш дуайен, герр фон Нейрат; и по этой причине мы назначили его главным директором по садовым работам. Со своей стороны, он придерживался методов Месье Петита,

---

32 Теодор Фонтане — немецкий писатель и поэт, представитель жанра реализма XIX века.

известных вам уже по моему рассказу о выращивании помидоров. Умственная деятельность, уравнивающая эту работу на свежем воздухе, была разделена между "Леберехт Хюнхен" Генриха Зайделя и "Человек и время" Ранке – вполне в соответствии с атмосферой Месье Петита, когда он мирно сажал свою капусту в пригороде Парижа.

Это напоминает мне: пока не присылайте мне ничего из произведений Трейтше, поскольку он удостоился чести быть внесенным в список запрещенных книг (по крайней мере, для Берлина).

Я был рад услышать, что визит капеллана Ахтермана пришелся вам по душе. Но я на самом деле не верю, что он приедет сюда, как бы сильно ему этого ни хотелось! Было бы так много всего, о чем мы могли бы поговорить, так ни к чему и не придя.

Herr von Neurath

Шпандау, 23 ноября 1947 г.

Вчера я получил вещи, которые оставил в Англии; в первую очередь мои книги, числом не менее ста двадцати, охватывающие широкий круг тем, от "Баухутте" Колбенхейера, "Высшей метафизики" до "Хайдена фон Куммерова"! В промежутке - весь Гёте, "Räpste" Ранке и многие другие, легкие и тяжелые, которые вы мне прислали. Большинство из них я прочитал от начала до конца во время моего монашеского существования в Англии, так что вряд ли они могут быть полезны для нынешнего чтения; но они являются благословением

для моих товарищей. Они легли в основу небольшой библиотеки, которая сейчас создается, а Редер работает библиотекарем. Из этой библиотеки я позаимствовал "Männer und Zeiten" Ранке и "Отто фон Бисмарк" Эриха Марка, так что вам нет необходимости присылать мне их.

Моей матери, как и мне самому, будет интересно узнать, что Ранке дает представление о Фридрихе Великом, совершенно отличное от общепринятого в отношении его религиозного отношения. Большинство людей думают о нем как об атеисте. Однако кажется, что это совершенно неверно. В одном он был непоколебим. Он яростно возражал, если кто-нибудь ставил под сомнение его веру в живого Бога. Он имел обыкновение с предельной убежденностью повторять современные доказательства существования Бога, особенно те, которые основаны на мудрости естественного порядка вещей. "Я не знаю Бога, но я молюсь Ему", - говорил он. Он полностью доверял провидению, которое направляло его судьбу. Подобно многим другим великим людям, он видел в бедах, которые ему выпали на долю, неизбежное бремя, возложенное на тех, кто избран для великих свершений. Однажды я прочитал, что один из его современников, в чьем доме он ночевал во время одной из своих кампаний, сообщил, что слышал, как Фридрих стонал, беспокойно лежа в постели: "Боже мой, Боже мой! Что еще великого ты припас для меня?"

В своей практической жизни старый Фриц использовал две основные тенденции философии древнего мира: когда дела шли хорошо, он был эпикурейцем; но когда угрожало несчастье, он становился стоиком, в чем однажды с улыбкой признался своей сестре, графине Байройтской. Неплохая система! Я сам – в первую очередь стоик.

На ум приходит изречение, вложенное Шекспиром в уста Юлия Цезаря. Это может показаться избитым, но, тем не менее, стоит повторить: "Из всех чудес, о которых я до сих пор слышал, мне кажется самым странным, что люди должны бояться, видя, что смерть, неизбежный конец, наступит тогда, когда она наступит". О, Шекспир, чего там только нет? Я снова перечитываю "Гамлета" и пытаюсь вникнуть в это: "...По праву быть великим — это не значит разжигать вражду без особого повода, но найти этот повод когда на кону стоит честь".

Ильза Гесс Рудольфу Гессу, Гёггинген, 10 декабря 1947 г.

Ваши пророчества относительно продолжительности моего вынужденного пребывания в санатории постепенно сбываются. Слава Богу, я сама никогда не думала иначе, так что, по крайней мере, мне не приходится переживать разочарования! С тех пор как я написала это, двое последних коллег были освобождены; но что касается фрау Геринг и меня самой, то мои взгляды пессимистичны. До сих пор я никогда не теряла чувства юмора, но моей коллеге плохо. Более того, за последние два года она пережила больше, чем я, так что она не так расположена видеть юмор ситуации. Но она отважна и спокойна умом.

У меня так много дел, что у меня действительно нет времени на глупые мысли. Благодаря моим знаниям машинописи, я теперь являюсь секретарем по всем вопросам, связанным с "отъездом" vvvvvv в женский лагерь. Действительно, это

прекрасное занятие, потому что мне приходится изучать печальные истории всех этих женщин, и поэтому я не могу относиться к своему собственному случаю иначе, как с безразличием. Часто мое время слишком сильно занято, особенно непосредственно перед Рождеством, когда на мои плечи ложатся всевозможные другие обязанности, поскольку считается, что я хорошо разбираюсь во всех рождественских делах. Баз теперь со мной³³, что означает бесконечную радость для него и для меня. Но для меня это означает некоторую дополнительную работу.

Несколько дней назад, когда он сидел на куче соломенных мешков совсем рядом со мной, он начал горько плакать. В ответ на мой испуганный вопрос о том, в чем дело, он сказал, что очень, очень хочет, чтобы папа был в мужском лагере. Его друзья там называли его “маленьким паромщиком”, любезный комендант выдал ему общий пропуск, так что он мог ходить туда-сюда от одного заключенного к другому, проходя взад и вперед, как ему заблагорассудится. Ему казалось совершенно чудовищным, что даже тогда он будет проводить только часть времени с тобой и часть времени со мной; хотя, со своей стороны, я хорошо знаю, что мне следует редко с ним видеться, потому что его тяга к мужскому общению очень сильна. Когда он так счастлив со всеми этими странными “дядями” в лагере, насколько же больше он был бы счастлив с тобой.

Он научился делать много красивых вещей в мастерской, где он сейчас находится; и, если бы мы только могли отправить это, вы получили бы симпатичную маленькую коробочку, сделанную из старой консервной банки американской армии, но выкованную вашим сыном. Поистине удивительно, какие очаровательные вещи можно сделать таким образом; все женщины, которые приезжают к нам из лагеря в Людвигсбурге, особенно девушки-лидеры "Bund deutschen Mädels", привозят целые кучи всего этого, сделанного в их лагере. Их комнаты похожи на крестьянские избы в старинном стиле, со всеми этими оловянными штучками. Мне рассказывали, что охранники часто качали головами в неохотном восхищении непостижимой сообразительностью немцев, сумевших сделать столь многое из такого малого!..

Эмма Геринг

33 Комендант лагеря выдал моему десятилетнему сыну ограниченное разрешение пожить у меня несколько недель.

Шпанда, в первый день рождественских каникул, 1947 г.
Поскольку вы упомянули мой отчет о полете в Англию, я предполагаю, что мои письма в конце концов дошли до вас!...Я совершенно не уверен, почему мой

“второй обморок” должен был вызвать у вас дрожь после прочтения об этом. Это было, когда я висел на парашюте. В таком положении человек совершенно бессилен и отдан на волю случая – в самом буквальном смысле этого слова! Даже при приземлении можно сделать очень мало; у новичков существует немалая опасность приступа судорог, которые могут привести к скручиваним, растяжениям связок или переломам конечностей. Но будучи без сознания я был в расслабленном состоянии. Критический, более чем критический момент потери сознания наступил, когда я сел за пульт управления, которым больше не мог управлять, так что и машина, и я сам оказались во власти случая – или того, что обычно называют случайностью!

Что касается предполагаемого “перелома ноги” при приземлении, то это неверно. Когда меня выбросило из машины, я с огромной силой ударился о часть хвоста, о которую я ударился правой ногой чуть ниже лодыжки, практически пульс стопы, так сказать, и соприкосновение с другим предметом, намного более твердым, чем он сам, вызвало настолько ужасное кровоизлияние, что моя нога стала черно-фиолетовой до колена. Мне пришлось пролежать три недели, и еще пять я мог только прихрамывать. Тем не менее, у меня есть основания быть благодарным этой травме, потому что в ту же ночь я был доставлен в небольшую больницу в Глазго, после того как меня сначала очень любезно заперли в обычной тюремной камере в городе. Ибо в то время я все еще был чувствителен к такому относительно тривиальному вопросу vvvvvv. Этот госпиталь все еще оставался нетронутым после последнего воздушного налета, но обломки окружающих зданий вряд ли могли обеспечить комфортное восприятие следующей атаки люфтваффе. Однако герцог Гамильтон, навестив меня, позаботился о том, чтобы меня перевели в настоящий военный госпиталь. Это место находилось за городом, примерно в получасе езды, и оттуда открывался прекрасный вид на особенно очаровательные холмы и горы Шотландии с их постоянно меняющимся колоритом.

Через четырнадцать дней меня отвезли в Лондон в спальном вагоне и сначала поместили в офицерские апартаменты у Белой башни – огромного здания, похожего на башню, которое, как мне показалось, было построено в одиннадцатом веке. Маленький домик, а также, по-видимому, часть мебели были сделаны в семнадцатом веке - довольно очаровательно!

Совершенно бессмысленное разрушение бесценных древних зданий и других сокровищ нашей цивилизации, как здесь, так и за пределами Германии, является неизмеримой потерей. Я часто думаю об этом, и это всегда наполняет меня глубокой печалью.

*

*

*

*

Я очень рад, Баз, мой мальчик, что ты учишься делать всякие красивые вещи своими руками, например, работать по металлу. Имейте в виду, вы узнаете все, что только сможете! Если вы учитесь как своего рода игре, как сейчас с вашей мамой в лагере, тем лучше. Возможно, скоро вы сможете сделать симпатичные маленькие кухонные плиты, подобные тем, что вы видели, как вы рассказали

мне в своем письме, в мужском лагере. Вы могли бы приготовить их для своих маленьких подружек дома в Острахтале; позже они подойдут и для ваших собственных маленьких дочерей.

И шахматы – этому ты тоже хочешь научиться! Великолепно. Но не забывайте, что для этого вам нужно немного мозгов. Я научился этому, когда мне было двенадцать, вместе с твоим дядей Альфредом, тогда я был на год моложе, чем ты сейчас. У нас обоих была скарлатина, и даже когда нам стало намного лучше, мы довольно долго не могли общаться с другими детьми. Наша скука была такой, что наша бедная мама волновалась почти до смерти, пока ей не пришла в голову идея королевской партии в шахматы, в которую мы играли часами каждый день. У меня все шло так хорошо, что, когда я лежал в больнице св. Квентин во время первой мировой войны я был единственным, кто победил берлинского игрока в крэк Кона, который сразился сразу с двенадцатью противниками. Это доставляет мне удовольствие даже сегодня! vvvvv. Ты можешь сделать кое-что похуже, чем пойти по моим стопам.

Прошлой ночью я много думал о тебе, держа перед собой твою фотографию; очень большую и настоящую. И в своем воображении я увидел рядом с этим, среди прочего, голову твоей матери, ее волосы, такие же светлые, как у тебя. Несколько дней назад была двадцатая годовщина нашей официальной помолвки – как быстро летит время!

*

*

*

*

Сегодня, после полуденной трапезы, Фанк исполнил рождественские песни, вариации на Фолькслидера, Бетховена и Шуберта, на гармонике, которая находится у нас в “Церковной комнате”. Музыка доносилась до моей камеры, где я сидел в одиночестве и наслаждался. В нашем положении хорошая музыка не делает сердце легче, но это было прекрасно. Решение придет, когда я снова буду слушать музыку с тобой – со своей собственной, – и это будет еще прекраснее.

Шпандау, 18 января 1948 года

В конце мая 1941 года я некоторое время жил – как я вам уже рассказывал – в офицерской комнате в гвардейских казармах недалеко от Белого Тауэра в Лондоне. Выглянув в окно, я мог видеть, как английские гвардейцы выполняют свои ежедневные упражнения с бесконечной выносливостью и точностью, которые дали бы фору пруссакам, под аккомпанемент громкой музыки. Однако я мог бы прекрасно обойтись и без волынки – и многие англичане тоже, как они мне говорили! Но шотландские офицеры, с которыми я встречался, так же гордились своей национальной музыкой, как и своим виски.; и были легко склонны обижаться на любую критику волынки.

После этого интермеццо в казармах меня, лежащего, повезли в больничной машине через весь Лондон на виллу в Мичетт-Плейс близ Олдершота, которая должна была стать моим домом больше года. Там меня окружали большие сладко пахнущие глицинии, в то время как в саду цвели великолепные

рододендроны всех цветов радуги. Если бы это не была тюрьма с большим количеством колючей проволоки и часовых, защищавших меня от враждебно настроенной публики, я вполне мог бы быть удовлетворен. Столовая и музыкальный салон, как и дома в Харлашинге, находились на первом этаже и выходили окнами в парк. Комендант, профессиональный артист в мирное время и истинный артист по натуре, сыграл Моцарта с прекраснейшей деликатностью. Снаружи были теплые летние ночи, в то время как мое сердце было наполнено болью, хотя я не мог предположить, как долго все это продлится и что ждет меня впереди. Намного больше, чем вы можете себе представить даже сегодня! В конце июня 1942 года меня отвезли на машине в больницу близ Абергавенни в Уэльсе, в пятидесяти милях к северу от Кардиффа. Однажды я написал вам оттуда, описывая необычную красоту этого района, особенно поразительную игру красок на холмах и горах и постоянно меняющиеся эффекты освещения. Врачи, которые там лечили меня, были людьми особенно приятного типа: один - высокообразованный, хрупкий на вид, несколько странный человек; другой - более крепкий. Оба были людьми с разносторонними интересами, с которыми можно было вести интеллигентную беседу. Последний был родом из окрестностей и иногда давал нам образцы странного уэльского языка, который, когда его пели по радио, очень напоминал немецкий.

White Tower, London – Во время второй мировой, использовалась как тюрьма.

Используя Абергавенни в качестве базы, я совершал короткие и длительные прогулки, а иногда и поездки на автомобиле дальше. Не очень далеко отсюда находится Белый замок, хорошо сохранившийся большой замок с пятью огромными круглыми башнями в окружающей стене. Он датируется одиннадцатым или двенадцатым веком и выглядит именно так, как я представлял себе средневековый замок, когда был мальчиком! Во внутреннем дворе замка разбит тщательно ухоженный газон, а вокруг него, между стеной и рвом, растут вековые деревья и множество цветущих кустарников, таких как сирень и бузина. Несколько раз я посещал аббатство Ллантони, готическую церковь, ныне лежащую в руинах, за исключением придела, который частично сохранился. Церковь, вероятно, была принесена в жертву разрушительной ярости Кромвеля. Я хорошо понимаю, что англичане не любят, когда им напоминают об их “железнобокости”; их чувства на этот счет очень неоднозначны. Таким образом, как я вскоре осознал— было нетактично проводить параллели между Кромвелем и неким другим человеком.³⁴ Этот район, как и почти вся Англия, представляет собой огромный парк; хотя здесь, в Уэльсе, это впечатление несколько ослабляется мрачными холмами, обычно лишенными деревьев и часто покрытыми осыпающимися камнями. Как часто я тосковал по огромным участкам настоящего леса, как у нас в Германии! Я чувствовал себя скорее человеком, которого все время кормят суперрафинированными продуктами и который жаждет хорошей твердой деревенской еды - такой, как свинина и клецки vvvvvv – или тем, кто предпочел бы простой черный хлеб диете из пирожных и печенья.

На участках, распаханых под посевы, живые изгороди окружают поля и окаймляют дороги. Это настоящая земля живых изгородей, таких, какие могли бы быть спланированы и посажены Zeitalter des Lobendigen. Живая изгородь состоит из кустов ежевики и небольших деревьев лесного ореха, а также большого количества белого и красного боярышника и диких роз вперемешку со всевозможными неизвестными мне кустарниками. Летом я неделями собирал большое количество ежевики; можно сказать, что я приготовил “ежевичное лекарство”! Никто в округе не утруждает себя их сбором, потому что у них таких вещей огромное количество. Я также не пренебрегал лесными орехами, которые также были проигнорированы и оставлены всем, кто захотел их взять. Что меня очень порадовало, так это широко распространенная любовь к большим старым деревьям, которые часто сохранялись, даже если это были всего лишь дуплистые пни. Они рассказали мне о мелком фермере, который продал свою ферму по низкой цене при условии, что старое дерево, которое там стояло, никогда не будет срублено.

Поведение людей, которых я встречал во время своих прогулок, было, за очень редким исключением, безупречным. В деревнях и маленьких городках, через которые мне доводилось проезжать, жители подбегали к своим дверям, чтобы

---

34 Возможны два варианта сравнения здесь— либо Гесс сравнивает Кромвеля с Наполеоном, который как известно симпатизировал евреям(Наполеон узаконил права евреев, приравняв их к правам коренных французов), либо с Лениным(Кромвель разрушал и сжигал церкви). Либо возможен третий вариант сравнения с одним из лидеров французской революции(Казнь Карла была публичной). Так или иначе политика Кромвеля была абсолютно проеврейской. (прим. Переводчика)

поглазеть на немца, который спускался к ним с неба; но часто они были вполне дружелюбны, и один из приставленных ко мне офицеров сообщил мне, что большое количество населения надеялось, что моя миссия увенчается успехом и война закончится – это было бы великолепно!

Первой книгой, которую мне дали почитать, когда я находился в госпитале под Глазго, был роман "Кёнигсмарк". Однажды я видел у Вас его перевод, так мне показалось, когда я уезжал; но, как ни странно, его не было среди книг, присланных мне из Англии. Так я потерял этот сувенир.

В ответ на мою просьбу герцог Гамильтон сохранил для меня часть разбившегося Me 110 вместе с парашютом. Я надеюсь, несмотря ни на что, что в "назначенный день" я снова увижу эти напоминания "неосмотрительности, которая может сослужить нам хорошую службу"!

герцог Гамильтон

В дополнение к книгам, которые вы время от времени присылали мне, я брал книги из библиотеки, все они были на английском языке. Я изучал Первую мировую войну – особенно с английской точки зрения – настолько тщательно, что действительно стал настоящим экспертом. Военное чтение дополнялось политическим: мемуарами Грея, объемистым трудом Ллойд Джорджа и,

естественно, Черчилля. Но, прежде всего, я изучил все, написанное Джеллико, что я всегда хотел сделать, чтобы пополнить свою коллекцию книг о битве при Скаггерраке....

*

*

*

*

Здесь тоже в течение некоторого времени мы могли пользоваться книгами из городской библиотеки. Изучив те, которые были взяты взаймы, в отличие от тех, которые мне были нужны, я с благодарностью подумал об английской библиотеке. Например, здесь книги, посвященные Первой мировой войне, практически недоступны – возможно, из-за стремления искоренить любой воинственный менталитет даже среди людей, окруженных толстыми стенами и вооруженной охраной! Соответственно, я читаю книги, посвященные Средневековью, которое, по-видимому, вовсе не является мрачным или воинственным по сравнению с нашим временем. Я даже возвращаюсь к Цезарю, Периклу и "Одиссее" Гомера; последняя в переводе Фосса. Определенно, мне давно пора было погрузиться в древнейшую классику, ибо мне стыдно признаться, что я никогда не читал "Одиссею" целиком – только отрывки для использования в школах в благословенные дни детства. Мне также попался в руки исторический роман Скотта "Айвенго", который относится к тому же периоду, что и "Белый замок", рядом с которым я останавливался, когда был в Англии. Мне очень понравились некоторые фрагменты работ Винкельмана об искусстве Древнего мира, после того как я углубился в них и пропустил некоторые не столь интересные части. Итак, вы видите, что я добиваюсь прогресса в самосовершенствовании - даже если это плод принуждения. Тем не менее, паразитируя, я пользовался только книгами, заказанными другими. Просто потому, что тех, кто был в моем собственном списке – тех, кого я больше всего хотел прочитать, – казалось, никогда не было в библиотеке, а если и было, то их "отсеяли". Сейчас я занимаюсь составлением нового списка, на этот раз составленного из самого каталога, так что ранее приведенные причины отсутствия того, что я хотел, не могут быть обоснованными. Мне любопытно, что они теперь скажут! В вопросах такого рода я принципиальный пессимист и, как показывает опыт, самый умный пессимист! Но в действительно важных вещах я остаюсь, как всегда, "сумасшедшим" непоколебимым оптимистом....

Ильза Гесс Рудольфу Гессу, Гёггинген, 23 января 1948 г.

Время, когда Баз был здесь, до сих пор звучит в моих ушах как самый прекрасный звук в музыке нашего лагеря, хотя расставание с ним, после того как мы так долго были вместе, было еще более трудным. Но у всего есть две стороны, и не в последнюю очередь жизнь в лагере для самого мальчика. Конечно, это не продлилось бы долго, если бы, возможно, он не смог пойти в школу в Гёггингене и, что более важно, жить, спать и мыться где-нибудь в другом месте, а не среди толпы женщин, молодых и старых. Кроме того, что можно сделать в плане воспитания, когда мать мальчика что-то запрещает или

даже наказывает его, но всё это время милые, добрые “тетушки” и “бабушки” стоят вокруг, умоляя о бедном малыше, или даже втайне дают ему поступать по-своему, или жалеют его из-за слишком суровых методов его матери? Vvvvvvvvvv Я должна рассказать вам милую маленькую историю, переданную камрадом “напротив”, который много лет был секретарем адмирала Троты³⁵, которого вы так высоко ценили. Он считает, что те, кто принадлежит к той же ветви, несомненно, смогут в полной мере насладиться вкусом этого анекдота. Возможно, с течением времени очертания таких историй размываются, но это не влияет на основной смысл – возможно, это даже лучше раскрывает его! Помните бременские анекдоты Карла Лерба, которые я прислала вам в Нюрнберг? Послушайте это!

Adolf von Trotha

Вот что рассказывает мне Трота, - говорит наш приятель, - когда мы обсуждали, как второстепенные вещи вклиниваются в важные дела: в самый разгар Первой мировой войны государственный секретарь по военно-морским делам вдруг издал письменное распоряжение о том, что с определенной даты мирное "Schublehre" (логарифмическая линейка) должно писаться именно в

такой форме, а не, как раньше, "Schubleere". По-моему, это было 1 января 1917 года. До этой даты там, где в правилах службы встречалось слово `Schubleere`, оно должно было заклеиваться этикетками, к которым прилагалось слово `Schublehre`. Это указание, поступившее в критический период войны на море, вызвало у офицеров штаба флота изумление - недоумение, сменившееся ураганом смеха. Личный состав собрался вместе и, подкрепившись изрядными дозами алкоголя, среди ночи отправил радиотелеграмму ответственному государственному секретарю с приказом немедленно доставить ее ему лично, которая гласила: Глубоко впечатленные памятным указанием от такого-то числа о написании в будущем термина `Schubleere` как `Schublehre`, офицеры штаба Флота Открытого Моря просят об особой милости, а именно о разрешении писать слово `Schubleere` в форме `Schublehre` не только с указанной даты, но и с этого самого дня. В заключение `Трота выразил сожаление, что так и не узнал, как воспринял это секретарь, получивший специальную телеграмму из штаба Флота открытого моря и прочитавший вышеприведенный текст! Больше об этом ничего не было слышно".

Шпандау, 15 февраля 1948 года

С тех пор как я получил фотографию База на Рождество и новогоднее письмо моей матери, у меня не было никаких новостей. Ничего не пришло, кроме нескольких книг, среди которых: *Wirtschaft im Europaischen Raum* (Исследование европейской экономики), которую, однако, мне не разрешили взять, поскольку она была написана с "национал-социалистической" точки зрения. Пожалуйста, напишите маме об этом, чтобы она запомнила, когда в следующий раз будет присылать книги. Я бы также попросил вас не присылать никаких книг о Первой или Второй мировых войнах, если только они более или менее не соответствуют Лихновскому, или если они не являются произведениями политиков и солдат противоположной стороны (именно так! Vvvvv).

Недавно я прочитал небольшую книгу энтузиаста скалолазания второй половины прошлого века: "Эйнзаме Бергфартен" Барта. Почему в довоенные годы мы почти перестали совершать какие-либо альпинистские походы - даже совсем легкие, без нервных перенапряжений? Наши предыдущие поездки были такими прекрасными: тур по Шоттелькару, несмотря на то, что пришлось запастись провизией на три недели; и Хохкениг. Не говоря уже о пешеходной экскурсии по долине Инн, от Крангбиттема до Альпах, которую вряд ли можно назвать альпинизмом, но тем не менее она неповторима. Из более поздних экскурсий я могу вспомнить чудесные долгие прогулки по Оберзальцбергу, через Хохленцер, Шарицель и Вердербранд вниз к Кенигсзее, через осенние леса с видом на ярко раскрашенные склоны и высоко над ними в прохладном воздухе, чистом, как хрусталь, Ватцманн, мерцающий под первым слоем раннего снега; вдалеке виднелся Штайнерн-Меер. Последняя из этих горных экспедиций (насколько известно на данный момент) была летом 1939 года, спуск с Бергхойзеля Карли, когда позади нас на гребнях Веттерштайна сгущалась непогода - такая прекрасная и трогательная для воспоминаний. И так

странно символично...

На прошлой неделе я прочитал "Weltgeschichtliche Betrachtungen" Якоба Буркхардта, сборник лекций, прочитанных великим ученым в Базеле в конце прошлого века. Попробуйте сами достать эту книгу; она вам понравится так же, как и мне.

В данный момент я читаю о саксонских императорах. До них был один человек, который, не отличаясь внешним успехом, был великой нравственной личностью: Конрад первый, герцог Франкенский, который был избран императором Германии в 911 году. Он преодолел себя до такой степени, что избрал своим преемником герцога Саксонского, впоследствии императора Генриха Первого, человека, который был его сильнейшим противником, отравившим ему жизнь. Это был уникальный случай в истории средневековой Германии, столь богатой случаями совершенно противоположного характера. И герцоги действительно избрали этого сакса, хотя они знали, что он был человеком, который будет править тяжелой рукой, или, по крайней мере, с контролем, который будет править тяжелой рукой, или, по крайней мере, с контролем, который ограничит возможную независимость, поскольку он сам практиковал это, когда был в оппозиции. Это было правдой, что Империя нуждалась в таком человеке, который руководил бы ее судьбой, если бы она хотела преодолеть величайшую опасность, исходящую от постоянных набегов гуннов; и герцоги также понимали это. Когда Генриху наконец удалось победить гуннов и справиться с опасностью извне, он в то же время создал авторитет, необходимый для укрепления империи изнутри. Толстая голова саксонца оказалась настоящим благословением! Франк написал все это своей жене из Нижней Саксонии – еще одно доказательство его морального величия! Vvvvvvv.

*

*

*

*

Как я всегда радовался свежесвыпавшему снегу! Но сегодня? Это оставляет меня равнодушным: земля, кусты, ветви, деревья, стены – все покрыто белым, но я почти не замечаю их! Возможно, я не хочу видеть это, потому что я больше не желаю видеть красоту и позволять своему духу быть тронутым ею. Защитная оболочка вокруг моей души становится толще; на ней начинают образовываться кольца лет. Только те, кто потерял свободу, знают, что значит свобода.

Ильза Гесс Рудольфу Гессу, Гёггинген, 26 февраля 1948 г.

В одном из своих недавних писем вы писали о книге "Кенигсмарк", первой, которую вы прочитали в Англии; она вам понравилась, потому что вы когда-то видели ее среди моих книг и почувствовали, что она создает своего рода духовную связь со мной....Эту связь я всегда старалась поддерживать, когда вы были в Англии, насколько это было возможно, я читала все книги, которые присылала вам от здешних книготорговцев! То, что я сейчас отправляю, предназначено также для того, чтобы помочь этой связи. Здесь мы отправили предназначенное также для помощи в этой связи. Здесь у нас образовался

великолепный кружок по изучению литературы. Мы погружены в Райнера Марию Рильке, а перед этим прочитали "Фауста" от начала до конца и обсудили его, особенно вторую часть. Сейчас я пытаюсь достать для вас недавно опубликованное двухтомное собрание сочинений Рильке – одно из лучших новых немецких переизданий. Тогда мы снова сможем читать вместе на параллельных линиях! Поначалу вам придется приложить значительные усилия, чтобы не вникать в это, потому что поначалу это покажется вам очень странным. Я познакомилась с его работами через подборку его опубликованных писем; и почти ничего другого я не читала во время продолжительной болезни зимой 1944-45 годов.

Примечательно, что после 1945 года у меня был самый необычный опыт знакомства с произведениями Рильке и их влиянием на людей всех оккупационных держав. Некоторые из них, после предварительной демонстрации невоспитанного высокомерия, внезапно были привлечены к длинному ряду моих работ Рильке, которые были расставлены на полках в комнате, где всегда проходил "допрос". Начавшись таким образом, некоторые довольно необычные беседы часто развивались и превращались в дружеские дискуссии – по крайней мере, в случае с теми представителями самых разных органов власти, которые были заинтересованы в допросе меня и к которым можно было отнестись серьезно. Эти поразительные переживания, которые повторялись снова и снова. Привело к тому, что я стала проявлять всё возрастающий интерес к поэту. Здесь, в лагере, я обнаружил в руководителе учебных групп мужского лагеря высокоинтеллектуального представителя вида *homo sapiens*, страстного поклонника Рильке, так что я продолжала размышлять. Давным-давно, когда я прочитала XXIII сонет в первом томе сонета "Орфей", я была глубоко тронута, ибо мои мысли были сосредоточены на моем "in Tag und Traum stets Fliegenden" (тот, кто летает всегда, днём и в своих снах).

Ильза Гесс Рудольфу Гессу, 2 апреля 1948 г.

Я писала вам в феврале, что моё дело было окончательно назначено на 9 марта; затем, как раз перед назначением срока, оно было перенесено на 23 марта. Я понятия не имела, что моё освобождение произойдет молниеносно после этой даты. По общему опыту, после слушания дела проходили недели или даже месяцы, прежде чем освобождали. Я никогда не думала, что была взята под стражу в качестве "меры безопасности" в ожидании расследования и не была включена в число тех, кто классифицируется как АА (автоматически арестованный). Через суд в лагере, моё дело можно было быстро урегулировать, как только немецкие чиновники, осуществлявшие там контроль, получили в свое распоряжение соответствующие документы. Затем они смогли освободить меня – без консультаций с американцами. И они это сделали! Всё это произошло ровно за двадцать четыре часа, так что только сейчас я постепенно осознаю ситуацию - как вы, наверное, догадываетесь.... Да, этот этап моей жизни закончился. Не смейтесь, но я тоскую по лагерю и моим компаньонам там, и мне приходится привыкать к жизни без этого

товарищества – несмотря на База. Естественно, снова быть с ним так прекрасно, что никакие слова не могут выразить того, что я чувствую....

В лагере мне всегда приходилось думать о тебе, когда у нас играла хорошая музыка, что было очень часто в последние несколько недель. Я вполне могла себе представить, насколько глубоко вас тронула игра приятеля Фанка и музыка англичанина, который играл Моцарта в доме, где вы остановились в Адлершорте. Я чувствовала то же самое, потому что с 1941 года избегала слушать дорогую мне музыку. В лагере концерты были составлены из оставшихся записей Харлахинга, и однажды мне пришлось плакать от такой безысходности, это было ужасно и наполнило меня стыдом. Но постепенно музыка приобрела позитивные качества и, в конце концов, стала источником внутреннего подъема, вот и все.

Шпандау, 11 апреля 1948 г.

Рудольф Гесс передает привет своей жене Ильзе Гесс:

Что касается этой формы обращения, которая, несомненно, вас очень удивит, я должен упомянуть один или два факта: письма, отправляемые мне, не могут содержать более 1300 слов (а не только 1200, как предписывалось ранее); ничего не должно быть подчеркнуто и не должно использоваться никаких сокращений, включая начальные буквы вместо имен; знаки запрещены, даже если к ним приложено объяснение – это включало в себя строку смеха vvvvvvvv. Нарушения этих правил дают некоторое объяснение недоставке такого количества писем.

Будьте внимательны и запомните эти правила, как и я. В дальнейшем я перестану указывать форму обращения буквами, но, в то же время, я не хочу выписывать его полностью. Итак, я возвращаюсь к методу, использовавшемуся древними римлянами, как описано выше. Вы можете улыбнуться и мысленно добавить, в качестве пояснения, то, что я написал бы в личном письме. Вам будет легко догадаться....

*

*

*

*

Обратите внимание на книгу Шляйха "Besonnte Vergangenheit" ("Солнечное прошлое"), если вы ее еще не читали. Это действительно "солнечно". Я еще не закончил книгу и поэтому не знаю, включает ли она рассказ о его опыте чтения лекций конгрессу врачей о великом открытии в его жизни – местной анестезии – не совсем радостном опыте! Однако это был вклад в тему: "Массы и гений" и "Старомодные консерваторы и прогрессисты". На него накричали и выставили смешным: "Авторитет" пытался унижить его уничтожающей речью! Прошли годы, прежде чем кто-то решился провести настоящий эксперимент с его новым методом; и, к его удивлению и удивлению его коллег, было установлено, что молодой человек, которого презирали, был не праздным мечтателем, а пионером революционных возможностей. И в данном случае первопроходец не был "аутсайдером". Нет! Он сам был одним из членов гильдии. Это был брат-ученый, один из них самих, с которым эти ученые подло обошлись! Я был

вынужден вспомнить историю Земмельвайса в Вене. Он обнаружил причину послеродовой лихорадки и в своей собственной больнице простым способом, настояв на том, чтобы врачи мыли руки перед тем, как прикасаться к другому пациенту при родах, сократил количество случаев до ничтожной доли от того, что было раньше. Но его преследовали насмешки и презрение коллег-медиков, и, озлобленный и с разбитым сердцем, он сошел в могилу. И такого рода вещи не свойственны медицине, которая ограничивается людьми с завышенным представлением о превосходстве в образовании – неакадемические “целители” и относительно необразованные люди всех мастей могут лечить друг друга подобным образом. Так или иначе, такое поведение кажется частью человеческой природы: целые тома можно было бы заполнить самыми удивительными иллюстрациями этой истины – хотя до настоящего времени, похоже, никто не извлек необходимого урока.

*

*

*

*

Ширах, наш историк литературы, сегодня читает нам вслух отрывки из "Божественной комедии" в переводе Почхаммера: она невероятно красива, в ней звучит чистейшая музыка; ее нужно читать вслух, чтобы получить максимальное удовольствие. Почхаммеру, прусскому подполковнику, после выхода в отставку пришла в голову неплохая идея перевести величайшее произведение Данте в немецкие строфы, сначала спросив совета у Вильденбруха, который с энтузиазмом поддержал его, увидев первые образцы....

Ширах составил список лучших немецких романов, и мы используем его при составлении нашего списка желаемых книг....

Прощай! Как говорили римляне в конце письма!

Шпандау, 9 мая 1948 г.

Завтра вечером исполнится седьмой год, который я провел в заключении. Когда это началось, я думал, что это может продлиться семь часов: как только я представился герцогу и объяснил свою миссию парламентаря (офицера, несущего флаг перемирия). Я предполагал, что со мной должны обращаться так, как подобает обращаться с парламентарём, даже если я пришел по своей воле. Когда стало очевидно, что я обманул себя на этот счет, я рассчитывал на семь дней – до тех пор, пока этот вопрос не будет рассмотрен официально. Ну что ж! Я должен был научиться растягивать нить надежды, которая тянулась ко дню свободы, – растягивать ее все больше и больше! Я не хотел возвращаться, не выполнив свою работу. В самые первые дни я сказал одному из офицеров о себе, что худшее, что они могли бы со мной сделать, - это отправить меня домой прямо сейчас. И тогда этот добрый человек стал "весь во внимании" и широко раскрыл рот и глаза в ожидании великого "откровения", которого ждали там люди: что я "сбежал" из "нацистской Германии", с указанием причин. Однако он был явно разочарован, когда я заверил его, что целью моего полета не было практиковаться в полетах на большие расстояния и

навигации, удовлетворить амбиции прорвать английскую систему обороны, насладиться ощущениями от прыжков с парашютом в Шотландии или, возможно, совершить зарубежную поездку в Португалию, все это время я был уверен, что меня застрелят или посадят в тюрьму дома – без того, чтобы сначала поговорить с кем-нибудь из высокопоставленных лиц в Англии и, по крайней мере, довести до его сведения мое предложение. После того, как переговоры закончатся, ситуация изменится; тогда я сам придавал бы большое значение своему праву вернуться домой, как подобает парламентёру. В то время я не имел ни малейшего представления о том, что – в каком-либо положительном смысле - могло означать моё пребывание в качестве заключенного. Компас в моей груди вел меня так же верно, как точный навигационный компас, указывающий направление на север, или компас моего старого доброго Me 110 всю дорогу до места назначения.

У меня был установлен дополнительный компас, так что, если два других будут отличаться, третий укажет, что пошло не так. Но все три без колебаний давали одни и те же показания, включая четвертый, довольно примитивный, на моем запястье, который должен был направлять меня после прыжка, когда я выпрыгнул из парашюта, чтобы направиться в Дунгавел. Однако и в этом отношении все пошло не совсем по плану, потому что в борьбе за освобождение от моего самолета, которая продолжалась некоторое время, я приземлился в паре часов марша от Дунгавела – не говоря уже о моей травме ноги.

Мой личный компас не обманул меня даже в вопросе подхода. Я продумал полдюжины различных маршрутов, пронумеровал их на карте и тщательно запомнил, но того, который я в конце концов выбрал, среди них не было! В качестве легко узнаваемого ориентира при пересечении восточного побережья я остановился на горе Чевииот, и это сослужило свою службу. Но потом, к сожалению, я увидел вдалеке (примерно так же далеко, как Дунай от Альп) ряд гор, выступающих из тумана. Королевство для человека, который скажет мне, какой из них правильный! Я втянул носом воздух, потер большим пальцем о указательный, как это имел привычку делать отец Бауэр, и направился прямо к тому, который выглядел наиболее вероятным. Это был правильный выбор, потому что очень скоро я смог разглядеть выступающий в море участок суши и цепочку маленьких точек: Святой остров и острова Фарн, как, по-моему, называются эти точки, которые я сотни раз изучал на карте дома. Ибо это была моя навигационная точка, к которой должны были привести различные курсы. Но я летел к Чевииоту, а не к островам, потому что между ними и материком постоянно курсировала стая кораблей, сопровождаемая тремя эсминцами в Дварслайне (локсодромный курс). Очаровательная мирная картина, но, подойди я поближе, был бы открыт адский огонь из зенитных орудий. На самом деле, я никогда не видел ни единого облачка дыма от "эйк-эйк". Все шло именно так, как должно было идти – и ни в малейшей степени не так, как, по убеждению Удета, должно было идти! Думая успокоить Фюрера, он заверил его “от имени военно-воздушных сил”, что о достижении мной своей цели не может быть и речи: либо я упаду в море, потому что, имея так мало практики, я не смог бы управлять такой сложной машиной, либо я просто исчезну где-нибудь над

океаном или, если, несмотря ни на что, я все-таки окажусь над Британскими островами, я был абсолютно уверен, что меня собьют. И даже если бы этого не произошло, я бы наверняка сломал себе шею, пытаясь выпрыгнуть. Но, как я уже писал, Фюрер полностью отличался от Удета; он был достаточно “пессимистичен”, чтобы быть уверенным, что, когда я однажды хорошенько вбью себе что-нибудь в голову и буду с этим бороться, я не премину это осуществить. Что ж, он был прав, потому что знал своего заместителя дольше и лучше, чем кто-либо другой, а что касается политических последствий, которые вызывали у него серьезное беспокойство, то он был рад оставить всё в руках судьбы. Франк рассказал мне в Нюрнберге, что Гитлер впоследствии сказал ему, что, по его мнению, я, должно быть, произвел такое бескомпромиссно достойное впечатление на англичан, что даже они не почувствовали бы себя способными, даже в разгар войны не на жизнь, а на смерть, нажить капитал на моём бегстве, распространяя ложные сообщения о моей цели – как он и ожидал, они так и поступили. Со своей стороны, я предполагал, что эта самая “бескомпромиссная порядочность” будет встречена с теми же качествами. Я просчитал недостаточно далеко, чтобы понять, что у Черчилля больше не было сил действовать свободно или сдерживать лавину, которая затем обрушилась на нас. Вот вы где. Таковы некоторые воспоминания из прошлого, касающиеся семилетнего юбилея моего “неблагоразумного поступка”.

Шпандау, 4 июля 1948 г.

Пока не забыл! Позвольте сразу ответить на вопрос о предполагаемом визите: он подразумевается, я знаю, очень любезно, но я не желаю никаких визитов - ни малозначительных, ни иных. Я не могу изложить Вам все причины такого решения, некоторые из них уже были приведены.....

Вы спрашиваете о нашем садоводстве. Ежедневно, если только не очень влажно, мы приступаем к прополке, посеву, высадке или сбору урожая. Сейчас цветет более тысячи квадратных метров картофеля. Кроме того, у нас есть более ста овощных грядок, где мы с переменным успехом пробуем своё мастерство под руководством старого Нейрата. В разноцветной смеси у нас есть фасоль и горох, все виды капусты и свеклы, шпинат, сельдерей, салаты, тыква, редис, окопник и лук, не говоря уже о помидорах. В этом году я специализируюсь не на помидорах, а на репе и мангольдах. При прореживании я пересадил пару тысяч таких растений, и они действительно прижились – к моему удивлению, потому что в течение нескольких дней они представляли собой жалкое зрелище.

Я думаю, что однажды стану фермером, в качестве второстепенного занятия (не смейтесь!). Но, конечно, не здесь. Ибо почва в этой проклятой песочнице просто плачевна. В конце концов, чего можно ожидать, когда не так давно с точки зрения мировой истории море накатывало на это место, но не – можно быть уверенным – любви Творца всего живого! И вдобавок ко всему, этот климат! Сейчас июль, но хотелось бы, чтобы утром и вечером было тепло, и растения, без сомнения, чувствуют то же самое. В этом году мы обнаружили,

что тепла, исходящего от нашего дорогого солнца, едва хватает на одну четверть года. Я хорошо понимаю, что наши ранние предки, включая императоров из рода Оттонов и Штауффенов, были постоянно одержимы стремлением отправиться на юг, к итальянскому солнцу, и что, хотя их головы говорили им идти на восток, их сердца тосковали по югу...

Шпандау, 1 августа 1948 г.

Рудольф Гесс передает привет своей жене Ильзе Гесс и сыну Базу! Он также сообщает вам, что письмо от 17 июля прибыло сюда, но не было передано из-за его политического содержания. Фрагмент, написанный Базом, который, слава Богу, не был политическим, но который был напечатан на той же бумаге, будет передан мне позже. Поэтому, пожалуйста, обратите внимание: ничего политического, и письма от База должны быть на отдельных листах! Мать ничего не отвечает на обвинение в том, что она занималась политическими вопросами: целесообразная политика, поскольку, вероятно, это снова привело бы к возникновению трудностей. Кроме того, я уже знаю, что бы она сказала, будь она вольна писать так, как ей заблагорассудится. Так что проглотите это, даже если оно хочет встать у тебя в горле – как это делаю я, целыми тележками! Нас учат становиться стойками и философами, нравится нам это или нет.

*

*

*

*

Я наткнулся на необыкновенно прекрасную книгу "Фрурот" старого социалиста Августа Вининга. Это во многом напоминает мне – не забывая об изменениях, вызванных временем, – Грюнера Генриха. Он мог бы стоять бок о бок с последним по великолепной ясности языка, достигая политических высот, даже если сам стиль кажется ближе к стилю Штифтера. Когда-то мне очень хотелось увидеть Виннига на месте Лея, поскольку он был человеком, который, воспитываясь в школе старомодной социал-демократии и став регентом Восточной Пруссии после Первой мировой войны, неуклонно шел по пути, ведущему от интернационализма к национализму.

Шпандау, 29 августа 1948 г.

Ваши письма от 12 августа прибыли в целости и сохранности и были вручены. Вынесенное до сих пор постановление не позволяет отправлять другое письмо вместо того, которое было остановлено, поскольку "Люди должны быть наказаны" (пожалуйста, не смейтесь!). Далее, мы только что услышали, что кого-то осенила гениальная идея: отныне запрещенный материал в письмах должен быть зачеркнут фиолетовыми чернилами, вместо того чтобы все письмо было изъято или возвращено. Поскольку моя память в таком плохом состоянии, я могу быть обманут, но, кажется, я припоминаю, что цензоры в прежние времена уже осознавали возможности этого метода.... Не беспокойся слишком сильно о Базе и его учебе. Судя по различным вещам,

которые мне рассказывали за последние несколько лет, в характере малыша, по-видимому, нет абсолютно ничего, что могло бы вызвать беспокойство. И по сравнению с его общим характером любые успехи в школе в ближайшем будущем, большие или малые, чуть больше прилежания или чуть меньше, естественно, совершенно неважны – хотя было бы неразумно сообщать ему об этих еретических взглядах со стороны его отца! Даже если бы он провалился на том или ином экзамене, это было бы и вполнину не так плохо, как если бы он превратился в напористого парня в худшем смысле этого слова. А пока пусть он будет негодяем, а не образцовым мальчиком, всегда думающим о том, чтобы приносить домой отчеты о хорошем поведении...

Мне было приятно отметить из его отчета, зачитанного мне из письма, которое я не получал, что он принял участие – или, по крайней мере, хотел принять участие – в лыжной гонке; однако погода помешала. Как только он сможет, пусть летом начнет заниматься футболом – и серьезно: возможно, его немного потренируют в спортивном клубе по обращению с мячом. Однажды я наблюдал, как несколько маленьких мальчиков, младше его, получали такое обучение в мюнхенском Ян-Верейне и возможность практиковаться на месте. Футбол остался в моей памяти как лучший из всех видов спорта для групп мужчин; но по сей день я сожалею, что мне никогда не давали никаких систематических инструкций: в те дни, осмелюсь сказать, такого рода вещи не прижились....

Еще четыре недели не будет обмена мыслями - насколько можно говорить об "обмене" и "мыслях"; все так, как есть. Мои настоящие мысли в эти дни ни с кем не разделяются. Они идут своим чередом! Salve! Ваш.

Шпандау, 3 октября 1948 г.

К моей матери.

Благодарю вас за ваши дорогие поздравления на Троицу и за подарок в виде нового перевода Нового Завета. Это, безусловно, очень смелая вещь, идущая вразрез с великолепным языком Лютера, который сам глубоко укоренился в народе и постоянно ходил среди него, чтобы оставаться связанным с ним (термин "фольксвербунден" был узнаваем, хотя и был заблокирован цензурой). Все это время он прислушивался к наиболее подходящим и общепринятым словам, к образам среди наиболее употребляемых вещей и к знакомым бытовым фразам. Как он сам сказал, нужно внимательно слушать, если действительно хочешь говорить так, как говорят люди!

Лютер дошел до того, что вместо цветов, известных в Палестине, но не встречающихся здесь, заменил их названия на другие, принадлежащие нашему окружению.

Его перевод невероятно мощный; чувствуется, что он вложил в него всю свою страсть и теплоту. Многие из того, что вытекает из этого великого произведения, уже давно вошло в нашу постоянную речь, так что любая другая версия должна показаться странной.

Тем не менее, эта попытка перевести Библию на современный немецкий язык, на мой взгляд, полностью удалась; признаюсь, я сам удивился, поскольку не

ожидал, что это возможно. Адмирал Редер, выбравший религиоведение в качестве своей специальной области изучения, на самом деле полон энтузиазма.

*

*

*

*

Кто станет утверждать, что воля и руководство Бога справедливы и понятны, когда он смотрит на ход мировых событий сегодня и рассматривает судьбы отдельных людей и целых сообществ? Я считаю невозможным избежать убеждения, что бок о бок с Богом должно существовать нечто, представляющее собой противоположный полюс, например, то, что обычно называют дьяволом. Это кажется тем более вероятным, если задуматься о том, что на протяжении всего существования мы обнаруживаем полярность: свет и тьма; горячее и холодное; положительное и отрицательное электричество; хорошее и плохое; мужское и женское начало. Время от времени дьявол берет верх – или, скажем, Бог позволяет ему это делать, – как в случае с Мефистофелем в "Фаусте".

Делается ли это для того, чтобы очистить человеческие существа, побудить их развивать внутреннюю жизнь? Не из уважения к личности, немногие избираются в качестве инструментов и слуг прогресса, во имя добра и благословения человечества, когда господству зла придет конец. В то же время те, кого выбрали таким образом, будут вознаграждены за страдания, которые им пришлось вынести: успех для одного, осознание великой задачи для другого или слава в глазах потомков, бессмертие; но знание этих вещей скрыто от отдельного человека.

Удивительно, как эта идея всплывает в связи с великими именами истории, не только мыслителями, но и людьми действия. Например, в случае с Густавом Адольфом, чью биографию я читал: он предупреждает жителей Магдебурга помнить свою собственную историю. "То, что Бог желает сделать великим, - сказал он, - сначала проходит через серьезные трудности благодаря Его всемогуществу, чтобы Его слава могла быть еще более явной".

Шпандау, 25 декабря 1948 г.

Мне очень интересно, что то, что Баз считает особенно важным, он пишет, совершенно непреднамеренно, большими буквами – и чаще всего с неправильным написанием! Среди некоторых людей бытует поговорка: "он пишет то или иное крупными буквами": один пишет ЗОЛОТО, другой - ЕДА, третий – ПРИБЫЛЬ, четвертый - Я, точно так же, как на самом деле делает Баз в своей особой манере. Если всю свою жизнь он будет продолжать писать "ИДЕАЛ" большими буквами, как, по вашим словам, он делает сейчас, он, без сомнения, на правильном пути.....

*

*

*

*

С истинным наслаждением я читаю сборник писем Вильгельма Буша, этого смеющегося философа, который был для своих собратьев ярким зеркалом,

отражавшим много юмора, но не без доли горькой серьезности. Я раньше не знал, что он так долго жил в Мюнхене, и упоминания об этом городе придали его письмам особый отзвук дома.

В процессе чтения я познакомился с биографией интереснейшей личности, которая, на мой взгляд, заслуживает симпатии: Томас Мор, автор "Утопии", поистине выдающийся человек, намного опередивший свое время. Именно за это он и был предан смерти своим королем. Духи его типа всегда вызывают неприязнь тех, кто заинтересован в сохранении существующего положения вещей. Им везет, если они не получают ничего хуже, чем неприязнь.....

Шпандау, 23 января 1949 г.

К сожалению, после сентябрьского письма от вас до сих пор нет ни одного. Но я давно примирился с этими паузами и потерей десятков писем. Если, наконец, кто-то все-таки доберется благополучно, это будет сюрприз. В Англии мои письма отправлялись с интервалом в несколько месяцев, и тогда многие приходили сразу, если не в оригиналах, то в двух экземплярах. Они не заблудились совсем, как это происходит сейчас. Англичане сказали бы, что их задержали в Германии в качестве "наказания", но я был убежден, что они задержались в Англии, чтобы позлить меня.

Соответственно, я умолял швейцарского посла разрешить отправить их непосредственно ему из Швейцарии, и это было сделано, хотя он тоже считал, что задержка произошла в Германии. По крайней мере, он так делал до тех пор, пока, к его удивлению, не выяснилось, что письма из Цюриха доходили до меня так же долго, как и из Германии, что доказывало, что задержка произошла в его любимой стране – на самом деле в отделении Красного Креста в Женеве. Вот так и получалось, что мои письма застревали на недели и месяцы! Даже когда заявления были сделаны самим послом, они не возымели никакого эффекта. Последний, как, по-моему, я уже писал, был трогательно добр ко мне. Он не только несколько раз приезжал повидаться со мной в Мичетт–Плейс, Олдершот, который находился не так далеко от города, но и совершал долгое путешествие в Абергавенни, чтобы повидаться со мной - это заняло около тридцати шести часов туда и обратно – с довольно частыми интервалами. Мы вместе обедали и, как правило, приятно беседовали, знакомясь со многими общими друзьями. Среди них был человек, которого я знал, когда был мальчиком в Александрии. Сейчас он находится на швейцарской дипломатической службе, и, по-видимому, участие в бесконечных званных обедах является одной из многочисленных обязанностей его профессии, а также принесение своего пищеварительного аппарата на алтарь патриотизма.

Эти беседы показались мне весьма поучительными, ведь за свою карьеру посол побывал во всех уголках мира. Он представлял свою страну в Японии и собрал много интересных впечатлений о жизни и характере японцев. Вместе со многими другими людьми он привез мне несколько книг о Японии. Среди них была книга швейцарца, путешествовавшего по Восточной Азии до Первой мировой войны. Особенно интересны его замечания о различиях между Японией и Китаем: первое - современное государство, открытое всему новому,

чистое и полное света, но при этом крепко привязанное к своим тысячелетним традициям, к своим верованиям, к многочисленным идеалам самураев, к бессмертному очарованию цветущей сакуры, полупоклоняющейся народу на своих праздниках, сохранившейся навечно в украшениях ваз или в неповторимых рисунках кисти. Китай же, погруженный в глубочайшую инерцию, еще не вышедший из средневековья, из зловещих суеверий, все еще кишущий разбойничьими бандами на суше и на море (на внутренних водах для защиты от разбойников необходима была вооруженная государственная джонка), с системой правосудия, еще не вышедшей из стадии ужасных пыток, с мандаринами, считавшимися полубожествами; с огромными массами людей, кишущих повсюду, как личинки, с миллионами умирающих от голода даже в мирное время; с отвратительными пороками и притонами пожирателей опиума - вся эта картина в действительности невероятно напоминала священные пруды храмов, которым были века и даже тысячи лет, застойные бассейны со слизью, рассадники бактерий, покрытые толстой пленкой водорослей, так что едва ли луч света достигал воды внизу. Однако швейцарский автор сохранил строгую беспристрастность и не пытался сравнивать эти две земли в каком-либо тенденциозном духе. Указанный контраст вытекает исключительно из фактов и, возможно, даже не предполагался им. Не стоит забывать, что все это было сорок лет назад! Сейчас картина совершенно иная. Китай сильно изменился: более или менее насильно страна была открыта для так называемой "цивилизации", и за полученные блага пришлось расплачиваться новыми опасностями и недостатками. Жизнь там, конечно, теперь будет гораздо менее интересной - и гораздо менее достойной уважения, даже если она не будет (как это, казалось бы, видно) искать свое спасение в крайностях совершенно иного характера. Если можно говорить о "спасении" в этой связи?

Однажды посол Швейцарии привез мне коробку с красками. Однако рисовать акварелью не так просто, как я предполагал. Думаю, необходимо какое-то введение. Я не обладал даже самыми примитивными знаниями об этом предмете. В коробке не было белого цвета, что казалось мне серьезным недостатком! Как же смешивать серый? Тогда я достал тюбик с белой краской, но от нее получилась только жуткая каша! Но вот мне в руки попала книга "Живопись акварелью", и я обнаружил - что казалось мне невероятным - что небесно-голубая краска, смешанная с вермильоном, может давать множество прекрасных теплых, светлых, прозрачных оттенков. Теперь я понимаю, почему Гете был так рад, что на Сицилии с ним был друг-художник, который мог посвятить его в такие секреты, и теперь я чувствую себя способным оценить работу великих акварелистов. Когда-то казалось, что это так просто, легко набросать прекрасные бледные тона, серые и розовые оттенки вечера, мерцающие облака - но теперь! О, Боже, помоги мне!

Шпеер очень забавлялся, когда я рассказывал ему о моих попытках, и утверждал, что рисование акварелью вредно для характера, так как ведет к поверхностности. Но теперь я избавлен от опасности систематически портить свой характер.....

*

*

*

*

На Рождество и Новый год пастор подарил мне несколько гравюр, которые моя мать прислала ему для меня: она также написала ему письмо, которое, по его словам, было очень трогательным. Среди этих вещей был вид на дом Ибрагимие в Александрии, одна из моих самых ранних попыток фотографирования. И вот на что это похоже!

Одно время Фюрер проявлял большой интерес к виду этого дома и утверждал, что архитектор, должно быть, был очень способным. Я показывал ему эти фотографии, когда мы вместе были заключенными в Ландсберге. Как часто я думаю о тех днях! Я знаю, что директор “Муфтий” не понравился вам своими холодными и несимпатичными манерами, когда вам приходилось обращаться к нему за своим “пропуском” во время еженедельных посещений тюрьмы. Но, в конце концов, люди такие, какие они есть, и в принципе он был хорошим человеком и порядочным товарищем. Чего бы я сегодня не отдал за еще одного “муфтия”!

Случайно, как раз в день рождения моей матери, я наткнулся на отрывок из Канта о его матери: “Я никогда не забуду свою мать, ибо она посеяла и взрастила во мне первые семена добра. Она открыла мое сердце влиянием природы; она пробудила и расширила мои представления о жизни; и ее учения никогда не переставали оказывать благотворное влияние на мою жизнь”. Это относится не только к матери Канта, слово в слово....

Шпандау, 13 февраля 1949 г.

Я все еще не имею от Вас известий; последнее письмо пришло пять месяцев назад! За редким исключением мои товарищи получают почту регулярно. Когда я обратился с просьбой разрешить мне навести справки о задержке или о том, чтобы навести справки, я получил разрешение написать Вам вне очереди: это я сделал 10 февраля.

О моих письмах к Вам я могу добавить следующее:

1. То, что я не написал ежемесячного письма в марте 1948 г., не было вызвано забывчивостью или нежеланием это делать, но я не могу сказать Вам истинную причину.
2. Я надеялся в своем мартовском письме затронуть вопрос о письмах, приходящих сюда, но не доставляемых мне, но это ни к чему не привело, так как тем временем мне сообщили, что они не будут мне переданы.

Кроме того, мне сообщили, что до сих пор два письма, посланные Вам, были возвращены. Я узнал, что Дёниц не так давно получил письмо, посланное ему его женой, которое было возвращено ей. Но он все же получил его - несколько извилистым путем, а именно через Америку! Оно пришло официально - от тамошней официальной организации. Поскольку это было вполне законно, я могу рассказать Вам об этом, добавив, что этот способ, возможно, будет открыт и для Вас. Вы можете попытаться связаться с фрау Дёниц. Она, вероятно, сообщит Вам, что организация, о которой идет речь, сообщила ей, что отныне посылки с продовольствием могут отправляться к нам по этому маршруту. Но -

и вот почему я об этом говорю - я не хочу получать их, даже если это разрешено. То удовольствие, которое они могли бы доставить мне в материальном смысле, с лихвой перевешивается беспокойством, которое они могут вызвать. Это было бы верно во всяком случае, но тем более теперь, когда средства сообщения между Вами и мною так неопределенны. Даже если бы посылка действительно пришла, я должен был бы считаться с вероятностью того, что она где-нибудь сгниет, или - что еще вероятнее - не сгниет и не дойдет до меня, но причинит Вам личный ущерб. Поэтому я повторяю то, что уже говорил: ни в коем случае не присылайте мне ничего съестного. Пожалуйста, будьте добры не делать этого, даже если окажется, что существует надежный способ, или Вы будете думать, что он существует!

*

*

*

*

В книге Глейхена-Руссвурма "Готический мир" я нашел ответ на проблему, которая часто обсуждалась, но теперь, насколько я понимаю, решена: "Немецкое" или "готическое" письмо было создано во Франции для использования в книгах, написанных от руки, как de luxe для коллекционеров, а затем, после открытия книгопечатания, было взято на вооружение печатниками как "gothique flamboyant". Костер в Нидерландах и Гутенберг в Майнце использовали свое умение печатать шрифты прежде всего для изготовления примитивных подделок, выдавая их за работу мастеров-каллиграфов и назначая за это высокие цены. Венецианские печатники сначала взяли на вооружение французский шрифт, но, сочтя его непрактичным для быстрого чтения, заменили его более подходящим для повседневного использования - итальянским латинским шрифтом (lettera italica), который сегодня называется *antiqua*. В эпоху Возрождения она вытеснила готику во Франции, Англии и Нидерландах, но не в Германии. Гляйхен-Руссвурм добавляет, что "весьма своеобразно, что тип письма, изобретенный и применявшийся придворными каллиграфами в интересах французских коллекционеров в готический период, сохранился в Германии и со временем стал рассматриваться как немецкий, защищался и полюбился как национальный". Далее он говорит, что это объясняется, вероятно, тем, что Библия была популяризирована в этом стиле печати: "народ привык к ней с детства и поэтому научился любить ее и считать национальным достоянием, несмотря на ее плохое воздействие на глаза и барьер против других народов, который она создавала".

Недавно мне попало в руки исследование "Робеспьер и психопатология власти" Д. Ганса фон Хентига, с которым я был знаком в Мюнхене в 1920 году. Это было в тот забавный период, когда я пытался заниматься строительством и декорированием.³⁶ Тогда я познакомился с неким доктором П., личностью отнюдь не свободной от психопатических черт, но интересной, остроумной и умной: он предложил мне "тонны золота", если я полечу с ним в Персию на самолете с анилиновыми красителями и лекарствами и займусь торговлей на

---

36 Это упоминание о деятельности моего мужа в Munchner Wohnungskunst A.G. вскоре после окончания Первой мировой войны – прим. Ильзы Гесс

черном рынке - персы, по его мнению, жаждали этих немецких продуктов. Конечно, я был готов ехать - в те времена чего только не было! Однако эта затея так и осталась безрезультатной. Доктор П. уехал в Персию один, без самолета, и больше о нем ничего не было слышно! Скорее всего, его убили за ценные продукты или "тонны золота". Судьба, видимо, хранила меня для чего-то другого, если не менее авантюрного! (Здесь можно посмеяться.)

Шпандау, 13 марта 1949 г.

В этот момент я слышу музыку Фанка, доносящуюся из церкви - сокровенные эмоции великих мастеров прошлого, преобразованные в звук для нас и вечно присутствующие. Недавно я прочитал прекрасное высказывание Бетховена: "Нет ничего выше, чем приблизиться к Богу ближе, чем это дано большинству людей, и с этой позиции излучать свет Божества среди своих ближних".

Я только сейчас узнал, что Фанк в молодости был пианистом и давал концерты на гастролях. Как необычно, что такой человек стал министром экономики! Но даже в этой роли министра, занимающего наименее вдохновляющую из всех государственных должностей, он умудряется довольно много играть на фортепиано и фисгармонии (которая на самом деле является маленьким органом) к огромной радости посетителей. Он часто играет вариации на народные песни перед началом церковной службы и иногда принимает от нас подобные идеи. В связи с этим я напел для него небольшую мелодию, но в конце концов он ее не сыграл. К сожалению, это была не народная песня, а музыка более легкомысленного толка, и я вынужден признать, что для прелюдии к церковной службе она не подходит!...

Шпандау, 10 апреля 1949 г.

Где-то кто-то, должно быть, действительно болен. Ведь Ваше письмо от 22 марта не только дошло до меня в полном порядке, но и успело дойти до конца месяца. Это первый случай, когда два письма дошли до меня одно за другим, но я совершенно уверен, что ответственное лицо скоро снова поправится.

*

*

*

*

Сейчас у нас стоит по-настоящему классическая апрельская погода: тепло и свет чередуются с буйными метелями и серой безрадостностью. Зелень ранней весны робко пробивается маленькими почками на некоторых кустах в саду. Я не люблю сирень и все прекрасное, пока я замкнут в стенах и решетках. Какая странная штука - свобода. Никогда больше я не закрою птицу в клетке. И теперь я хорошо понимаю, почему китайцы и японцы, желая выразить благодарность за удачу, идут на рынок, покупают птиц в клетках и выпускают их на волю. Когда-нибудь я тоже так сделаю....

Шпандау, 8 мая 1949 г.

Хотите верьте, хотите нет, но снова благополучно пришло письмо от Вас, датированное 7 апреля! Бедняга, должно быть, все еще болен. Возможно, его

поразила весна, возможно, поражен мозг! Даже дата передачи письма мне прошла почти по плану: 27-го числа я получил письмо и фотографии. Но, поскольку и то, и другое было известно мне заранее, я смог насладиться предвкушением в свой день рождения, 26-го числа.

Из фотографий мне больше всего нравится та, на которой Баз пристально смотрит вдаль, видимо, наблюдая за лыжами. И все же я не знаю, как он выглядит на самом деле: чем больше фотографий я вижу, тем меньше. На каждой из них он выглядит по-разному, в зависимости от освещения, настроения и того, в какую сторону он смотрит. Наверное, у него очень изменчивая внешность, и это связано не только с фотографиями; его возраст - вступление в подростковый период - располагает к переменам. А вот его орфография никогда не меняется, она всегда совершенно страшная. В этом вопросе я могу сослаться на одного из наших великих людей: Гете сказал Эккерману: "Не волнуйте меня своими орфографическими ошибками! Я сам делаю ошибки в каждой букве и не ставлю запятых". Точно так же он мог, когда хотел, свободно и непринужденно вести беседу на франкфортском диалекте, на котором говорил в детстве. Я предполагаю, что в случае с Базем он может делать то же самое в отношении баварских диалектов, которые он знал в детстве. И я очень рад, что он может это сделать, при условии, что он также может хорошо говорить на высоком немецком языке, особенно когда он находится в северных регионах нашего Отечества. Ведь там диалектный говор воспринимается как недостаток образования, а без переводчика часто вообще не понимают. В этом плане меня раздражает Томас Манн - его роман "Будденброки". Он вводит настоящего мюнхенского персонажа традиционного пивного типа - но в Любеке! Этот герр Пермандер, как его называют, играет роль эдакого провинциального клоуна и населен полудикими людьми с ненормальным интеллектом. Однако в действительности все обстоит совсем иначе! Те, кто близко знаком с Баварией, хорошо знают этот факт! Тот, кто хорошо знает Баварию, прекрасно понимает, что среди людей, говорящих на том самом диалекте, который кажется таким "невозможным" жителям других регионов, встречаются люди совершенно иного склада: великолепнейшие люди, полные приземленной мудрости и подлинного характера, а в лучших своих проявлениях демонстрирующие необычайно высокий уровень подлинного образования. А ведь Манн действительно провел в Мюнхене более половины своей жизни! Во избежание подобных недоразумений, мне кажется, баварцы должны стараться не допускать экспорта подобных книг, в том числе и некоторых работ Людвиг Тома, поскольку они создают такое ложное впечатление у внешнего мира.

*

*

*

*

В этот самый момент я слышу, как Фанк - этот уникальный восточно-пруссский персонаж - играет на церковной фисгармонии вариации на тему *Alle Tage ist kein Sonntag...* О! Как я вам сочувствую, когда в присутствии абсолютной красоты, хочешь ты того или нет, наворачиваются слезы, и когда даже глупые

обрывки популярных мелодий, а может быть, и цветок могут вызвать такую же удивительную реакцию. Будь моя воля, фисгармонию пустили бы на дрова, а пахнущие сиренью кусты, которые сейчас в полном цвету, срезали бы до основания!

*

*

*

*

В этом году я сосредоточился на подсолнухах и делаю весь район небезопасным, а себя - непопулярным среди коллег, которые смотрят на меня как на идеального вредителя! Я сажаю свои семена во всех уголках, куда только может добраться солнце, не жалея даже самых каменистых мест, стараясь превратить их все в "плодородную землю". Просто невозможно представить, как будет выглядеть этот сад, когда семена вырастут в огромные стебли с листьями и огромными сияющими подсолнухами. Завтра будут израсходованы последние запасы, и тогда "подсолнечный демон" покинет меня, и все снова задышат - в том числе и я сам! Более того, я полностью готов к тому, что в скором времени нам придется выкорчевывать результаты моих творческих усилий, потому что заключенные, эти ужасно опасные заключенные, смогут исчезнуть за настоящими стенами зелени. В дополнение к вышесказанному я посадил не только обычные овощные грядки, но и даже на песчаных участках воткнул много картофеля, как и в случае с подсолнухами. Действительно, есть что-то трогательное в том, чтобы среди полного бесплодия - как бы из ничего - прорастали и росли великолепные растения, полные питания!

Ильза Гесс - Рудольфу Гессу 15 мая 1949 г.

Сердись сколько угодно на цветущую сирень, мой дорогой! Сначала мне было не по себе от твоих слов, а потом мне очень понравилась мысль, что ты можешь так сердиться. Гнев - это признак несгибаемой воли к жизни, а в промежутках между фазами Вашего факирского развития (описанными Вами же, хотя и в ироническом ключе) - это своего рода духовная гимнастика, которую не стоит презирать. Так что злитесь сколько угодно (здесь можно и посмеяться!), но, пожалуйста, находите время от времени немного радости: если бы в наших песчаных карьерах в Гёггингене росло хоть несколько сирени, мы были бы в высшей степени счастливы. Летом нас радовали только подсолнухи; их "щипали" по ночам, и мы украшали ими наши бедные барачные комнаты, несмотря на яростные приказы директора лагеря об обратном.

В 1941 году и позже мне часто приходилось вспоминать, что когда-то мы дали себе слово никогда не становиться снобами и "альпинистами", не продавать свое родовое право идеалистов ради внешних вещей. И я думаю, что в этом отношении мы сдержали свое слово, причем - надо честно признать - без всяких трудностей и поводов для жалоб. Я не могу с такой же честностью отрицать, что потеря Харлашинга иногда причиняет мне боль. Но это боль скорби по утраченной красоте, по тому, что было совершенным и полным гармонии, по деревьям, кустам и цветам, посаженным мною и, как я мечтаю, ставшим источником радости для детей наших детей. Сколько тысяч и сотен

тысяч внуков никогда не узнают сладких звуков и запахов родных мест? Очень и очень многим людям сегодня приходится нести тяжелое бремя, возложенное на них судьбой. Как же я могу жаловаться?

Шпандау, 5 июня 1949 г. (Троица(Духов День))

Сегодня мне приятно оглянуться назад и вспомнить, как мой отец никогда не пропускал этот день, не поприветствовав свою семью по устоявшейся формуле, а именно: "Троица с нами — это самый чудесный праздник! Откуда взялась эта фраза?" И он всегда с радостью обнаруживал, что, опять же, никто не знает, откуда она взялась! Но я всегда подозревал, что мама делает вид, что не знает, чтобы привести диктатора нашей домашней жизни в хорошее настроение и увидеть его веселую улыбку. Точно так же, когда маленький демон, опекающий неудачливых игроков в Skat, раз за разом выдавал отцу плохие карты, она умудрялась дать ему выиграть несколько партий. Интересно, что происходит в бесконечных карточных играх на том свете? Не предаются ли небесные игроки время от времени подобным проявлениям христианского братства? Я уверен, что "третий человек" уже появился: вторым, надо полагать, является сам святой Петр - по-моему, он выглядит именно так, если судить по различным его изображениям, которые попадают на глаза.

Возвращаясь к отцу: по самым достоверным сведениям, в этих заоблачных высях можно найти не только вечные карточные игры, но и вечные охотничьи заповедники. Остается надеяться, что у них нет проблем с сырым порохом и соседями-браконьерами! Передайте мои приветствия тем добрым друзьям, несчастным представителям "ягавельта" (баварская диалектная форма "охотничьего народа"), которые все еще бродят в этом мире, так сильно препятствуя осуществлению своего естественного желания, - а также всем остальным друзьям, какими бы ни были их "препятствия".

Вам я посылаю древнеримское "Salve!".

Шпандау, 3 июля 1949 г.

Моей матери

Теперь твоя очередь получать очередное письмо; прошло, наверное, полгода с тех пор, как я писал тебе напрямую. Я не замечаю этого, пока не подсчитаю: время идет так быстро. Так происходит не только здесь, где нас несколько человек. Даже в Англии, где, кроме тех, кто меня охранял, я был совершенно один, недели, месяцы и даже годы пролетали как один миг. Но часто мне не хватало чтения, и я был вынужден зарываться в собственные мысли. Я научился размышлять над проблемами больше, чем когда-либо прежде, и в моем сердце воцарился великий покой. Теперь я могу понять мужчин, которые чувствуют в себе желание уйти в полное одиночество, стать отшельниками.

Это далеко не значит, что я выбрал бы отшельничество, если бы мог устроить свою жизнь так, как мне хочется! Так же, как я не стал бы огородником на рынке; я посадил достаточно овощей, чтобы они служили мне все мои дни, я думаю.

В качестве особой заботы я взял на себя уход за примерно 150 кустами помидоров. Я организовал их полив по системе Мусаса (в саду Ибрагимие в Александрии, возле теннисных кортов) и просто стою, наслаждаясь солнечным светом, открывая и закрывая свои маленькие каналы, как будто это самое важное дело в мире - хотя время от времени водные пути превращаются в канал Рейн-Майн-Дунай будущего!

Тем временем семена подсолнухов, которые я посадил в порыве творческой экстравагантности, всходят все выше и выше, и, кажется, не обращают внимания на бедную почву. Про них говорят, что они могут расти где угодно и что они совершенно безжалостно высасывают из почвы последние остатки питательных веществ.

Интересно, удастся ли окружающим Вас внукам, да и другим людям, найти покой и сосредоточенность, необходимые для работы в школе? О современной ситуации с жильем мне напомнил отрывок из Канта, посвященный образованию: "Работа требует сосредоточенности, без нее ум отвлекается. Рассеянность ведет к неумению, поверхностности и мягкости....". Идеал для наших школ - это ограничение работы учебными часами и исключение домашней работы. Этот идеал - единственно верный путь в сегодняшней ситуации, когда перенаселенность давит, как это было в старые времена, когда рабочие жили в маленьких квартирах. Ширах учился в школе-интернате, где эта идея применялась на практике, за исключением первого класса: результаты обучения в этой школе были примерно на 30 процентов выше средних. Выше среднего! Каждый день четверть часа учебного времени отводилось на изучение слов. Отличные результаты, скорее всего, объясняются тем, что дети занимались сосредоточенно, в то время как при выполнении работы дома, как правило, отсутствует контроль и существует множество отвлекающих факторов и соблазнов. Таким образом, дети подвергаются именно тому отвлечению и ослаблению ума, которое описано Кантом. Еще одно, что меня поразило в высказываниях Канта, - это его предостережение не принимать слишком близко к сердцу мелкие детские шалости. Есть только один случай, когда следует сказать ребенку: "Тебе должно быть стыдно!", а именно, когда он говорит ложь..

...

Не так давно я прочитал - кажется, в "Reisetagebuch eines Philosophen" Кейзерлинга - отрывок о великолепии южного сада, и перед моими глазами предстал сад Ибрагимии, с его цветами и запахами, со всеми неопишуемыми, непередаваемыми влияниями этого места: знойный "хамсин", прохладный морской воздух с соленым ароматом, зимние штормы, когда море наполнялось белыми гребнями волн до самого горизонта, крики чаек, заунывный ритм накатывающих волн, который преследовал нас своей мелодией до тех пор, пока мы не засыпали. А еще были мягкие лунные ночи с непрекращающимся воем собак в пустыне, который только подчеркивал тишину. Сколько раз, должно быть, Вы сидели с нами, детьми, на скамейке под сияющей звездной ночью Египта и объясняли нам, как выглядят великие звезды, давая им имена. Многие из этих имен - Вега, Кассиопея, Альдебаран - до сих пор, когда я слышу их, вызывают в памяти образ Вас и мирного вечера давних лет. То же самое

происходит, когда я наблюдаю необыкновенно красивый закат, хотя ни один из них не демонстрирует такого богатства красок, как те, на которые Вы указывали нам с плоской крыши нашего дома перед стремительным наступлением южной ночи.

Совершенно особую прелесть в моей памяти сохранили поездки в Габари ранним утром: пробуждение природы после темной прохладной ночи в пальмовых рощах, восход солнца и вместе с ним шум лагеря, стрельба из ружей и запах пороха - Манзура с его бочкозарядным ружьем и нашего ретривера Гектора.

Потом были экскурсии в Ливийскую пустыню в сторону Мариута, среди моря цветов в течение нескольких недель весны, пока жара не вытянула последнюю каплю влаги и не похоронила все нарциссы, анемоны, герберы и все остальное, что давало цвет и аромат, под могилой из горящего песка, до постоянно повторяющегося и почти невероятного чуда их воскрешения дождями следующего года. Как давно все это было!

В 1908 году мы ехали домой: египетское побережье с колоннами Помпея, маяком и несколькими пальмами в качестве последних видимых признаков медленно исчезало позади нас. Отец повернулся ко мне и сказал: "Посмотри внимательно на эту страну, возможно, пройдет несколько лет, прежде чем ты увидишь ее снова!" Я поступил в школу-интернат в Годесберге. Никто тогда не предполагал, сколько лет пройдет - и мы, возможно, никогда больше не увидим эту землю!

Шпандау, 31 июля 1949 г.

Привет от фрау Винифред Вагнер доставил мне большую радость, хотя мысленно я был уверен, что ее отношение ко мне останется прежним. Передайте ей, пожалуйста, и мои приветствия. Если что-то и должно было еще больше укрепить мою твердую решимость лететь в Англию, и если что-то и могло это сделать, то это сделала она - совершенно невольно. Возможно, она еще помнит, что однажды в Берлине - кажется, осенью 1940 года - она спросила меня, могу ли я развеять ее тревогу по поводу кампании против Англии: сохраняется ли намерение не впадать в крайности и не стремиться к разрушению Британской империи? Она надеялась, что усилия по достижению взаимопонимания будут продолжены. Я успокоил ее, подумав про себя: если бы Вы только знали, что я сам вот-вот сделаю небольшой вклад в этом направлении!

*

*

*

*

Теперь выяснилось, что Фанк - наш главный музыкант и одновременно философ всех времен и народов - играет на Skat, причем очень увлеченно! Когда-то давно он сыграл так называемую "Karo ohne Elf" и до сих пор теплится в памяти. Вы не можете себе представить, что это значит! Услышав об этом, один из его товарищей вылепил из глины человечков, играющих в скат, с надписью: "Здесь мы играем в "Karo без Эльфа"! Она стояла в тенистом уголке

его сада. Фанк часто играл в скат с Рихардом Штраусом и своим близким другом Паулем Линке. Казалось бы, музыкальный дар может быть связан со склонностью к игре на скате - и то, и другое связано с математикой, которая действительно часто ассоциируется с великими музыкантами. Например, Моцарт, будучи совсем маленьким, не только был музыкальным ребенком-чудаком, но и сильно увлекался решением самостоятельно поставленных математических задач.

А Рихард Штраус, чтобы не упустить возможность сыграть скат в этой слишком короткой человеческой жизни, перед началом концерта взял за правило играть скат в рясе и белом жилете в артистической прихожей до самого последнего момента, а лучше - чуть дольше, пока ожидающая публика не начнет волноваться. Тогда он бросал игру и брал в руки дирижерскую палочку: то есть заполнял паузы в "Скате" дирижированием оркестром, пока перерыв не позволял ему снова взяться за "Скат". Здесь же Фанк заполняет паузы между изучением Канта и Софокла чтением "Бен Гура" и "Quo Vadis" - в отсутствие "Ската". Кажется, в 1934 году он встретил моих родителей в Кайзерхофе на вечере для немцев из-за границы, потом пошел с ними в другое место пить вино и долго разговаривал с моим отцом - о Скате! До сих пор я не могу простить себе, что не приглашал его и ему подобных чаще на скат и музыку. Это доставило бы огромное удовольствие не только пожилым людям, но и мне самому. "Если бы я только пригласил!" - как сказал бы отец.

Фриц Гесс — отец Рудольфа Гесса

Шпандау, 28 августа 1949 г.

Из писем База я вижу, что он, по крайней мере, находится на пути к тому,

чтобы стать классным футболистом: "великолепный удар слева", похоже, указывает на что-то действительно великое! (Линия смеха). Что ж, мой Волк, пусть на пути к победе тебя сопровождает потрясающий "удар".

Я надеюсь и предполагаю, что со временем ты поймешь, что работа ног и ступней должна дополняться хорошей работой головы, если ты хочешь стать "классным" игроком; я имею в виду работу, которая происходит внутри головы, а не удары по черепу! Но меня это не волнует. Что касается работы головой в целом, то, судя по твоему отчету, у тебя есть способности, но ты можешь добиться большего, если будешь прилагать моральные усилия, и твоя мама говорит мне, что ты принял похвальное решение "снова взяться за учебу" и действительно приложить усилия, так что мне не придется беспокоиться и об этом. Я верю, что Вы меня не подведете! Главное, чтобы Вы не отступили от своего доброго решения и доказали, что Вы овладели собой. Это показывает, есть у человека характер или нет, а сильный характер в жизни не менее важен, чем знания или способности. Именно от вас зависит, насколько твердым и непреклонным будет ваш характер, насколько вы сможете удержать то, что признали правильным и необходимым, несмотря ни на что!

Если время от времени вы чувствуете, что становитесь слабым и что лень грозит помешать вашей школьной работе, постарайтесь вспомнить, что я сейчас пишу вам о школьной работе, постарайтесь вспомнить, что я сейчас пишу вам и чего я от вас жду. Если вам удастся одержать самую трудную из всех побед - победу над собой, - вы почувствуете, что вам есть чем гордиться, и после этого вы будете получать еще большее удовольствие от футбола, плавания, чтения рассказов о Диком Западе или загоне скота. Одним словом, покажите, что вы начинаете становиться маленьким человеком.

Ильза Гесс - Рудольфу Гессу 16 сентября 1949 г.

Прежде всего, позвольте поблагодарить Вас за Ваши "золотые слова", обращенные к нашему маленькому негоднику! Пока что они принесли некоторые плоды, но ведь прошло всего две недели после возобновления занятий в школе. Я собираюсь переписать Ваши слова и прикрепить их булавками к его столу, чтобы они были у него перед глазами, как помощь в этой "победе над собой".

Шпандау, 25 сентября 1949 г.

Что касается *Sitzenbleiben*³⁷ База, то Вы, конечно, правы со своей точки зрения. Но я смотрю на этот вопрос с точки зрения моего непобедимого оптимизма, и, таким образом, мне кажется, что я прав! В целом я вынужден согласиться со Шпеером, который считает нас чрезвычайно покладистыми отцами. Когда одна из его воспитанниц принесла домой очень хорошую отметку, он написал ей, что она ни в коем случае не должна становиться образцовой школьницей. Успех этого предложения был наглядно продемонстрирован уже в следующем отчете! Мать девочки нашла несколько сильных выражений, чтобы описать

---

³⁷ Баз не выдержал экзамена на повышение в более высокий класс, куда его поместили в качестве эксперимента: в итоге ему все-таки разрешили остаться в высшем классе.

воспитательные теории отца. Каково мое собственное положение, когда я обратился к мальчику со словами назидания, не получив ни малейшего намека на ваше совершенно иное отношение? Боюсь, что мой совет будет гораздо менее удачным, чем тот, который Шпеер послал своей дочери. Воспитание через письмо на расстоянии - далеко не самый лучший метод; желание матери видеть непосредственное личное влияние отца вполне понятно. Если бы отцы были лицом к лицу со своими детьми, то они были бы вынуждены более серьезно относиться к своим обязанностям.

Шпандау, 18 декабря 1949 г.

Моей матери.

Моя дорогая мама, как часто я вспоминаю дни моей юности - например, по праздникам, когда Фанк играет народные песни, которые ты играла для нас на рояле, помимо более серьезной музыки, обрывки которой доносятся до меня из церкви. Вы были великолепным контрагентом крепкой мужественности моего отца, когда он был в полном расцвете сил, - мужественности, которой он часто прикрывал свою очень нежную привязанность к нам, как правило, успешно. Он держал свои чувства очень глубоко. Во многих вещах вы работали вместе: например, как образцы непоколебимой честности, верной преданности своим обязанностям во всем, большом и малом. Вы занимали себя всякими странными делами - просто для того, чтобы занять себя, потому что не могли выносить безделья....

Давайте будем беречь те прекрасные воспоминания, которыми мы можем поделиться, и не в последнюю очередь те, которые связаны с Рождеством, Новым годом и Вашим днем рождения. В этот момент я слышу, как Фанк начинает играть на фисгармонии - "Ave Maria" Шуберта. Божья Матерь - это Символ для всех настоящих матерей, для всех матерей, которым приходится страдать. С какой теплотой я думаю о Вас и о всех моих близких!

Когда я так пишу, Вы ни в коем случае не должны думать, что я становлюсь "woach" (для цензоров и переводчиков "woach" - это баварское диалектное слово, означающее "слабый" или "мягкий"). В этот момент я твердо говорю: "Ничего подобного, господин дьявол!".

Шпандау, 12 февраля 1950 г.

В моей картинной галерее все еще не хватает одной головы, которая, несомненно, принадлежит нашей семье в широком смысле этого слова - такой, как Руди и его люди. Я имею в виду "характер" и диктора погоды Фрайбург.

В роли диктора погоды она сделала все возможное, чтобы обеспечить успех самого большого достижения в моей жизни - даже если она делала это неосознанно. Или, возможно, она что-то подозревала. Что-то, что выходило за рамки своеобразных "догадок" моего народа, от База до его матери?

Что касается этого величайшего достижения моей жизни, то я вижу его не в самом факте перелета без выброски, т.е. не в успехе авиации и навигации; не в мужестве, необходимом для полета над водой, простирающейся до самого дальнего горизонта, для проникновения и приземления среди вражеской

обороны: нет, я думаю, что оно заключается в гражданском мужестве (качество, не так часто встречающееся среди нас, немцев), которое было необходимо для принятия решения и его выполнения.

Вряд ли Фрайбург заметила что-то определенное, ведь она, я уверен, никогда не подозревала своего шефа и работодателя в том, что он такой же "сумасшедший", как всё это! Иначе, несмотря на авторитарную систему, она могла бы предпринять какую-то попытку уговорить его и отвести от "безумной идеи".

*

*

*

*

Учитывая девять месяцев постоянного пребывания в состоянии боевой готовности, неоднократные фальстарты, связанные с отрывом от семьи, а затем возвращением и повторением душевных терзаний, - учитывая все это, можно предположить, что я действительно стал не совсем нормальным!

Полет и его цель овладели мной с силой непоколебимой идеи. Все остальное я видел и слышал лишь отчасти, как сквозь туман, ибо взгляд мой был устремлен то фактически, то мысленно на карты Северо-Запада, Северного моря или Шотландии. В итоге, естественно, все вышло совсем не так, как я ожидал; не хватало только точки компаса для правильного ориентирования, в которой я так остро нуждался в решающий момент! Но и это оказалось в порядке вещей. Я уже рассказывал вам об этом: Я продолжал пользоваться "системой отца Бауэра", нюхая воздух и потирая большой и малый пальцы - это действительно было чудо.

Перед взлетом я жил и двигался в мире приборов, давления в поршне, съемных емкостей с бензином, вспомогательных масляных насосов, температуры охлаждения и радиоподшипников (которые впоследствии не работали), высоты шотландских гор и еще бог знает чего! Я не замечал того, что происходило вокруг меня в повседневной жизни, не замечал самой войны и политических событий того времени.

Но сегодня я рад, что все было именно так, что я был побуждаем этим стремлением, пока, наконец, не приземлился там, после долгой отчаянной борьбы с упрямым драконом, который не хотел меня отпускать. Правда, я ничего не добился. Я не смог остановить безумие войны и не смог предотвратить то, что предвидел. Я не смог спасти людей, но мне приятно думать, что я пытался это сделать.

*

*

*

*

Через окно до меня доносятся мелодии "Парсифаля", которые наш "Фанкиус" извлекает из своей фисгармонии. В голову приходит мысль, что было бы замечательно, если бы опера Вагнера исполнялась на гиперсовременной стилизованной сцене!

Например, наивным зрителям можно было бы объяснить, что на сером мешковинном фоне изображена каморка Ганса Сакса, а не луговая сцена,

просто поставив на передний план старый сапог; иллюзию пребывания под водой, где поют рейнские девы, можно было бы обманчиво создать с помощью чаши, наполненной золотыми рыбками; а волшебный огонь - с помощью масляной лампы, если не быть еще более современным и не поставить на пол электрический фонарик. А что делают костюмы, чтобы не отвлекать взгляд? Достаточно одного фигового листа на человека или, если это кажется несколько устаревшим, купального костюма: они будут гораздо ближе к истинному первобытному идеалу. К чему вся эта возня со сценическими средневековыми одеяниями на меховой подкладке? А музыка? Зачем на этом останавливаться? Я придерживаюсь мнения, что, если быть последовательным, ее следует очень сильно упростить. Хор труб можно было бы обозначить маленькими дудочками, взятыми из детской комнаты, и тем самым освободить слуховые центры мозга для фантазии, а не посылать по всему театру звонкие ноты, как они есть, бум-бум-бум. Если уж взялся за дело, то делай его как следует! Я, по крайней мере, всегда за радикальные решения!

Ильза Гесс - Рудольфу Гессу 20 февраля 1950 г.

Тем временем из Берлина вернулись почтовые бланки с сообщением о том, что и рождественские посылки, и октябрьское письмо были доставлены Леонову, который был уполномочен их получить. Следовательно, все дошло до Шпандау в порядке, но остается возможность того, что содержимое было расхищено: то есть книги, акварели, фотографии и т.д. были взяты в дорогу, но не письма (по крайней мере, рождественское письмо, которое Вы получили), и таким образом "уполномоченное лицо", Леонов, расписался в том, что было пустой упаковкой.

*

*

*

*

Еще одно письмо от твоей мамы: "Передайте, пожалуйста, мой горячий привет моему дорогому сыну. Мои мысли всегда с ним, и я не перестаю молиться за него".

Шпандау, 9 апреля 1950 г.

Здесь Пасху отмечали граммофонным концертом, пластинки принес пастор: у нас были Бах, очень красивый фортепианный концерт Моцарта и "Форелленквинтет" Шуберта - великолепно! Красивая музыка - это как будто сам Бог говорит с нами, людьми. Мне досталось больше всего, потому что я оставался в своей "квартире". Там тон был более сдержанный. Остальные, в маленькой "капелле", сидели слишком близко к инструменту, так что он гудел и скрипел в ушах - то же самое происходит с музыкой Функа на фисгармонии, которую я слушаю точно так же, с повышенным удовольствием. Кроме того, помещение, которое используется в качестве "капеллы", было построено не по законам акустики и музыки, а по велению совсем другого порядка....

Шпандау, 4 июня 1950 г.

И снова я провел некоторое время, слушая игру Фанка. В день золотой

свадьбы Нейрата он подарил нам прекрасную музыку. Но вчера он заиграл на другой ноте, показав другую сторону своей разносторонней личности; он рассказывал различные анекдоты о своих ранних годах, когда он еще не стал известным человеком. Однажды в компании друзей он зашел в пивную, где играл военный оркестр - он любил иногда послушать музыку подлинного типа "бум-бум". Там он немного приподнялся и поспорил с друзьями, что сможет заглушить оркестр за несколько минут, в самый разгар его выступления. Не успел он сказать, как это было сделано. Он сел на стул напротив музыкантов, достал из кармана лимон и откусил от него кусочек. Успех его затеи был потрясающим! В мгновение ока перестали играть все духовые инструменты, а ведь военный оркестр состоит в основном из них! Пари было выиграно. Но его быстро выгнали из пивной.

Когда он занимал должность начальника отдела печати и имел дело с Гинденбургом, он готовил для старого господина подборку историй из своей жизни или из жизни других людей, всевозможные анекдоты, перемежающиеся с неброскими шутками, и таким образом вводил его на несколько часов в хорошее состояние.... (слова удалены цензурой).

*

*

*

*

Мы получили из библиотеки "Парергу и паралипомену" Шопенгауэра. Как бы он обрадовался случаю "Фрау Х. против Ш.". Как блестящий пример, подтверждающий его крайне негативное отношение к женскому полу. Соглашаясь, естественно, с ним в том, что девушек надо приучать к подчинению, готовя их к браку, я должен сказать (теперь я говорю серьезно), что его суждения о вашем поле действительно гротескны и перестают быть нормальными, как и все его крайне пессимистическое отношение к жизни в целом. По его мнению, даже дружба между мужчинами почти всегда коренится в эгоизме, по крайней мере, с одной стороны. При этом он, видимо, имеет в виду, что он сам - исключение, а его друг - правило. Жаль человека, который лишает себя последних истинных идеалов в этом, по общему мнению, далеко не идеальном мире!

Однако я с радостью обнаружил, что Шопенгауэр поддерживает меня в моем утверждении о том, что честь человека не может быть задета никем посторонним. Как замечательно Шопенгауэр умеет ругаться и проклинать своих оппонентов! Когда он по-настоящему злится - хотя он часто говорит, что философ никогда не должен отказываться от стоического спокойствия, - он бросает оскорбления направо и налево, дает целые страницы отступлений, повторяется снова и снова и выпускает потоки слов - в середине отрывка, в котором он восхваляет краткость и сжатость письма! "Наемные чернильщики, пользующиеся жаргоном хоттентотов": "Рабочие, молодые ребята из гильдии писак с их грязными ртами" - вот что это такое! А почему? Потому что эти "ребята" используют имперфект вместо перфекта или плюсквамперфекта, или аблатив вместо генитива. Когда этот страстный кантианец пускается в "тегелевский культ", получают такие жемчужины, как: "Профессора

философии и их путаница липкой чепухи", их "трехфунтовые мозги" и их "тупые глупые умы, в которых проблемы философии находят отклик, как колокол в вакууме". О, как хорошо я знаю эти канонады язвительности!

Но что действительно великолепно в Шопенгауэре, так это ясность изложения, близость понимания и красота стиля. Если философ - это человек, чьи предложения приходится перечитывать по десять раз, чтобы докопаться до какого-то истинного смысла, то он, конечно, не философ. Вот почему мне так нравится его читать....

Шпандау, 2 июля 1950 г.

Сейчас мне в руки попала книга Зюбеля "Берундизация Немецкой Республики Вильгельмом I". Но там действительно написано "Вильгельмом I". Я всегда думал, что это Бисмарк! О, как гордыня преклоняется перед княжескими тронами! Даже если речь идет о ярко выраженном национал-либерале, каким с гордостью провозглашает себя автор. Однако, если не считать этого, книга достаточно хороша.

Знаете ли Вы, что когда-то Вы подарили мне - должно быть, это была одна из первых книг, которые я получил от Вас, - "Мои странствия и похождения с рейхсфрайхеррном фон Штайном" Эрнста Морица Арндта, в очень красивом старинном издании. Однажды я взял ее с собой в экспедицию в горы - вместе с "Kleinen Volkswirtschaftslehre für Jedermann", которую Вы всегда ненавидели брать с собой в экспедиции в качестве одного из предметов первой необходимости. Сейчас я краснею при мысли о том, что, несмотря на это, я так и не прочитал книгу Арндта как следует. Теперь я это исправил и очень воодушевлен. Какая живость! Кажется, что все выплеснулось наружу и тут же было записано стенографически: а какое представление о самом Штайне и его великолепной личности!

*

*

*

*

Несколько слов о наших письмах и цензуре: отныне нельзя использовать термин "линия смеха" вместо старого знака vvvvvvv, а также категорически запрещены любые сокращения имен. И то, и другое может привести к трудностям с моими письмами, возможно, к вычеркиваниям. Собственно говоря, в последних двух письмах несколько отрывков были зачеркнуты.

Шпандау, сентябрь 1950 г.

Моему сыну.

Ты, Рольф-Рудигар, постепенноходишь в тот возраст, когда можешь сам взять на себя часть своего воспитания: ты должен осознать, что тебе предстоит сделать, и внимательно посмотреть на свои недостатки - никто от них не свободен! А затем показать себе и другим, что у Вас есть сила воли, достаточно сильная, чтобы победить свои слабости. Если потребуется, скажите себе: "Ах ты, никчемный парень - ты должен!..".

Мне нет нужды подробно рассказывать о том, что входит в состав маленького джентльмена, вы и сами это знаете или, тем более, чувствуете. Прежде всего, это должно проявляться в вашем поведении по отношению к маме, причем не только в День матери, а всегда, по любому поводу и изо дня в день. Время от времени в Вас будет подниматься дух противостояния, это точно; когда ей придется поправить Вас в чем-то, возможно, дерзкий ответ будет на кончике Вашего языка - тогда остановитесь и подумайте о том, что написал Вам Ваш отец, находящийся так далеко, и о том, как он был бы рад сделать что-то рыцарское и полезное для Вашей матери, как некую компенсацию за те десять тяжелых лет, которые ей пришлось пережить!

И даже если Вы действительно считаете, что в какой-то момент она несправедливо упрекнула или даже наказала Вас, это не является оправданием для того, чтобы перестать вести себя по-рыцарски. В таком случае ничего не говорите, но позже, когда вы оба будете спокойны, вы можете рассказать ей, почему вы считаете, что с вами поступили несправедливо. Я хочу сказать вам далее, что вы можете мне поверить, когда я говорю, что молча, не дрогнув, проглотить несправедливость, хотя и полностью сознавая, что ваше поведение было совершенно правильным, может придать (особенно мужчине) внутреннюю свободу, которую ничто не может поколебать. Но помни, мой дорогой негодяй, что ты поймешь это в полной мере только тогда, когда станешь на несколько лет старше и, возможно, еще раз перечитаешь это письмо.

Шпандау, 22 октября 1950 г.

Прежде всего, несколько слов по практическим вопросам: Вы не должны писать более 1300 слов в целом; очевидно, пренебрежение этим правилом уже несколько раз приводило к возврату Ваших писем; и, прежде всего, ничего политического, как это было в Вашем последнем (вырезано цензурой) письме. И мы больше не можем высылать никаких книг - с сегодняшнего дня. Также не высылаются вырезки из газет.....

*

*

*

*

Среди наших книг есть книга Дестервега по астрономии в новом издании, выпущенном издательством Urania-Meyer. Когда я был школьником, у меня была еще одна его книга - прекрасная *Das Welgebäude*. Она показывает, как небольшой толчок в определенном направлении в нужный момент может стать отправной точкой для интереса всей жизни. В 1906, а может быть, и в 1907 году в одной из газет появился рассказ о комете. Когда ночь уже почти кончилась, а солнце еще не взошло, я увидел комету. Хвост ее быстро мерцал по трети неба. Каждую ночь я вставал, чтобы понаблюдать за ее стремительным полетом и изменением формы. С этого момента я никогда не терял интереса к звездам: учась в школе-интернате в Годесберге, я постоянно покупал маленькие томики "Космоса", а изучая коммерческие дисциплины в Невшателе, брал книги французского астронома Фламариона. Все это было очень полезно для познания неба и французского языка, но мало способствовало достижению той

цели, ради которой я там находился; при изучении коммерческой бухгалтерии я не смог набрать даже минимально необходимого количества баллов. Моим знаниям о звездах не придали никакого значения! Поэтому мне пришлось пройти специальный каникулярный курс, что очень раздражало моего отца, который, слава Богу, не знал, в какие дебри забрели ноги его сына, которому суждено было стать купцом и главой дома Hess et Cie в Александрии. Моя мать была вполне довольна этим делом - если не считать упреков, которые она обрушила на своего непутевого сына! Она очень любила звездный мир с его тайнами. Так что, возможно, не только комета оказала на меня такое влияние, но и некий наследственный фактор, не забывая о том, что мама так часто обращала внимание нас, детей, на небесные светила, видневшиеся в ясном небе над Нилом. Я шлю ей особый теплый привет в память о многих вечерах, которые мы проводили, сидя в саду Ибрагимии в сияющем великолепии южных ночей.

Под влиянием книг по астрономии я снова занялся тем "хитрым стариком", который так верно и постоянно сопровождает наш земной комок и который, по мнению некоторых теоретиков, однажды обрушится на наши головы, как и многие другие до него и многие еще грядущие, вызвав тем самым то, что мы имели во времена Потопа, и что дорогое старое человечество пытается сейчас осуществить "силой" без всякой помощи свыше! Как мы знаем, он всегда поворачивается к нам одним и тем же веселым лицом, что вполне естественно, ведь каждый раз, совершая оборот вокруг Земли, он поворачивается вокруг своей оси. Все это понятно, но почему так происходит - старая и много раз обсуждаемая проблема, в которой не последнюю роль играет вопрос о кратерах. Одни считают, что они имеют вулканическое происхождение, другие - что это результат падения малых планет. Я склоняюсь к последней точке зрения. Возможно, будущие путешественники на лунных ракетах смогут определить, что с другой стороны у старика такое же гладкое лицо, как у маленькой девочки!

Это подтвердит правильность моей теории о том, почему одна его сторона всегда повернута к нам. У меня есть только одно сомнение: решение, которое я придумал, кажется слишком простым. Должны быть какие-то серьезные возражения, ведь я никогда не читал ни об одном подобном предложении. Пусть будет так, как будет! Наслаждайтесь великой сферой, свободной от всяких теорий, но думайте при этом обо мне!

Шпандау, 22 января 1951 г.

Моей матери.

Ильза пишет, что тебе особенно приятны напоминания о нашей совместной жизни, которые ты находишь в моих письмах. Поэтому я хотел бы еще раз напомнить тебе о тех днях, когда мы, маленькие, цеплялись за твой фартук. Если бы кто-нибудь тогда предсказал наше будущее, мы бы рассмеялись и сочли его сумасшедшим. "Маленький Руди" просидел в тюрьме более десяти лет, так и не поняв, за что!

Но забудем обо всем этом и вернемся к дням детства: какой райский уголок

был в нашем саду на краю пустыни! Помните, как мы вместе собирали фиалки, как они чудесно пахли, каждый день мы собирали очередной большой букет с огромными цветами. В самом дальнем углу сада, у теннисного корта, где мы раньше выращивали овощи, они и росли. Страстоцветы примостились вдоль стены сразу за живой изгородью. В детстве они вызывали у меня тревогу: пахли так ядовито, а их формы были такими жесткими и математически точными. На беседке рос виноград, который никогда не созревал. Мы все время пробовали его. Иногда нам везло, и мы все-таки находили спелый, но он всегда заставлял нас кривиться - ботаническая загадка, объяснения которой я так и не нашел до сих пор, ведь в Египте такой жаркий климат. Возле беседки были настоящие джунгли, где росли такие растения, как хонцисукл и иланг-иланг, распространявшие сладкие ароматы Аравии - как их представляют, но на самом деле они совсем другого порядка!

А как прекрасно было на песках в те времена, когда еще не было причалов, и человека полностью окружала великолепная природа, где встречались море и пустыня. По большей части на воде царил идеальный штиль, и можно было зайти в воду к крабовым камням. Иногда волны слегка подхлестывал ветерок, и мы с некоторым уважением относились к коварным течениям. Поздней осенью начинались штормы, огромные, с горами брызг, когда волны разбивались о скалы в старой гавани, а солнце сверкало сквозь белую пену. Средиземное море, обычно такое голубое и веселое, стало серым или грязно-желтым от взбитого песка. Чайки издавали хриплые крики. Под ритм набегающих волн мы, дети, погружались в вечернюю дремоту: "О счастливые глаза, то, что вы однажды увидели, несмотря ни на что, - сокровищница красоты навеки". Мне доставляет бесконечное удовольствие, моя дорогая мама, что твои глаза все еще видят красоту мира - и я хорошо знаю, как они ее видят! ....

Шпандау, 6 мая 1951 г.

В эти последние дни Мать, должно быть, часто тосковала по теплу Египта, хотя в те давние времена летний зной был слишком большим благом. Хамсин" и сегодня, спустя сорок пять лет, вызывает страшные воспоминания: обжигающий ветер, дующий из огромного пекла пустыни и несущий с собой песок, как густой туман, день за днем. Вы старались не выходить из дома, опускали ставни в надежде хоть как-то защититься от горячего ветра, старались закупорить все щели от летящего песка - но все было тщетно! Весь дом был как инкубатор, и всепожирающий песок распространял свой желтоватый порошок повсюду и проникал во все, даже в нашу пищу. Висотто терся о наши зубы. Несмотря на все это, наш отец - "несокрушимый", каким он всегда был, - чувствовал себя на вершине своей формы и смеялся над своей семьей.....

Буаз, конечно, не сможет представить себе, что я был на год старше, чем он сейчас, когда впервые увидел снег. Это было в Годесберге, когда я проснулся однажды утром и увидел, что весь мир одет в белое; больше всего меня поразила совершенно мирная тишина: ни звука колес или копыт лошадей, ни одного человеческого шага.

Когда он приезжал в Германию, как обычно летом, мы задерживались иногда

до конца октября или даже до ноября, и дети видели иней на стеклах окон, но не видели снега. Однажды, переезжая через Земмеринг, мы прижались носами к окнам спального вагона и увидели, что за окном бело, но, увы, и темно; а когда наступил день, волшебного ковра уже не было, и мы бежали в теплый южный воздух. А в другой раз, когда мы ехали весной на север, в тени здания вокзала на высоком водоразделе между Южным и Северным Тиролем лежал небольшой сугроб старого снега. Мы выскочили, два загорелых ребенка пустыни, и стали бросать первые в своей жизни снежки - твердые и крутые, но холодные и белые. Это был замечательный опыт!

Его матери.³⁸

Помнишь ли ты, мама, что однажды, когда я был дома в Лестенбахе на каникулах после школы в Годесберге, мы оба испытали поистине великое наслаждение, наблюдая такое падение метеоров, свидетелями которого имеют честь быть очень немногие люди. Час за часом по небу проносились сияющие хвосты, один за другим, а иногда и несколько вместе. В это время земля, видимо, проходила через скопление метеоритов в районе Лаврентия - дело было в августе. Такое зрелище Александр фон Гумбольдт наблюдал во время своего пребывания в Южной Америке и назвал его одним из самых ярких впечатлений в своей жизни.

Шпандау, 21 октября 1951 г.

Дорогие мои близкие,

Сердечно благодарю вас за то, что вы так заботливо сообщили мне эту тяжелую весть.

Значит, это все-таки произошло, то, что казалось таким немислимым. Конечно, я должен был считаться с этой возможностью, но все же надеялся, что она останется с нами еще на несколько лет и мы сможем еще раз встретиться - как она верила! Мне несказанно приятно сознавать, что несбывшиеся надежды так и не достигли ее сознания, что она так спокойно легла на покой, без борьбы и боли прощаясь с детьми, любимыми внуками и старшим сыном, находящимся так далеко.....

Теперь она получит то место в небесных чертогах, которое заслужила трогательной любовью к семье, преданностью всему доброму, мужественным перенесением тяжких испытаний, возложенных на нее с ранней юности, непоколебимым чувством правоты, деятельной отзывчивостью, глубоким сочувствием ко всем страждущим и, что немаловажно, верным единением со своим народом.

---

38 Фрау Клара Гесс, мать моего мужа, так и не получила этого письма. Она скончалась 1 октября 1951 года. Известие об этом пришло в Шпандау в письме его брата Альфреда Гесса, в котором были такие слова: "Это был действительно мягкий уход из этого мира, такой милосердный, какого только можно пожелать. Ее избавили от осознанного прощания, и за это мы должны быть особенно благодарны..... Было бы самым бесчеловечным, что можно себе представить, если бы она знала, что ей предстоит умереть в разлуке с самым дорогим сыном, не оправдав своих надежд". Совпадение или нет: точно в это же время, за десять лет до этого (за исключением одного дня) погиб наш отец: 2 октября 1941 года, в 16 часов".

Это очень своеобразно: в последние годы жизни мать была отделена от меня пространством и была для меня не более чем идеей; она практически не влияла на мою жизнь и карьеру; в активном смысле она полностью отошла на второй план. И, несмотря на это, осознание того, что ее больше нет в этом мире, вызывает у меня чувство невосполнимой утраты и пустоты - мир уже не тот. Я думаю, пройдет еще много времени, прежде чем я смогу примириться с этой потерей. Присутствие, даже на расстоянии, любимого человека имеет само собой разумеющийся характер, оно воспринимается как должное, и поэтому человек уделяет этому человеку меньше внимания, меньше заботы и любви, чем хотелось бы потом, когда случится немыслимое, отдать - и отдал бы сейчас так постепенно, если бы только мог.

В общем, мир - это очень печальное место, полное горестей, которые таятся на заднем плане, готовые в любой момент наброситься на нас и достигнуть кульминации в "благоговейной торжественности смертного часа" - о, Шопенгауэр! ....

Шпандау, ноябрь 1951 г.

Его сыну

Занимался ли ты когда-нибудь, мой Баз, всерьез законами природы? Как они полны смысла! На каждом шагу человек сталкивается с необъяснимыми чудесами.....

Когда Канта спросили, что он считает величайшим из всех чудес, он ответил: "Небесный мир звезд, лежащий над нами, и голос совести, говорящий внутри нас".

Подумайте немного об этой совести, которая внутри нас, мой Баз! Физика и химия ничего не могут сказать о том, что происходит внутри, когда голос совести не дает тебе покоя, потому что, может быть, ты поступил плохо по отношению к товарищу или сделал что-то, что обидело твою мать, - эта самая особенная вещь, называемая совестью, никогда не отступит, пока ты не сделаешь все хорошо снова!

Ни физика, ни химия не могут объяснить вам, откуда берется чувство прекрасного, почему вы испытываете восторг, слушая музыку Моцарта (скажем, "Клейную ночь"), что захватывает вашу душу, когда вы видите - как из своего дома - заснеженную вершину Ватцмана, переливающуюся нежно-розовым цветом в лучах утреннего солнца. Невозможно объяснить и то, что вы почувствуете, когда совершите свой "большой тур" и испытаете то, что поколение за поколением "северяне", спустившись с Альп в залитый солнцем итальянский пейзаж, оставили вечное стремление и тоску, которые - к добру и злу - сыграли такую большую роль во всей нашей немецкой истории!

Как объяснить честь, честолюбие, страсти - любовь, ревность, презрение, ненависть? Какие загадки таят в себе интуиция и вдохновение! Ученого гениальная идея посещает ранним утром, когда он еще полу спит; инженера внезапно осеняет идея великого изобретения. Иоганн Себастьян Бах несколько дней искал подходящую концовку для композиции - но тщетно. И вот однажды утром он проснулся с мыслью о том, что все, до последней ноты, уже

придуманно.

Возможно, вы слышали ту или иную из очень красивых песен Гуго Вольфа (маме особенно нравилась та, что начиналась словами "Wanderer der vom höchsten Berg in der Weite sein Deutschland grüsst"). Он имел привычку перед сном читать текст своих песен, уверенный, что, проснувшись, он натолкнется на нужную мелодию, и это всегда происходило; он просто вставал и записывал ее - божественная искра разгоралась. Все это можно объяснить только одним: существует неведомая сила, называйте ее как хотите, хоть Богом, которая посылает нам способность чувствовать красоту, совесть, чтобы мы поступали правильно и хорошо, которая создала и продолжает создавать системы звезд из первобытных газов, заставляет ионы вращаться вокруг ядер атомов по законам, подобным тем, что действуют на планетах, и целенаправленно управляет всем биологическим развитием. Это должна быть сила, властвующая над всей сферой науки, как мы ее знаем, и над многим, чего мы не знаем, постоянно осуществляющая свой всемогущий замысел и воплощающая его в дела.

К этому убеждению пришли и самые выдающиеся ученые-естествоиспытатели современности. Поначалу в это не хочется верить, но великие астрономы современности в результате своих последних исследований пришли к выводам, которые, как бы трудно многим ни было с ними согласиться, они вынуждены рассматривать как доказательства существования божественной силы.

Действительно, невероятно, чтобы человек (из всех существ) с его ограниченными знаниями, слабостями, недостатками и всей его человеческой неполноценностью был избран в качестве венца и вершины Бытия! Нет! Должно быть нечто запредельное, сила, бесконечно более совершенная, чем человек, и уж тем более не похожая на него, реальность, которую невозможно себе представить. Мы можем назвать ее духом, но это мало чем нам поможет - ведь что такое дух? Мы можем лишь склонить голову в благоговении перед тем, что неизвестно и не поддается изучению.

Шпандау, 25 декабря 1951 г.

Когда наступает Новый год, мысли обращаются к будущему: что оно принесет? Вечером, когда небо чистое, Юпитер светит в мою камеру с такой яркостью, какой я еще никогда не видел.

Из часовни доносится прекрасная музыка в исполнении Фанка, затем граммофонные пластинки: 3-я симфония Бетховена, "Аппассионата" и, наконец, Шуберт "Тод и девушка".

Мои мысли со всеми, кого я люблю, с живыми и умершими....

sieg-heil.info/donate.html

